

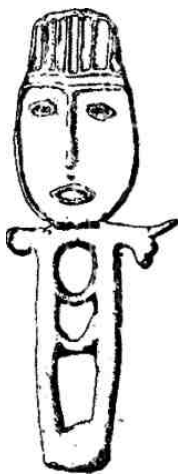
ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

HERALD OF ANTHROPOLOGY

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 2 (38) 2017

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Григорьева О.М. (отв. секретарь), Халдеева Н.И.,
Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016

© Журнал «Вестник антропологии», 2016

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Журнал «Вестник антропологии» выходит уже почти три года, и мы накопили определенные представления о круге наших читателей и авторов. Но хотелось бы знать больше, чтобы сделать журнал лучше. На главной странице нашего сайта помещен опросник – будем признательны, если Вы ответите на содержащиеся в них вопросы.

Редколлегия

ИНФОРМАЦИЯ:

Заработал сайт журнала на английском языке

СОДЕРЖАНИЕ

Этногенетические исследования

<i>Абрамова А.Н.</i> Остеометрическая характеристика меотов Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э.	5
<i>Куфтерин В.В., Дубова Н.А.</i> Краниология «эфталитов» по материалам могильника Шахидон (Южный Таджикистан)	20
<i>Юсупов Ю.М., Балановская Е.В., Сабитов Ж.М., Балановский О.П.</i> Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии	28

Современные трансформационные процессы и этнологическая наука

<i>Игнатъев Р.Н., Никитин М.А.</i> Экспериментальная антропология	36
<i>Хазанов А.М.</i> После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России	45

Прикладные исследования

<i>Веселкова Д.В., Гончарова Н.Н., Абрамов А.С.</i> Морфологическая типология лица и возможности ее применения для идентификации личности	86
---	----

Полевые материалы

<i>Головачев В.Ц.</i> Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования	98
---	----

Науковедение

<i>Губогло М.Н.</i> «Три источника и три составные части» этнической идентичности	113
---	-----

Рецензии

<i>Анчабадзе Ю.Д.</i> Рец. на: Антропология Медиа: Теория и практика / под. ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016. – 302 с.	136
<i>Чешко С.В.</i> Рец. на: Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил.	140

Contents	147
-----------------	-----

Our authors	148
--------------------	-----

Правила оформления статей	150
----------------------------------	-----

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 572

© А.Н. Абрамова

ОСТЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕОТОВ
ПРИКУБАНИЯ VI в. до н.э. – III в. н.э.

В статье дана предварительная остеометрическая характеристика меотского населения, захороненного в могильниках Старокорсунского городища № 2 и могильнике № 3 городища хутора имени Ленина, датирующихся VI в. до н.э. – III в. н.э. Была проведена реконструкция среднего значения длины тела и дана оценка абсолютных величин отдельных признаков. Была отмечена схожесть мужских и женских скелетов по признакам общей массивности скелета. Среднее значение длины тела мужчин и женщин составляет 160-162 см и 150-152 см соответственно. Абсолютные значения продольных размеров длинных костей у женщин попадают в категорию малых, у мужчин кости рук определяются средними размерами, а кости ног малыми.

Ключевые слова: физическая антропология, остеология, остеометрия, меоты, Прикубанье.

Под меотами в археологической литературе понимают оседлые земледельческие племена, населявшие в древности историческую область, которую греки называли Меотидой. Главным образом – это территория Прикубанья и восточное побережье Азовского моря.

Археологические исследования меотских грунтовых могильников ведутся уже около 100 лет. Первые антропологические работы по меотскому материалу также появились довольно давно (Дебец 1948, Бунак 1953). Большой вклад в краниологическое изучение меотов сделан М.М. Герасимовой (Герасимова 1976; Герасимова и др. 1986). Следующая работа по краниологии меотов вышла в свет лишь в 2013 году. М.А. Балабанова обработала и опубликовала массовый материал из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2 (Балабанова 2013). На сегодняшний день существует еще ряд работ, в которых приводятся результаты антропологического исследования меотов. Это работы по краниометрии (Громов и др. 2015), палеодемографии (Громов, Казарницкий 2014, Романова 1986, Мальшиев, Медникова 1995) и палеопатологии (Перерва 2005). Однако, нет ни единой работы, в которой бы давалась их остеометрическая характеристика.

Целью исследования является остеологическая характеристика меотского населения, захороненного в могильниках Старокорсунского городища № 2 и могильника № 3 городища хутора имени Ленина, датирующихся VI в. до н.э. – III в. н.э.

Материалом для данного исследования послужили посткраниальные скелеты, полученные в результате работ Краснодарской археологической экспедицией Кубанского государственного университета под руководством И.И. Марченко. Материалы происходят из могильника Старокорсунского городища № 2 (Западный и Восточный могильники). Обработаны серии, полученные в результате его раскопок 1987, 1991,

1992, 1994, 2002–2005, 2009, 2012, 2015 гг., а также могильника городища № 3 хутора имени Ленина, раскопки которого проводились в 2008–2011 гг.

Грунтовый могильник Старокорсунского городища № 2 находится на северном берегу Краснодарского водохранилища в 4 км от восточной окраины станицы Старокорсунской. Могильник городища № 3 хутора имени Ленина расположен в 2,8 км от юго-восточной окраины хутора. Могильники датируются VI в. до н.э. – III в. н.э. В археологии меотскую культуру принято делить на периоды, но на данном этапе работы, из-за малого количества изученных скелетов и их плохой сохранности, было решено изучить объединенную выборку, не разделяя их на хронологические группы.

Из-за подъема воды в зимний и осенний периоды оба могильника постоянно разрушаются водами Краснодарского водохранилища, некоторые захоронения разрушены древними перекопами и хозяйственными ямами. Все эти факторы оказали негативное влияние на комплектность скелетов и общую сохранность костей. Плохая сохранность материала стала причиной того, что только некоторые скелеты были измерены полностью, у значительной части удалось изучить только поперечные размеры длинных костей. Кроме того, тазовые кости, грудины и лопатки были представлены единичными и сильно разрушенными экземплярами, вследствие чего в работу не вошли.

Автором исследовано 90 мужских и 46 женских скелетов по остеометрической программе, включающей как признаки стандартного бланка, так и целый ряд дополнительных признаков (Алексеев 1966, Martin 1928). Были изучены как продольные, так и поперечные размеры длинных костей. Средние значения метрических признаков для костей мужских и женских скелетов, их максимальные и минимальные значения, величины среднего квадратического отклонения и коэффициенты асимметрии представлены в таблицах 1 и 2. Реконструкции длины тела и все оценки проведены по правой стороне скелета. Оценка абсолютных величин отдельных признаков проводилась по недавно предложенным таблицам остеометрических констант (Пележемский 2011: 183).

Мужские скелеты. Плечевые кости мужских скелетов среднемассивные. Луче-плечевой указатель указывает на долихокеркию, удлиненное по отношению к плечевой кости предплечье. Локтевые кости характеризуются эуроленией. Все кости рук по продольным размерам относятся к средней категории.

Кости ног характеризуются малыми значениями продольных размеров, хотя полная длина большой берцовой кости попадает на нижнюю границу средних. Значение указателя массивности бедренных костей довольно мало и близко к нижней границе межгрупповой средней (Рогинский, Левин 1978: 76). Указатель уплощенности верхней части диафиза указывает на платиметрию, то есть заметное уплощение кости на этом отрезке в сагиттальном направлении. Форма верхней части диафиза большой берцовой кости на уровне питательного отверстия характеризуется эурикнемией.

Женские скелеты. Абсолютные значения продольных размеров костей рук женских скелетов попадают в категорию малых величин. Указатель массивности характеризует их как среднемассивные. Луче-плечевой указатель определяет долихокеркию. Коэффициент массивности бедренных костей близок к нижней границе групповой средней, и даже ниже ее, хотя это можно объяснить малым количеством женских скелетов, представленных в серии. У женских скелетов кости ног так же, как и у мужчин относятся к малым размерам, но здесь они ближе к нижней границе интервала. Бедренная кость также характеризуется платиметрией. Поперечное сече-

ние диафиза большой берцовой кости на уровне питательного отверстия характеризуется эурикнемией, как и в мужской части выборки.

Стоит отметить схожесть мужских и женских скелетов по признакам общей массивности скелета. Абсолютные значения продольных размеров длинных костей у женщин попадают в категорию малых, а у мужчин кости рук определяются средними размерами, а кости ног малыми. Несмотря на то, что некоторые кости мужской и женской части выборки относятся к категории малых значений, женские кости ближе к нижней границе категории, а мужские к верхней границе.

Круральный указатель указывает на гармоничное сочетание длин бедра и голени. Интермембральный указатель показывает, что и у мужчин, и у женщин верхние конечности по отношению к нижним – среднего размера (таблица 3).

После того, как было установлено, что исследуемое меотское население скорее всего имеет малое значение длины тела (судя по длинам костей ног), для ее реконструкции были использованы шесть формул разных авторов, – Стивенсона, Фудзии, Хеновеса, Ната и Бадкура, Пирсона и Ли – разработанных на остеологических материалах по низкорослым популяциям (Пежемский 2011: 107). Реконструкция проводилась только по бедренным костям, так как показано, что именно этот способ восстановления длины тела является наиболее оптимальным (Там же, 2011: 124). В качестве конечного значения длины тела представлена не средняя арифметическая результатов, полученных по использованным формулам, а интервал, определенный по наиболее часто встречающимся результатам. Средняя длина тела для мужчин находится в интервале 160-162 см, а для женщин – 150-152 см.

Далее были реконструированы максимальные и минимальные значения длины тела по индивидуальным данным. Так как максимальное значение длины тела у мужчин, скорее всего, попадает в категорию выше средних, то ее реконструкция проводилась по формуле, предложенной М. Троттер и Г. Глезер. Реконструкция длины тела для минимальных размеров костей ног проводилась по формуле Пирсона. Максимальное значение длины тела для мужчин оказалось равно 168,8 см, а минимальное – 154,4 см, в то время как у женщин эти значения составляют 160,1 и 146,8 см соответственно. В данном случае мы можем видеть, что размах вариации реконструируемой длины тела составляет 14,4 см для мужской и 13,3 см для женской части выборки.

Настоящая работа является лишь предварительным этапом исследования. В дальнейшем автор надеется не только увеличить выборку, но и сравнить полученные данные с другими ископаемыми группами, как синхронными, так и относящимися к иным эпохам, однако имевшими похожий тип хозяйствования.

В заключении нужно еще раз отметить, что:

1. Абсолютные значения продольных размеров длинных костей у женщин попадают в категорию малых, у мужчин кости рук определяются средними размерами, а кости ног малыми;
2. Одной из наиболее ярких черт строения скелета меотов Прикубанья является удлинненное по отношению к плечу предплечье;
3. Среднее значение длины тела мужчин и женщин составляет 160-162 и 150-152 см соответственно;
4. Средняя длина тела мужчин по рубрикации Р. Мартина и по рубрикации, предложенной Д.В. Пежемским, попадает в категорию ниже средних.

Морфологическая характеристика длинных костей меоты Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э. Мужские скелеты

[illegible]

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая сторона						Левая сторона					
	n	X	max	min	S	As	n	X	max	min	S	As
1. Наиб. длина	19	237,2	257,5	210	10,9	-0,5	14	235,5	268	207	12,0	0,2
2. Суставная длина	25	226,4	250	198,5	9,6	-0,5	22	224,8	253	196	9,7	-0,2
4. Поперечный диаметр диаф.	37	16,5	19,5	14,5	1,1	0,1	44	16,0	19	14	0,9	0,5
5. Сагитальной диаметр диаф.	38	11,9	14,5	10	0,8	0,2	43	11,8	13,5	9,5	0,7	-0,4
3. Наименьшая окруж. диафиза	38	41,0	48	37	1,8	1,0	36	41,0	45	38	1,5	-0,05
5(6). Ширина нижн. эпифиза	26	31,7	36,5	27	2,0	-0,08	20	31,9	36	27	2,4	-0,3
Ulna												
1. Наибольшая длина	10	262,1	280,5	247	7,6	0,5	13	258,5	291	224	15,9	-0,4
2. Суставная длина	19	226,7	244	203	10,2	-0,6	19	231,9	261	199	12,9	-0,7
11. Сагитальн. диаметр диаф.	49	13,0	15,5	10,5	0,9	-0,03	50	12,9	15	10,5	1,0	-0,4
12. Ширина диафиза	48	16,5	19	13,5	1,2	-0,6	49	16,7	20	12,5	1,3	-0,2
13. Верхняя ширина диаф.	36	19,9	24	16	1,3	0,2	37	20,3	25,5	15,5	1,6	0,07
14. Верхний сагит. диаметр	39	23,2	27,5	20,5	1,4	-0,6	37	22,7	28,5	19,5	1,5	-0,8
3. Наименьшая окр. диафиза	34	36,5	44	31	2,3	0,9	31	35,8	44	28	2,2	-0,1
2(1). Длина от локт. отростка до головки	19	254,5	276	226	11,6	-0,6	15	258,0	290	223	15,1	-0,5

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая сторона						Левая сторона					
	n	X	max	min	S	As	n	X	max	min	S	As
Clavicula												
1. Наибольшая длина	7	134,8	142	124	4,2	-0,9	7	145,5	160	137	5,3	1,4
2a. Высота изгиба диафиза	8	28,9	34	24	2,9	-0,1	6	27,3	30	23	2,7	-0,6
4. Вертикальный диаметр	13	10,2	13,8	8	1,0	1,0	14	10,8	12	8,5	1,0	-0,7
5. Сагиттальный диаметр	13	12,7	19	11	1,3	2,5	14	13,1	17,5	11	0,9	2,1
6. Окружность середины диафиза	13	37,3	51	33	3,5	2,0	14	38,3	49	33	2,5	1,5
Femur												
1. Наибольшая длина	15	423,3	445	389	12,7	-0,8	14	432,6	462	405	13,9	-0,08
2. Длина в естеств. положении	15	420,9	444	385	13,3	-0,7	14	429,7	461	401	13,6	0,06
21. Мышелковая ширина	25	77,2	89	69,5	4,4	0,3	20	76,1	89	68,5	4,3	0,7
6. Сагит. диаметр середины диафиза	65	27,7	33,5	22	1,7	-0,01	72	28,0	33	22,5	1,9	-0,2
7. Поперечн. диам. середины диафиза	66	27,6	35	23	1,7	0,5	72	28,2	33,5	23	1,7	-0,2
9. Верхняя ширина диафиза	67	31,7	39,5	25,5	2,1	0,07	74	33,0	38,5	26	2,1	-0,26
10. Верхний сагит. диаметр диафиза	67	25,5	30	21,5	1,6	0,4	74	24,9	30,5	20,5	1,7	0,4
8. Окружность середины диафиза	59	85,5	101,5	70	4,7	0,05	65	86,9	103	73	4,8	-0,01

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая сторона						Левая сторона					
	n	X	max	min	S	As	n	X	max	min	S	As
23. Наибол. сагит. диам. наруж. мышц.	30	59,7	67,5	53,5	2,6	0,2	29	59,6	67,5	53,5	2,6	0,3
15. Вертикальный диаметр шейки	27	32,4	36	25,5	2,1	-0,7	28	33,8	37,5	29	1,8	0,2
19. Ширина головки	13	44,7	50	41,5	2,3	0,6	21	46,5	52	41	2,3	0,3
18. Вертикальный диаметр головки	12	46,2	50	42,5	2,4	0,1	21	46,2	51,5	41	2,7	0,3
14с. Длина шейки	13	44,7	52	37,5	4,6	0,2	20	42,4	54	28,5	4,4	-0,5
F10:F9. Коэффициент платиметрии	80,4						75,5					
F8:F2. Указатель массивности	20,3						20,2					
Tibia												
1. Полная длина	21	349,1	367	313	12,9	-0,4	17	352,0	389	322	14,2	0,4
1а. Наибольшая длина	21	353,6	382	318	13,7	-0,4	17	356,6	394	324,5	14,8	0,3
3. Наиб. ширина верхнего эпифиза	19	69,3	82	62	4,0	0,8	14	71,5	79,5	62,5	3,3	-0,1
6. Наиб. ширина нижнего эпифиза	31	48,5	57	43	2,7	0,3	16	48,8	57	40	2,7	-0,2
8. Сагит. диаметр середины диафиза	55	29,0	36,5	25	0,4	1,4	61	29,6	36,5	26	1,7	0,5
9. Поперечн. диам. середины диафиза	58	21,4	25	17	1,6	-0,1	61	21,4	25,5	17,5	1,6	-0,2
8а. Сагит. диаметр на уровне F. nutr.	59	32,3	40	26,5	2,1	0,2	58	33,6	38	28,5	2,1	-0,1

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая сторона						Левая сторона					
	n	X	max	min	S	As	n	X	max	min	S	As
9a. Поперечный диаметр у F. nutr.	59	22,9	27	19	1,6	0,1	58	22,9	27,5	18	1,9	-0,1
10. Окружность середины диафиза	28	76,2	89	68,5	6,5	-0,04	34	76,8	89,5	69	5,7	-0,03
10b. Наименьшая окружность диафиза	57	72,2	80	62	3,4	-0,25	57	72,7	81,5	62	3,7	-0,3
7. Сагит. диаметр нижнего эпифиза	28	37,4	42	33	2,0	0,02	24	38,4	45	34	2,3	0,1
T10:T1. Указатель массивности	21,8						21,8					
T9a:T8a. Указатель сечения	70,9						68,2					
Fibula												
1. Наибольшая длина	8	322,3	369	307,5	14,9	0,7	9	342,3	367,5	318	12,0	0,01
2. Наиб. ширина середины диафиза	9	15,9	19,5	14	1,1	1,1	11	15,7	19	13	1,7	0,3
3. Наим. ширина середины диафиза	9	12,0	13,5	10,5	0,8	2,6	11	11,7	14	10	0,9	0,5
4. Окружность середины диафиза	9	45,3	53	41	2,7	0,9	11	44,7	51,5	38	4,2	0,1
T4:T1. Указатель массивности	14,1						13,1					

Таблица 2

Морфологическая характеристика длинных костей меотов Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э. Женские скелеты

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
Humerus										
1. Наибольшая длина	8	290,0	309	258	13,0	8	288,8	304,5	277	5,8
2. Общая длина	8	285,9	304	253	12,7	6	286,2	301	273	6,8
3. Ширина верхнего эпифиза	6	43,3	46	40	2,0	10	42,1	45	40	1,7
4. Ширина нижнего эпифиза	14	52,5	60	48	5,0	13	53,8	59	51	4,7
5. Наиб. диаметр середины диафиза	30	20,1	23,5	17,5	1,1	29	20,2	23	17,5	1,0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	30	15,7	17,5	14	0,8	29	15,7	17,5	13,5	0,7
7. Наименьшая окружность диафиза	31	55,1	63	48,5	2,7	28	55,6	60	49	2,1
7а. Окружность середины диафиза	31	58,5	67	51,5	2,7	26	58,8	63	51	3,3
9. Наибольшая ширина головки	4	38,9	40,5	38	–	7	37,2	39,5	35,5	1,0
10. Вертикальный диаметр головки	6	40,0	44,5	37,5	2,0	8	39,4	44	37	1,8
14. Ширина локтевой ямки	23	24,7	26,8	22,2	1,1	23	24,4	27	21	1,4
H7:H1. Указатель массивности			19,0					19,3		
Radius										
1. Наибольшая длина	9	217,6	233	194	10,9	4	223,1	231	214	–
2. Суставная длина	9	206,5	221	181,5	10,8	5	205,2	219	179,5	–

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
4. Поперечный диаметр диафиза	18	14,4	18	12,5	1,0	14	14,5	17	13	0,8
5. Сагиттальный диаметр диафиза	18	10,5	12	9	0,6	14	10,4	11	9,5	0,5
3. Наименьшая окружность диафиза	18	39,2	40	32	1,6	13	35,6	40	33	1,4
13. Ширина нижнего эпифиза	10	29,4	33	24	1,8	4	28,1	31	26	–
Ulna										
1. Наибольшая длина	7	238,5	253	209,5	10,4	1	254,0	–	–	–
2. Суставная Длина	8	209,4	224	185,5	10,5	3	207,7	223	186	–
11. Сагиттальный диаметр диафиза	24	11,5	13,5	10	0,7	13	11,3	13,5	9,5	0,8
12. Ширина диафиза	24	14,7	18	11,5	1,0	13	14,8	16	12,5	0,9
13. Верхняя ширина	17	18,8	24	14,5	2,0	7	17,6	20	16	1,4
14. Верхний сагиттальный диаметр	18	21,3	26,5	17	2,0	8	20,4	23	18	1,3
3. Наименьшая окружность диафиза	11	32,3	35	28	1,2	6	33,2	36	30	1,8
2(1). Длина от локтевого отростка до головки	8	234,4	250	209,5	11,2	2	229,5	251	208	–
Clavicula										
1. Наибольшая длина	4	130,0	133	124	–	–	–	–	–	–
2a. Высота изгиба диафиза	4	27,3	30	24	–	–	–	–	–	–
4. Вертикальный диаметр	7	9,3	11,5	8	0,8	1	7	–	–	–

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
5. Сагитальный диаметр	7	11,1	12	10	0,7	1	10	–	–	–
6. Окружность середины диафиза	7	32,9	37,5	29	2,3	1	28	–	–	–
Femur										
1. Наибольшая длина	11	401,4	429	380	11,4	6	406,6	430	338	12,6
2. Длина в естественном положении	11	398,5	427	378	11,9	6	402,2	423	384	11,2
21. Мышелковая ширина	9	71,6	78	66	3,4	8	71,8	78	65,5	3,4
6. Сагит. диам. середины диафиза	32	24,5	28,5	20,5	1,6	33	24,8	29	20,5	1,8
7. Попер. диам. середины диафиза	34	25,0	29	22	1,2	32	25,5	28,5	23	1,1
9. Верхняя ширина диафиза	33	28,9	32	24,5	1,5	34	29,6	33	25,5	1,6
10. Верхний сагитальный диаметр диафиза	34	22,6	26	19	1,6	33	22,3	25,5	19	1,3
8. Окружность середины диафиза	29	76,8	85	70	3,6	32	78,2	88	70,5	3,7
23. Набол. сагитальный диам нар. мышелка	10	56,0	62	50	3,0	9	55,2	60	49,5	3,2
15. Вертикальный диаметр шейки	16	27,9	29,5	24	1,0	15	28,9	33,5	26	1,4
19. Ширина головки	10	40,3	43,5	37,5	1,5	12	41,3	45	38	1,5
18. Вертикальный диаметр головки	9	41,6	46	38	1,8	12	41,9	45,5	38	1,4
14с. Длина шейки	9	40,9	52,5	34,5	3,4	10	37,1	42,5	32	2,1
F10:F9. Коэффициент платиметрии			78,2					75,3		

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
F8:F2. Указатель массивности			19,3					19,4		
Tibia										
1. Полная длина	6	326,3	355	311	12,1	5	329,8	354	316	–
1a. Наибольшая длина	6	329,8	359	312,5	13,2	5	333,3	360	320	–
3. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	6	63,3	72	57,5	4,2	4	66,1	72,5	60	–
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	8	45,0	52	42	2,5	7	44,4	49	41	2,8
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25	27,6	36	24	1,6	23	27,6	37,5	24	1,9
9. Поперечный диаметр середины диафиза	26	19,2	22,5	16	1,6	24	19,0	23,5	16	1,5
8a. Сагиттальный диаметр на уровне F. nutr.	26	31,0	39	27,5	1,6	19	30,1	34	27,5	1,6
9a. Поперечный диаметр у F. nutr.	26	20,7	25	17,5	1,5	22	20,1	24,5	18	1,4
10. Окружность середины диафиза	9	70,7	79	65	4,0	12	70,5	79	64	3,3
10b. Наименьшая окружность диафиза	25	66,7	83	60	3,2	20	66,2	83	59	3,3
7. Сагиттальный диаметр нижнего эпифиза	8	34,7	37	31	1,8	9	33,1	37	29	1,7
T10:T1. Указатель массивности			21,7					21,4		
T9a:T8a. Указатель сечения			66,8					66,8		
Fibula										
1. Наибольшая длина	3	331,8	354	312	–	1	312	–	–	–

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая сторона					Левая сторона				
	n	X	max	min	S	n	X	max	min	S
2. Наб. ширина середины диафиза	4	13,8	15	12	–	2	14,0	16	12	–
3. Наименьшая ширина середины диафиза	4	10,5	12,5	9,5	–	2	9,8	10	9,5	–
4. Окружность середины диафиза	4	38,8	43	35	–	2	38,3	42	35	–
T4:T1. Указатель массивности	11,7					12,3				

Таблица 3
Указатели продольных пропорций скелета меотов Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э.
(по средним значениям, правая сторона)

Название указателя	Мужские скелеты	Женские скелеты
U13:U14. Указатель платолении	85,8	88,3
T1:F2. Круральный I	82,9	81,9
T1:F2. Круральный II	82,5	81,3
(H1+R1):(F2+T1) Интермембральный I	71,4	70,0
(H1+R1):(F1+T1) Интермембральный II	71,2	69,8
U1:H1. Локте-плечевой	83,8	82,2
R1:H1. Луче-плечевой	75,9	75,0
H1:F2 Плече-бедренный I	74,3	72,8
H1:F1 Плече-бедренный II	73,9	72,2

Таблица 4

Длина тела меотов Прикубанья, реконструированная по бедренным костям

Длина тела, мужчины	см	Использованная формула
Средняя величина	160-162	Стивенсон, Фудзии, Хеновес, Нат и Бадкур
Максимум	168,8	Троттер и Глезер
Минимум	154,4	Пирсон и Ли
Длина тела, женщины		
Средняя величина	150-152	Стивенсон, Фудзии, Хеновес, Нат и Бадкур
Максимум	160,1	Троттер и Глезер
Минимум	146,8	Пирсон и Ли

Литература

- Дебец 1948 – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.–Л., 1948.
- Бунак 1953 – Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 14.
- Герасимова 1976 – Герасимова М.М. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // Советская этнография, 1976. № 5. С. 107–113.
- Герасимова и др. 1987 – Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Громов, Казарницкий 2014 – Громов А.В., Казарницкий А.А. К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 10–18.
- Громов и др. 2015 – Громов А.В., Казарницкий А.А., Лунев М.Ю. Меотские могильники: палеодемография и краниология // Записки Института истории материальной культуры, 2015. № 2. С. 156–175.
- Малышев, Медникова 1995 – Малышев А.А., Медникова М.Б. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии. // Российская археология, 1995. № 4. С. 125–135.
- Перерва 2005 – Перерва Е.В. К вопросу о некоторых антропологических особенностях меотского населения, оставившего могильники Старокорсунского городища № 2 (палеопатологический аспект) // Четвертая археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 208–211.
- Рогинский, Левин 1978 – Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.
- Романова 1986 – Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-кавказской экспедиции) / АН СССР, Ин-т археологии АН СССР. М., 1986. Вып. 1. С. 195–203.
- Пежемский 2011 – Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата биологических наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2011.
- Балабанова 2013 – Балабанова М.А. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 21–25.

Martin 1928 – Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928.

References

- Debets G.F. Paleoantropologiya SSSR. Moscow – Leningrad, 1948.
- Bunak V.V. Cherepa iz sklepov gornogo Kavkaza v sravnitel'no-antropologicheskom osveshchenii // Sbornik Muzeia antropologii i etnografii akademii nauk SSSR, 1953. Vol. 14.
- Gerasimova M.M. Kraniologicheskie materialy iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ia // Sovetskaia etnografiia, 1976. No. 5. Pp. 107–113.
- Gerasimova M.M., Rud' N.M., Iablonskii L.T. Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy. Moscow, 1987.
- Gromov A.V., Kazarnitskii A.A. K paleodemografii meotov (po materialam mogil'nika gorodishcha Elizavetinskoe II) // Chistov Iu. K. (otv. red.). Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g. St. Petersburg: Muzeia antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Rossiiskoi akademii nauk, 2014. Pp. 10–18.
- Gromov A.V., Kazarnitskii A.A., Lunev M.Iu. Meotskie mogil'niki: paleodemografiia i kraniologiya // Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury, 2015. No. 2. Pp. 156–175.
- Malyshev A.A., Mednikova M.B. Naselenie Tsemesskoi doliny v rimskoe vremia po dannym arkheologii i paleodemografii. // Rossiiskaia antropologiya, 1995. No. 4. Pp. 125–135.
- Pererva E.V. K voprosu o nekotorykh antropologicheskikh osobennostiakh meotskogo naseleniia, ostavivshogo mogil'niki Starokorsunskogo gorodishcha № 2 (paleopatologicheskii aspekt) // Chetvertaia arkheologicheskaiia konferentsiia: Tezisy i doklady. Krasnodar, 2005. Pp. 208–211.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. Antropologiya. Moscow, 1978.
- Romanova, G.P. Demograficheskii analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III // Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh: drevnosti Severnogo Kavkaza (materialy rabot Severo-kavkazkoi ekspeditsii) / AN SSSR, In-t arkheologii AN SSSR. Moscow, 1986. No. 1. Pp. 195–203.
- Pezhenskiy D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia. Dissertatsiia na soisk. uch. step. kandidata biologicheskikh nauk. Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. Moscow, 2011.
- Balabanova M.A. Antropologiya meotskogo naseleniia Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2) // Shestaia mezhdunar. Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia: Materialy konferentsii Krasnodar: Ekoinvest, 2013. Pp. 21–25.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928.

A.N. Abramova. Osteometric characteristic of the Kuban Meotians of VI century BC – III AD.

The article provides preliminary evidence of the characteristics osteometric Meotian population. Which was buried in the cemeteries Starokorsunskaya settlement and cemetery № 2 № 3 settlement Lenin, dating from the VI century BC - III AD. Reconstruction of the average value of the body was carried out and an assessment of the absolute values of individual characters. The similarity of male and female skeletons on the basis of the general massiveness of the skeleton was noted. The average value of male and female body length of 160-162 cm and 150-152, respectively. The absolute value of the longitudinal dimensions of the long bones of women fall into the category of small bones in the hands of men are determined by medium sized and small leg bones;

Key words: *physical anthropology, osteology, osteometry, Meotians, Kuban.*

© В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова

КРАНИОЛОГИЯ «ЭФТАЛИТОВ» ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ШАХИДОН (ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)

Представлены результаты краниометрического исследования серии «эфталитского» времени из могильника Шахидон в Южном Таджикистане (1 мужской и 4 женских черепа). Межгрупповой канонический дискриминантный анализ продемонстрировал наибольшее сходство женских черепов из Шахидона с сериями «эфталитов» из Кюкальды, а также тюркских кочевников. Последнее можно интерпретировать как отражение процесса смешения местного населения с появившимися в регионе в середине I тыс. н.э. тюркскими племенами.

Ключевые слова: краниология, «эфталиты», Шахидон, Южный Таджикистан, раннее средневековье.

Введение

Одним из наиболее дискуссионных вопросов этнической истории раннесредневековой Средней Азии является проблема происхождения и этнической принадлежности эфталитов («белых гуннов») – народа сыгравшего важную роль в этногенезе данного региона, а также Индии и Афганистана (Гафуров 1989). Все многообразие точек зрения на происхождение эфталитов можно свести к двум основным:

1. эфталиты – центрально-азиатские кочевники, проникшие в Припамирье с севера или северо-востока (С.П. Толстов, А.М. Мандельштам, В.М. Массон, Ф. Альтхейм и др.); 2. эфталиты – аборигены долин Памира и Гиндукуша (Л.Н. Гумилев, К. Еноки). Обобщение материалов по «эфталитской проблеме» позволило Б.Г. Гафурову сделать весьма показательный вывод: «критическое рассмотрение существующих гипотез заставляет нас отнестись с большим сомнением к возможности в данный момент даже не окончательно, а хотя бы со значительной долей вероятности решить вопрос о месте сложения эфталитов. Что же касается их этнической принадлежности, здесь картина более ясна: эфталиты сложились на базе каких-то среднеазиатских, восточноиранских по языку племен с определенной примесью тюркских этнических элементов» (Гафуров 1989: 264).

С учетом изложенного, несомненна важность новых антропологических материалов эпохи раннего средневековья региона, в частности таких, которые могли бы быть соотнесены с «эфталитами». Заметим, что материал, атрибутированный как собственно «эфталитский», ныне крайне малочислен: речь идет о единственной серии из уро-

Куфтерин Владимир Владимирович – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии и природопользования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы». Эл. почта: vladimirkufterin@mail.ru.

Дубова Надежда Анатольевна – доктор исторических наук, зав. сектором этнической экологии, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: dubova_n@mail.ru.

чища Кюкальды к северу от перевала Талдык в Алайском хребте. Автор раскопок А.Н. Бернштам датировал раскопанные погребения V–VII вв. и считал их «эфталитскими». Этот материал (7 мужских и 4 женских черепа) изучил В.В. Гинзбург (*Гинзбург* 1954а). Вопрос об искусственной деформации черепа у эфталитских правителей по изображениям на монетах рассматривался Т.А. Трофимовой (*Трофимова* 1968).

Материалы и методы

Обсуждаемый в работе антропологический материал, в широком интервале датируемый «эфталитским» временем и, по мнению автора раскопок Т.Г. Филимоновой, могущий быть соотнесенным собственно с «эфталитами», происходит из раскопок 2012–2015 гг. на могильнике Шахидон в Южном Таджикистане. Памятник расположен на лессовом останце у слияния рек Сурхоб и Булгори в пределах с. Шайдон (джамоат Сари-Хосор Бальджуванского района РТ). В общей сложности было изучено 34 погребения, но пригодный для серьезного краниологического исследования материал, в связи с плохой сохранностью, единичен: 1 мужской и 4 женских черепа. Несмотря на малочисленность данных, их публикация весьма актуальна в свете того, что для территории Центральной Азии это лишь второй памятник, предположительно соотносимый с «эфталитами».

Череп измерялись по традиционной для отечественных антропологов методике и программе (*Алексеев, Дебец* 1964). Статистическая обработка производилась с использованием пакета Statistica. Учитывая ограниченный объем публикации, представлена лишь краниометрическая часть исследования.

Результаты и их обсуждение

Индивидуальные краниометрические параметры, а также средние женских черепов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Некоторые индивидуальные и средние краниометрические параметры черепов из могильника Шахидон

Признак	♂	♀				
	П. 34	П. 8	П. 10	П. 11	П. 30	М (n)
1. Продольный диаметр	181	175	167	189	176	176,8 (4)
8. Поперечный диаметр	144	143	133	131	142	137,3 (4)
17. Высотный диаметр (от ba)	138	131	–	137	–	134,0 (2)
8:1. Черепной указатель	79,6	81,7	79,6	69,3	80,7	77,8 (4)
17:1 Высотно– продольный указатель	76,2	74,9	–	72,5	–	73,7 (2)
17:8. Высотно– поперечный указатель	95,8	91,6	–	104,6	–	98,1 (2)
9. Наименьшая ширина лба	102	95	94	94	94	94,3 (4)

Таблица 1 (продолжение)

Признак	♂	♀				
	П. 34	П. 8	П. 10	П. 11	П. 30	М (n)
11. Ширина основания черепа	130	123	–	108	–	115,5 (2)
5. Длина основания черепа	100	101	91	99	–	97,0 (3)
40. Длина основания лица	–	96	92	89	–	95,3 (3)
40:5. Указатель выступания лица	–	95,0	101,1	89,9	–	95,3 (3)
48. Верхняя высота лица	66	69	66	–	–	67,5 (2)
45. Скуловой диаметр	139	–	–	–	–	–
48:45. Лицевой указатель	47,5	–	–	–	–	–
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	47,8	52,7	–	–	–	52,7 (1)
51. Ширина орбиты (mf)	42	43,5	41	36,5?	–	40,3 (3)
51a. Ширина орбиты (d)	39	41	–	33?	–	37,0 (2)
52. Высота орбиты	33	36	36	35?	–	35,7 (3)
52:51. Орбитный указатель (mf)	78,6	82,8	87,8	95,9?	–	88,8 (3)
52:51a. Орбитный указатель (d)	84,6	87,8	–	106,1?	–	97,0 (2)
54. Ширина носа	25?	29	23	23	23	24,5 (4)
55. Высота носа	48	52,5	51	52	–	51,8 (3)
54:55. Носовой указатель	52,1?	55,2	45,1	44,2	–	48,2 (3)
SS. Симотическая высота	–	4,5	–	2,5	–	3,5 (2)
SC. Симотическая ширина	–	10,4	–	5,9	–	8,2 (2)
SS:SC. Симотический указатель	–	43,3	–	42,4	–	42,9 (2)
DS. Дакриальная высота	–	9,3	–	–	–	9,3 (1)
DC. Дакриальная ширина	–	24,4	–	–	–	24,4 (1)
DS:DC. Дакриальный указатель	–	38,1	–	–	–	38,1 (1)
77. Назомаллярный угол	138,8	134,0	–	151,9	135,4	140,4 (3)
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	–	131,9?	–	–	–	131,9 (1)
75(1). Угол выступания носа	–	18?	–	–	–	18 (1)
FC. Глубина клыковой ямки	5,7	1,8	4,0	–	–	2,9 (2)

Единственный мужской череп характеризуется скорее средними значениями диаметров мезокранной черепной коробки, широким лбом, широким и низким лицевым скелетом. Горизонтальная профилировка на назомалярном уровне хорошая, на зигомаксиллярном – не определяется. Грушевидное отверстие малой высоты, среднеширокое абсолютно и широкое относительно, орбиты мезоконхные. Искусственная деформация отсутствует.

Женские черепа из Шахидона суммарно характеризуются большими величинами продольного и высотного диаметров при средней ширине черепной коробки. По указателям она мезокранная, ортокранная и акрокранная. Искусственная деформация отсутствует. Лоб среднеширокий. Лицевой отдел средней высоты, умеренно профилированный в горизонтальной плоскости (для зигомаксиллярного угла – одно наблюдение). Нос мезоринный, слабо выступающий (одно наблюдение), переносье довольно высокое. Орбиты высокие абсолютно и относительно. Представленная суммарная характеристика, казалось бы, позволяет, при общем европеоидном облике черепов, предположить наличие определенного «монголоидного» компонента. На последнюю мысль наталкивает слабое выступание носовых костей при умеренной горизонтальной профилировке лица и высоких орбитах. В то же время следует иметь в виду крайнюю малочисленность материала и неоднозначность связи уплощенности лицевого скелета только с «монголоидностью»: ослабление горизонтальной профилировки, особенно в назомалярной области, как представляется, не в меньшей степени характерно для «палеоевропеоидного» населения степей Евразии.

Данное предположение оказывается не вполне корректным и при рассмотрении черепов на индивидуальном уровне. Так, характеризующийся слабым выступанием носа череп из погр. 8 имеет самую резкую профилировку на верхнем уровне и самые низкие в серии орбиты. Интересно сочетание характеристик на черепе из погр. 11: при гипердолохокранной (!) черепной коробке он имеет самые высокие орбиты, самый узкий нос и очень большую величину верхнего угла горизонтальной профилировки. Такое сочетание, а также повышенная вариабельность некоторых признаков дают возможность предполагать «механическую» природу смещения нескольких компонентов.

Результаты межгруппового сопоставления 31 женской серии хронологически и территориально близкого диапазона с применением канонического дискриминантного анализа (15 признаков) представлены в таблице 2 и на рис. 1 (обработка пропущенных значений, в частности для серии из Шахидона, выполнена путем заполнения средним).

Выделившиеся три канонические переменные суммарно описывают 95,65% межгрупповой вариации. КП I положительно скоррелирована с углом выступления носа, отрицательно – с величинами зигомаксиллярного угла, ширины носа и переносья. Область ее больших значений характеризуется комплексом, включающим увеличение выступления носа при усилении профилировки лица на среднем уровне и уменьшении широтных параметров носовой области. КП II связана с увеличением продольного диаметра, высоты лица и орбиты, величины назомалярного угла при обратных характеристиках высоты носа и черепной коробки. Ее морфологический смысл не совсем ясен. Серия из Шахидона оказалась близка к «эфталитам» же из Кюкальды, а также двум сборным сериям тюркских кочевников.

Заключение

Полученные результаты межгруппового сопоставления можно попытаться интерпретировать как отражение процесса смешения местного населения с появившимися в регионе в середине I тыс. н.э. тюркскими племенами. В то же время, учитывая существенные параллели в вещевых комплексах и конструкциях погребений между Шахидоном и сериями саков Памира (могильники Аличур, Харгуш), отмечаемые Т.Г. Филимоновой (устное сообщение), в перспективе представляется интересным более детальное сопоставление публикуемых черепов с этими материалами.

Таблица 2

Стандартизованные коэффициенты краниометрических признаков для канонических переменных

Признак	I	II	III
1. Продольный диаметр	– 0,57	0,92	– 0,30
8. Поперечный диаметр	0,39	– 0,35	0,52
17. Высотный диаметр (от ba)	– 0,21	– 1,01	0,30
9. Наименьшая ширина лба	0,48	0,42	0,55
48. Верхняя высота лица	0,08	1,02	– 0,02
45. Скуловой диаметр	0,69	– 0,03	0,27
51. Ширина орбиты (mf)	0,18	– 0,49	0,38
52. Высота орбиты	0,01	0,83	0,52
54. Ширина носа	– 0,91	0,12	0,55
55. Высота носа	– 0,46	– 1,22	0,06
SS. Симотическая высота	0,55	0,79	0,76
SC. Симотическая ширина	– 1,19	0,22	– 0,35
77. Назомалярный угол	0,13	1,01	0,29
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	– 1,66	– 0,48	0,10
75(1). Угол выступания носа	0,95	– 0,56	– 0,50
Собственные значения	5,57	2,63	0,83
Доля объясненной дисперсии (%)	58,99	27,82	8,84

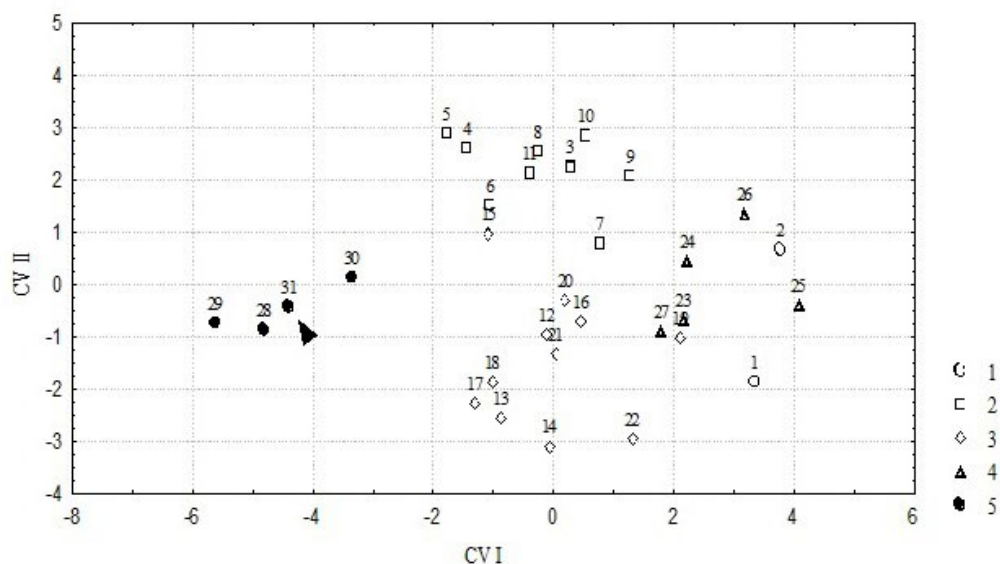

Рис. 1. Расположение краниологических серий в пространстве двух канонических переменных. Полые круги (1) – население городских поселений РЖВ (античности): 1 – Калалы-Гыр I (оссуарии), II–III вв. (Трофимова 1959a); 2 – Кува-Сай, I–III вв. (Гинзбург 1956). Полые квадраты (2) – население сакского времени: 3 – Тагискен и Уйгарак, VII–V вв. до н.э. (Трофимова 1963, 1967); 4 – Чирик-рабатская группа (Баланды IV, Бабиш-мулла, Чирик-Рабат I), IV–II вв. до н.э. (Трофимова 1963); 5 – Асар, IV–II вв. до н.э. (Трофимова 1963); 6 – саки Восточного Казахстана, V–IV вв. до н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 121); 7 – саки Северного Казахстана, VII–IV вв. до н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 123); 8 – саки Центрального Казахстана, VII–IV вв. до н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 121); 9 – саки Тянь-Шаня, VII–IV вв. до н.э. (Гинзбург 1954a); 10 – саки Алая, V–III вв. до н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 131); 11 – саки Юго-восточного Памира, VII–IV вв. до н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 131). Ромбы (3) – население усуньского (гунно-сарматского) времени: 12 – усунь Алайской долины, III в. до н.э. – I в. н.э. (Миклашевская 1959, 1964); 13 – усунь Таласской и Чуйской долин, III в. до н.э. – I в. н.э. (Миклашевская 1959, 1964); 14 – Кенкольский могильник, II–IV вв. (Гинзбург, Жиров 1949; Миклашевская 1964); 15 – могильники Исфаринского района, II–VII вв. (Кияткина 1976); 16 – Арук-Тау и Тулхар, II в. до н.э. – I в. н.э. (Кияткина 1976); 17 – Мешрети-Техта, I–III вв. (Кияткина 1964); 18 – Западная Туркмения (суммарно), III в. до н.э. – IV в. н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 166–167); 19 – Туз-Гыр, I–IV вв. (Трофимова 1974); 20 – усунь Семиречья, III в. до н.э. – I в. н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 176–177); 21 – усунь-уге Восточного Казахстана, III в. до н.э. – I в. н.э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 178–179); 22 – Леонтьевский могильник, IV–II вв. до н.э. (Исмагулов 1967, цит. по: Гинзбург, Трофимова 1972: 178–179). Треугольники (4) – оседлое население эпохи Средневековья: 23 – Миздахкан (недеформированные черепа), IV–VIII вв. (Ходжайов 1970); 24 – Ток-Кала (оссуарии), VII–VIII вв. (Рысназаров 1965); 25 – Байрам-Али, IV–VI вв. (Трофимова 1959b); 26 – Ак-Бешиш, VII–IX вв. (Миклашевская 1964); 27 – Тик-Турмас, VI–VIII? вв. (Гинзбург 1954b). Сплошные круги (5) – кочевое население эпохи Средневековья: 28 – турки-кочевники Восточного Казахстана, VII–XII вв. (Гинзбург, Трофимова 1972: 241); 29 – «эфталиты», Кюкальда, V–VII вв. (Гинзбург 1954a); 30 – турки-кочевники Тянь-Шаня, VI–VIII вв. (Миклашевская 1959); 31 – «эфталиты», Шахидон, V–VI / VII вв. (данные авторов)

Литература

- Алексеев, Дебец 1964 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Гафуров 1989 – Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. Душанбе: Ирфон, 1989.
- Гинзбург 1954а – Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // Труды Института Этнографии. Т. XXI: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954а. С. 354–412.
- Гинзбург 1954б – Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана // Советская Антропология. 1954б. Вып. XXI. С. 379–394.
- Гинзбург 1956 – Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 85–102.
- Гинзбург, Жиров 1949 – Гинзбург В.В., Жиров Е.В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // СМАЭ. Т. X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 213–265.
- Гинзбург, Трофимова 1972 – Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Кияткина 1964 – Кияткина Т.П. Краниологический материал из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении // Научные труды Ташкентского университета. Т. 235. Ташкент: Изд-во Ташкентского гос. ун-та, 1964. С. 52–66.
- Кияткина 1976 – Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.
- Миклашевская 1959 – Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 295–331.
- Миклашевская 1964 – Миклашевская Н.Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Научные труды Ташкентского университета. Т. 235. Ташкент: Изд-во Ташкентского гос. ун-та, 1964. С. 67–85.
- Рысиназаров 1965 – Рысиназаров Н. Черепа из могильника Ток-Кала (Каракалпакская АССР) // СЭ. 1965. № 2. С. 67–75.
- Трофимова 1959а – Трофимова Т.А. Черепа из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр I (раскопки 1953 г.) // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959а. С. 30–79.
- Трофимова 1959б – Трофимова Т.А. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959б. С. 118–175.
- Трофимова 1963 – Трофимова Т.А. Приаральские саки (краниологический очерк) // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 221–247.
- Трофимова 1967 – Трофимова Т.А. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos (Brno). 1967. С. 19 (N.S. 11). С. 234–252.
- Трофимова 1968 – Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 179–189.
- Трофимова 1974 – Трофимова Т.А. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр (Юго-западное Приаралье) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 154–178.
- Ходжайов 1970 – Ходжайов Т.К. Население Миздахкана по данным антропологии // Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. С. 169–246.

References

- Alekseev V.P., Debets G.F.* Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moscow: Nauka, 1964.
- Gafurov B.G.* Tadjhiki. Drevneishaia, drevniaia i srednevekovaia istoriia. Dushanbe: Irfon, 1989. Vol. 1.
- Ginzburg V.V.* Drevnee naselenie Tsentral'nogo Tian'-Shania i Alaia po antropologicheskim dannym. Trudy Instituta etnografii: Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik, 1954a. Vol. XXI. Pp. 354–412.
- Ginzburg V.V.* Materialy k antropologii drevnego naseleniia Iuzhnogo Kazakhstana. *Sovetskaia arkhologiiia*, 1954b. Vol. XXI. Pp. 379–394.
- Ginzburg V.V.* Materialy k antropologii drevnego naseleniia Ferganskoi doliny. *Trudy Kirgizskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, 1956. Vol. I. Pp. 85–102.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A.* Paleoantropologiiia Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1972.
- Ginzburg V.V., Zhiron E.V.* Antropologicheskie materialy iz Kenkol'skogo katakombnogo mogil'nika v doline r. Talas Kirgizskoi SSR. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii, 1949. Vol. X. Pp. 213–265.
- Khodzhaiov T.K.* Naselenie Mizdakhkana po dannym antropologii. Iagodin V.N., Khodzhaiov T.K. Nekropol' drevnego Mizdakhkana. Tashkent: Fan, 1970. Pp. 169–246.
- Kiiatkina T.P.* Kraniologicheskii material iz katakombnykh zakhoroneni antichnogo vremeni v Iuzhnoi Turkmenii. Nauchnye trudy Tashkentskogo universiteta, 1964. Vol. 235. Pp. 52–66.
- Kiiatkina T.P.* Materialy k paleoantropologii Tadjhikistana. Dushanbe: Donish, 1976.
- Miklashevskaiia N.N.* Rezul'taty paleoantropologicheskikh issledovani v Kirgizii. Trudy Kirgizskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii, 1959. Vol. II. Pp. 295–331.
- Miklashevskaiia N.N.* Istoriia rasprostraneniia mongoloidnogo tipa na territorii Kirgizii. Nauchnye trudy Tashkentskogo universiteta, 1964. Vol. 235. Pp. 67–85.
- Rysnazarov N.* Cherepa iz mogil'nika Tok-Kala (Karakalpakskaiia ASSR). Sovetskaia etnografiia, 1965. No. 2. Pp. 67–75.
- Trofimova T.A.* Cherepa iz ossuarnogo nekropolia kreposti Kalaly-Gyr I (raskopki 1953 g.). Materialy Khorezmskoi ekspeditsii, 1959a. Vol. 2. Pp. 30–79.
- Trofimova T.A.* Cherepa iz ossuarnogo nekropolia vozle Bairam-Ali. Materialy Khorezmskoi ekspeditsii, 1959b. Vol. 2. Pp. 118–175.
- Trofimova T.A.* Priaral'skie saki (kraniologicheskii ocherk). Materialy Khorezmskoi ekspeditsii, 1963. Vol. 6. Pp. 221–247.
- Trofimova T.A.* Rannie saki Priaral'ia po dannym paleoantropologii. Anthropos (Brno), 1967. Vol. 19. Pp. 234–252.
- Trofimova T.A.* Izobrazheniia eftalitskikh pravitelei na monetakh i obychai iskusstvennoi deformatsii cherepa u naseleniia Srednei Azii v drevnosti. Istoriia, arkhologiiia i etnografiia Srednei Azii, ed. A.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 179–189.
- Trofimova T.A.* Cherepa iz podboinykh i katakombnykh zakhoroneni mogil'nika Tuz-Gyr (Iugo-zapadnoe Priaral'e). Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii, ed. I.M. Zolotareva. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 154–178.

V.V. Kufterin, N.A. Dubova. Craniometry on “Hephthalites” sample from Shakhidon burial ground (Southern Tajikistan).

The article presents the results of craniometric study of “Hephthalite” time series (1 male and 4 female skulls) from the Shakhidon cemetery in Southern Tajikistan. Intergroup canonical discriminant analysis showed the greatest similarity of female skulls from Shakhidon with “Hephthalites” from Kyukaldy burial ground and Turkic nomads. The latter can be interpreted as a reflection of the process of mixing between the local population and Turkic tribes appeared in the region in the middle of I millennium AD.

Key words: craniometry, “Hephthalites”, Shakhidon, Southern Tajikistan, Early Medieval Period.

© Ю.М. Юсупов, Е.В. Балановская,
Ж.М. Сабитов, О.П. Балановский

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА: СОЮЗ ГЕНОГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Геногеография пережила несколько этапов развития: расцвет начала XX века, упадок во время гонений на генетику, возрождение в 70-х годах XX века и бурный рост с начала XXI века. Несмотря на признание исследований по географии генофондов со стороны мирового научного сообщества и все возрастающую роль геногеографии в междисциплинарных исследованиях народонаселения, до сих пор нет консенсуса о соотношении предметных областей геногеографии и этнологии. Традиционным объектом исследования этнологии является этнос, а геногеографии – популяция, сопряженная с этносом. Генетики и этнологи часто работали параллельно, а с конца 2000-х годов началось их тесное сотрудничество на всех этапах исследования – от совместных экспедиций до совместного анализа и синтеза. Приведены примеры таких совместных исследований, позволяющих оценивать гипотезы происхождения той или иной популяции (в том числе родоплеменных групп). Эти примеры демонстрируют, что корректно осуществляемый союз генетики и этнологии имеет добротные научные перспективы.

Ключевые слова: этнос, генофонд, этногенез, геногеография, история, этнография, популяционная генетика.

Введение

Геногеографию трудно назвать новой научной дисциплиной – она уже может отмечать столетний юбилей. В начале XX века основатель геногеографии А.С. Серебровский отнес ее к разделу исторических наук: основной задачей геногеографии он ставил изучение истории популяций человека по данным о географии генофонда, причем генофонда не только человека, но и домашних животных. Геногеография пережила несколько этапов развития: расцвет в начале XX века; во время гонений на генетику она укрылась под крылом антропологии (Бунак 1969); но, благодаря оставшемуся в США Феодосию Григорьевичу Добржанскому (дальнему родствен-

Юсупов Юлдаш Мухамматович – кандидат исторических наук, начальник Центра социо-культурного анализа, ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан». Эл. почта: ufa1980@yandex.ru

Балановская Елена Владимировна – доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией популяционной генетики человека, ФГБНУ «Медико-генетический научный центр». Эл. почта: balanovska@mail.ru

Сабитов Жаксылык Муратович – сотрудник Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева. Эл. почта: babasan@yandex.ru

Балановский Олег Павлович – доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией геномной географии, ФГБУН Институт общей генетики РАН. Эл. почта: balanovsky@inbox.ru

нику Достоевского), она обрела там новую родину и второе дыхание; затем трудное возрождение в России в 70-е годы (связанное с именем Юрия Григорьевича Рычкова); и, наконец, новый бурный расцвет в конце XX века и яркий всплеск мировых исследований в области географии генофондов в веке нынешнем.

Механизмы сопряженности этноса и популяции

Однако несмотря на столь долгую и яркую историю, несмотря на непрерывающуюся связь с российской этнической антропологией и мировое признание геногеографических исследований (зафиксированное даже в названии крупнейшего международного проекта в области популяционной генетики – «The Genographic project»), в России не угасает дискуссия о том, может ли быть объектом исследования геногеографии этнос? Вновь и вновь ставится вопрос: при каких условиях и каким образом мы можем соотносить генетические процессы в популяциях человека и процессы культурные, этнические, социальные? Представления о том, что этнос – это лишь ситуативно переживаемый акт, явно не раскрывает всей сути сложного явления связи этноса с его генофондом. Так понимаемая этническая идентичность индивида или даже коллектива не может объяснить причины формирования генетического своеобразия популяций того или иного этноса, без учета специфичных механизмов, значительно расширяющих функции этноса. Отсюда и нигилизм (порой весьма ревнивый) некоторых сторонников конструктивистской теории этноса по отношению к исследованиям популяции, сопряженной с этносом, методами популяционной генетики.

Для начала обратимся к классикам этнографии и антропологии. С.М. Широкогоров – основатель этнографической науки – связь между культурой и популяцией выразил в весьма емкой формуле, связавшей уровень культуры, плотность населения и территорию. Связь культуры и структуры популяции отмечали и основатели этнической антропологии В.В. Бунак и Я.Я. Рогинский, указывая на уменьшение роли отрицательного отбора при развитии культуры.

Детально вопрос о соотношении этноса и популяции рассматривал один из активных оппонентов «биологизации» этноса Ю.В. Бромлей. Главным ключом к возникающей взаимосвязи социального и биологического Ю.В. Бромлей считал эндогамию. Рассматривая эндогамию народов СССР и Ближнего Зарубежья, исследователь заключил, что даже в середине XX века этносы были эндогамны на 90%, а оставшиеся 10 % существенно не влияли на динамику этноса. Эндогамии он придавал значительную роль в сохранении этноса: за ее разрушением обычно следует разрушение этноса и формирование новой этнической общности. Особую роль эндогамии Ю.В. Бромлей видел в процессе инклюзии (ассимиляции) представителей других этносов, где для сохранения этноса доля «инородных элементов», включенных в его систему эндогамной брачной структуры, должна быть ограниченной (Бромлей 1969). Основной единицей эндогамии и этноса является семья, которая, наряду с биологическим воспроизводством, имеет функцию культурной ретрансляции, создавая не только единство во времени и пространстве этнической культуры, но и культурное обособление этноса, препятствующее разрушению эндогамии. При этом Ю.В. Бромлей выделяет важную для рассматриваемой нами проблемы такую функцию эндогамии как формирование не только культурного барьера, но и «своеобразного генетического барьера». Результатом этого и является генофонд этноса – один из множества объектов популя-

ционной генетики. Именно за счет такого института, как эндогамия, этнос оказывается сопряжен с популяцией, но, конечно же, с популяцией, возникающей в результате социальных процессов и полностью ими определяемой, а не наоборот. Независимо от этнографии, популяционная генетика сформулировала сходный собственный критерий популяции: популяция существует до тех пор, пока более 50% браков заключается в ее пределах (50% эндогамных браков).

Популяция, задаваемая брачной структурой этноса, может быть интерпретирована в терминах информационных потоков. Отметим, что С.А. Арутюнов выделяет особую роль диахронных связей в этнических образованиях типа этникос (Арутюнов 2002: 34–35), выделенных некогда Ю.В. Бромлеем: этникос является одним из важных элементов, сохраняющий информацию, посредством которой связаны поколения. При таком условии культурного и генетического воспроизводства этноса ключевым аспектом являются выработка принципов передачи этнической информации как минимум в течение трех поколений в условиях соблюдения традиционного для данного этноса уровня эндогамии. В популяционной генетике независимо сформулирован «принцип трех поколений» (Балановская и др. 2016), который играет ключевую роль при формировании анализируемых выборок.

Таким образом, этнос является социальным институтом с функцией передачи совокупности культурных и исторических знаний, которая переносится по всему ареалу кормящего ландшафта и имеет механизмы передачи информации следующему поколению, генетически связанному с предыдущим поколением, и тем самым провоцирует формирование своеобразия генофонда. Структура брачных связей, в частности, этническая эндогамия, одновременно выступает механизмом сохранения и этноса как культурного явления, и формируемой им популяции.

Принципы взаимодействия геногеографии и этнографии

Одним из множества объектов исследования популяционной генетики в целом, и геногеографии в частности, является популяция, сформированная этносом и сопряженная с ним. При этом ключевым методологическим моментом является возможность фиксации именно этноса в традиционном его виде, то есть обусловленного информационными связями традиционного характера. В национальный период создавалась надэтническая культурная система, выраженная в формировании новых институтов, параллельных этническим и способных передавать социо-культурные установки. Наряду с диахронными информационными циклами (вертикальными, связывающими поколения) начинают возникать «синхронные» (горизонтальные, межгрупповые) циклы (Арутюнов 2002: 39–41). Возникает этносоциальный организм с новыми качествами, при этом структура этноса может существенно измениться. Для выявления таких изменений и оценки их интенсивности безусловно важно взаимодействие с исторической наукой, использование архивных материалов Ревизских сказок XIX–XX вв., иногда и Метрических книг, этноисторических реконструкций ойкумены этноса и понимание структуры традиционного донационального общества. Ключевым элементом исследования является выделение автохтонного ядра этноса – первичной формы этноса, находящегося на той автохтонной территории, на которой протекал этногенез и формирование этнической идентичности. Именно поэтому, например, при исследовании русского этноса и антропологами (Бунак 1965), и генетиками (Баланов-

ская, Балановский 2007) изучалось коренное русское население только центра и севера Восточно-Европейской равнины (то есть исходного, а не всего современного ареала русских), а при изучении мишарей и удмуртов выделялись первичные этнографические группы. Таким образом, при исследовании современного генофонда народов методами геногеографии существует постоянное обращение к эпохе жизни этноса, обусловленного принципами традиционного общества.

Учитывая известную философско-психологическую триаду: дед – отец – внук, которая, по сути, является шагом социокультурной традиции, геногеография также ориентируется на преемственность поколений в отношении этничности на протяжении как минимум трех поколений. Этот принцип «трех поколений» (Балановская и др. 2016) является общепризнанным в мировой популяционной генетике: в подавляющем большинстве и российских, и зарубежных популяционно-генетических исследований в анализ ДНК включаются только те неродственные между собой индивиды, все предки которых до третьего поколения относили себя к одному и тому же этносу и родились в его ареале. Именно с этим связано составление родословных в рамках анкет при изучении генофонда, где ключевое место занимает территориальная и этническая фиксация дедов и бабушек индивида по всем линиям наследования. Этот метод позволяет взглянуть на этнос в ретроспективе и выявить тот самый этникос с его диахронными связями.

Практика взаимодействия геногеографии и этнографии

В 1990-е годы технический прогресс в области геномных исследований создал возможность изучения полиморфизма Y-хромосомы, которая стала наиболее популярной генетической системой: последовала целая лавина публикаций о народах мира, значительно расширившая горизонты популяционной генетики. Огромная межпопуляционная изменчивость Y-хромосомы и возможность не только проследить отцовские линии наследования, но и датировать события генетической истории, сразу привлекли к ней внимание антропологов, этнографов и историков. Но вплоть до конца 2000-х годов основная масса популяционных генетиков дистанцировалась от прямого сотрудничества с этнографией и историей. Наиболее типичный вопрос популяционной генетики звучал так: «Какие гаплогруппы и гаплотипы распространены в популяции N?», хотя популяции обычно маркировались принадлежностью к тому или иному этносу. Но уже с конца 2000-х годов началось тесное сотрудничество популяционных генетиков с этнографами, лингвистами, археологами и историками.

Наиболее ярко и плодотворно эта работа проявилась в планомерном изучении родоплеменной структуры у тех народов, где память о ней еще сохранилась. При совместной экспедиционной работе генетиков, этнографов и историков ее итоги оказывались гораздо глубже, чем работа каждого из этих специалистов в автономном режиме. Их дальнейшее взаимодействие на всех последующих этапах исследования позволяло достигать много более глубокого научного знания о структуре генофонда и истории его формирования. При этом обнаружилось, что разные рода и кланы одного этноса резко отличаются друг от друга по частотам гаплогрупп Y-хромосомы: для каждого «родового» генетического портрета обычно характерно преобладание одной-трех гаплогрупп в сочетании, свойственном именно этому роду.

Создание таких генетических портретов рода и датировки TMRCA (времени жизни последнего общего предка для всех потомков в данной генетической линии)

позволяют дать ответы, например, на следующие сугубо исторические и этнографические вопросы.

Когда жил предок-основатель (или предки) данного рода?

Обычно родоплеменные объединения хранят предания, мифы и легенды о своем происхождении с перечислением своих предков. Сопоставляя исторические данные, первоисточники и генеалогии, можно датировать предполагаемое время существования легендарного или реального предка рода. Независимо методы расчета TMRCA на основе STR и SNP-маркеров Y-хромосомы позволяют датировать время существования предка-основателя данной генетической линии в данной популяции. Эти две датировки – историческую и генетическую – можно сопоставить напрямую с целью верифицировать исторические версии происхождения рода. Чтобы не быть голословными, позволим себе привести конкретные примеры.

В работе по изучению гаплогруппы **G1a** на основе полногеномного секвенирования Y-хромосомы (*Balanovsky et al.* 2015) был изучен один из крупнейших казахских родов – Аргын. Его легендарный предок-основатель, согласно письменным и устным историческим источникам, жил в XIV веке. Поскольку гаплогруппа **G1a** резко преобладает в генофонде аргынов, для представителей разных ветвей аргынов провели полногеномное секвенирование Y-хромосомы и получили «генетическое» родословное древо с датировками его ветвления. Оно практически полностью совпало с генеалогическим (шежере) и историческим родословным древом. Аналогичный результат получен для туркменского племени Йомуд (*Схалыхо и др.* 2016), хотя датировки TMRCA имеют здесь намного больший доверительный интервал: из-за невозможности получить для исследования образцы ДНК из Туркменистана, исследование было вынужденно ограничено популяциями туркмен, проживающих за пределами Туркменистана уже более трех поколений.

Исследование генетическими методами представителей правящих династий разных стран мира позволяет внести решающий вклад в спорные вопросы происхождения династий. Исследования Рюриковичей, китайской династии Цин, а также Чингизидов и Сеидов (потомки пророка Мухаммеда) генетическими методами (*Batbayar* 2013; *Жаббагин* 2014; *Волков* 2015; *Shi Yan* 2015) позволили значительно продвинуть наше знание об этих династиях по сравнению с чисто историческим периодом исследований.

Эти примеры показывают, как комплексная работа генетиков, историков и этнографов помогает решению сугубо исторических проблем.

Где «прародина» рода?

Генетические исследования позволяют верифицировать также и гипотезы об ареале происхождения того или иного рода и путях его миграций.

Вернемся к роду Аргын. До геногеографических исследований среди историков и этнографов считалось, что казахский род Аргын имеет восточноазиатское происхождение, и насчитывалось более 10 очень различающихся версий его происхождения. Однако результаты генетических исследований позволили отвергнуть большую часть этих версий, локализовать географический ареал варианта Y-хромосомы, характерного для аргынов, и резко сузить число обсуждаемых гипотез происхождения аргынов.

Другой пример – изучение генофондов родов Катай, Кошсо, Кудей, Табын и

Упей северо-восточной этнографической группы башкир. Оказалось, что значительная часть генофонда северо-восточных башкир – носителей гаплогруппы **R1a-M198** – отражает единый источник миграции для этого обширного региона, вопреки мультрегиональному спектру версий их этногенеза. Филогенетический анализ гаплогруппы **R1a-M198** фиксирует принадлежность этих кланов башкир к одному «северо-восточному» кластеру, что указывает на постепенное генетическое разрастание единого прото-клана, связанного не мифическим, а реальным кровным родством. Ареал распространения северо-восточных башкир и возраст «северо-восточного» кластера гаплотипов **R1a-M198** (900±300 лет) позволяет соотнести его с культурами Южного Зауралья доордынского времени и кушнаренковско-караякуповским археологическим комплексом. Дальнейшее сравнение генофонда северо-восточных башкир с генофондами Западной Сибири, а также анализ новых субгаплогрупп внутри гаплогруппы **R1a** помогут верифицировать эту гипотезу. Также данные геногеографии не подтверждают историко-этнографическую версию об угро-самодийском происхождении рода Упей: его генофонд отличает высокая частота (79%) гаплогруппы **G2a-P18** (подвариант гаплогруппы **G2a-P16**), характерной для народов Центрального Кавказа. Это позволяет предполагать миграцию основателя рода Упей с территории Центрального Кавказа в эпоху средневековья. Осуществляемый сейчас скрининг популяций Кавказа и окружающих регионов по субвариантам этой гаплогруппы, выявленным в результате полногеномного анализа, позволит точнее проследить источник данной миграции.

В целом, союз геногеографов и этнографов позволяет интенсифицировать процесс накопления научного знания об истории формирования того или иного этноса. Дальнейшее расширение такого сотрудничества позволит ответить на многие исторические и этнографические вопросы в ситуации, когда источниковая база не позволяет сделать это на основе только исторических и этнографических методов.

Литература

- Арутюнов 2002 – Арутюнов С.А. Культура, традиции и их развитие и взаимодействие. Люистон: Эдвин Меллен Пресс, 2002.
- Балановская, Балановский 2007 – Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.
- Балановская и др. 2016 – Балановская Е.В., Жабагин М.К., Агджоян А.Т., Чухряева М.И., Маркина Н.В., Балаганская О.А., Схляхо Р.А., Юсупов Ю.М., Утевская О.М., Богунов Ю.В., Асылгулжин Р.Р., Долинина Д.О., Кагазежева Ж.А., Дамба Л.Д., Запорожченко В.В., Романов А.Г., Дибирова Х.Д., Кузнецова М.А., Лавряшина М.Б., Почеихова Э.А., Балановский О.П. Популяционные биобанки: принципы организации и перспективы применения в геногеографии персонализированной медицине // Генетика, 2016. Т. 5. № 12. С. 1–17.
- Бунак 1965 – Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа. По антропологическим данным. Под. ред. В.В. Бунака. М.: Наука, 1965.
- Бунак 1969 – Бунак В.В. Геногеографические зоны Восточной Европы, выделяемые по факторам крови АВ0 // Вопросы антропологии, 1969. № 32. С. 6–28.
- Бромлей 1969 – Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография, 1969. № 6. С. 84–91.
- Волков 2015 – Волков В.Г. Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований (<http://trog.narod.ru/articles/rurikids/Rurikids.htm>).
- Жабагин и др. 2014 – Жабагин М.К., Дибирова Х.Д., Фролова С.А., Сабитов Ж.М., Юсу-

- пов Ю.М., Утевская О.М. Тарлыков П.В., Тажигулова И.М., Балаганская О.А., Нимадава П., Захаров И.А., Балановский О.П. Связь изменчивости у хромосомы и родовой структуры: генофонд степной аристократии и духовенства казахов // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2014. № 1. С. 96–101.
- Схаляхо и др. 2016 – Схаляхо Р.А., Жабagin М.К., Юсупов Ю.М., Агджоян А.Т., Сабитов Ж., Гурьянов В.М., Балаганская О.А., Далимова Д., Давлетчуриh Д., Турдикулова Ш., Асылгузжин Р.Р., Акильжанова А.Р., Балановский О.П., Балановская Е.В. Генофонд туркмен Каракалпакстана в контексте популяций Центральной Азии (полиморфизм Y-хромосомы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2016. № 3. С. 83–93.
- Shi Yan et.al. 2015 – Shi Yan, Harumasa Tachibana, Lan-Hai Wei, Ge Yu, Shao-Qing Wen and Chuan-Chao Wang. Y chromosome of Aisin Gioro, the imperial house of the Qing dynasty // Journal of Human Genetics, 2015. Vol. 60, June. Pp. 295–298.
- Batbayar, ., Sabitov 2013 – Batbayar Kh., Sabitov Zh. The Genetic Origin of the Turko-Mongols and Review of the Genetic Legacy of the Mongols. Part 1: The Y-chromosome Lineages of Chinggis Khan // The Russian Journal of Genetic Genealogy, 2012. Vol. 4. № 2.; 2013. Vol. 5. No. 1. Pp. 1–8.

References

- Arutiunov S. Kul'tura, traditsii i ikh razvitie i vzaiomodeistvie. Liuiston: Izd-vo Edvin Mellen Press, 2002.
- Balanovskaia E.V., Balanovskii O.P. Russkii genofond na Russkoi ravnine. Moscow: Luch, 2007.
- Balanovskaia E.V., Zhabagin M.K., Agdkhoian A.T., Chukhriaeva M.I., Markina N.V., Balaganskaia O.A., Skhaliakho R.A., Iusupov Iu.M., Utevsskaia O.M., Bogunov Iu.V., Asylguzhin R.R., Dolinina D.O., Kagazezheva Zh.A., Damba L.D., Zaporozhchenko V.V., Romanov A.G., Dibirova Kh.D., Kuznetsova M.A., Lavriashina M.B., Pocheshkhova E.A., Balanovskii O.P. Populiatsionnye biobanki: printsipy organizatsiii perspektivy primeneniia v genogeografii i personalizirovannoi meditsine // Genetika, 2016. Vol. 5. No.12. Pp. 1–17.
- Bunak V.V. Proiskhozhdenie i etnicheskaiia istoriia russkogo naroda. Po antropologicheskim dannym. Moscow: Nauka, 1965.
- Bunak V.V. Genogeograficheskie zony Vostochnoi Evropy, vydelaemye po faktoram krovi AB0 // Voprosy antropologii, 1969. Vol. 32. Pp. 6–28.
- Bromlei Iu.S. Etnosindogamiia // Sovetskaiaetnografiia, 1969. No. 6. Pp. 84–91.
- Volkov V.G. Vseli Riurikovichiproiskhodiatot odnogo predka? Proiskhozhdenie Riurika i Gedimina v svete poslednikh geneticheskikh issledovani. (<http://trog.narod.ru/articles/rurikids/Rurikids.htm>).
- Zhabagin M.K., Dibirova Kh.D., Frolova S.A., Sabitov Zh.M., Yusupov Yu.M., Utevskaia O.M. Tarlykov P.V., Tazhigulova I.M., Balaganskaia O.A., Nimadava P., Zakharov I.A., Balanovskii O.P. Sviaz' izmenchivosti y khromosomy i rodovoi struktury: genofond stepnoi aristokratii i dukhovenstva kazakhov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii XXIII Antropologiiia, 2014. No. 1. Pp. 96–101.
- Skhaliakho R.A., Zhabagin M.K., Yusupov Yu.M., Agdzhoian A.T., Sabitov Zh., Gur'ianov V.M., Balaganskaia O.A., Dalimova D., Davletchurin D., Turdikulova Sh., Asylguzhin R.R., Aki'l'zhanova A.R., Balanovskii O.P., Balanovskaia E.V. Genofond turkmen Karakalpakstana v kontekste populiatsii Tsentral'noi Azii (polimorfizm Y-khromosomy) // Vestnik Moskovskogo universiteta, Serii XXIII Antropologiiia, 2016. No. 3. Pp. 83–93.
- Shi Yan, Harumasa Tachibana, Lan-Hai Wei, Ge Yu. Shao-Qing Wen and Chuan-Chao Wang. Y chromosome of Aisin Gioro, the imperial house of the Qing dynasty // Journal of Human Genetics, 2015. Vol. 60. June. Pp. 295–298.
- Batbayar Kh., Sabitov Zh. The Genetic Origin of the Turko-Mongols and Review of the Genetic Legacy of the Mongols. Part 1: The Y-chromosome Lineages of Chinggis Khan // The Russian Journal of Genetic Genealogy, 2012. Vol. 4, No. 2.; 2013. Vol. 5, No. 1. Pp. 1–8.

Y.M. Yusupov, E.V. Balanovskaia, Z.M. Sabitov, O.P. Balanovskii. The complex studies of ethnogenesis: collaboration of gene geography and ethnography.

Gene geography had several stages of development: the rise of the early XX century, the decline during the persecution of genetics, the revival in the 70s of XX century and the rapid growth since the beginning of the XXI century. Though studies on gene pool's geography were widely accepted by the international scientific community, and gene geography plays ever-increasing role in the interdisciplinary studies, there is still no consensus about the relationship between subject areas of gene geography and ethnology. The ethnology traditionally studies the ethnicity, and gene geography studies population of the ethnic group. Geneticists and anthropologists often worked in parallel. At the end of the 2000s, they began close collaboration at all stages of research – from joint expeditions to the joint analysis and synthesis. Examples of such collaborative studies can evaluate the historical hypotheses about the origin of a population (including tribal groups). These examples demonstrate that the collaboration of gene geography and ethnology has promising scientific perspective.

Key words: *ethnicity, gene pool, ethnogenesis, gene geography, history, ethnology, population genetics.*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 39

© Р.Н. Игнатьев, М.А. Никитин

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Авторы предлагают использовать экспериментальность антропологии для разработки и реализации проектов, исходящих из социального запроса.

Ключевые слова: экспериментальная антропология, междисциплинарность, общество.

Летом 2016 г. авторы, сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, пришли к выводу о необходимости экспериментальной антропологии. Помимо прочего, побудительными мотивами к этому стали потребность в переоценке исследовательских подходов, неформальном диалоге с коллегами и развитии горизонтальных связей в науке. Коллективный импульс нашел отражение в тексте, направленном в адрес Ассоциации антропологов и этнологов России (ААЭР):

«Просим рассмотреть вопрос о создании комиссии ААЭР по экспериментальной антропологии. Комиссия создается с целью поиска новых форм антропологических исследований, продвижения антропологии в медиапространстве как динамичного и открытого диалогу сообщества профессионалов, а также вовлечения в науку молодежи.

1. Успех дисциплины зависит во многом от ее способности формировать повестку дня научного сообщества. При этом важную роль играет путь проб и ошибок, связанный со свободой действия и вниманием к возможным новым формам исследования. Создание комиссии по экспериментальной антропологии позволило бы единомышленникам реализовать отличные от академических норм проекты, но без отрыва от научного фундамента, закладывавшегося десятилетиями.

2. Задача активного продвижения нашей дисциплины в настоящее время представляется крайне важной. Принципиальным остается здесь внимание к человеку и его образам жизни, а также профессиональное общение, открытое миру. По инициативе молодых российских антропологов и этнологов начал работу антропологический канал anthrotube (<https://www.youtube.com/anthrotube>), на котором в живой и увлекательной форме российскому обществу показывается “кухня” и лица нашей науки. Эта и другие инициативы сделают комиссию по экспериментальной антропологии одним из двигателей популяризации российской антропологии.

3. Создание комиссии ААЭР по экспериментальной антропологии позволит мо-

Игнатьев Роман Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: roman.ignatiev@gmail.com.

Никитин Максим Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: proisel@gmail.com.

лодежи активнее решать задачи научной самореализации через участие в ярких, необычных и бросающих вызов проектах. Часть этих проектов, возможно, не выйдет за пределы экспериментальной “песочницы”, другая же часть, как мы надеемся, вполне органично вольется в академическое русло, обеспечив нашей дисциплине приток свежих идей и оригинальных исследователей».

Инициатива получила поддержку молодых антропологов, подготовивших свое обращение в ААЭР:

«Группа молодых ученых обращается с просьбой поддержать идею о создании комиссии ААЭР по экспериментальной антропологии. Хотя само название может быть и иным, слово “эксперимент” здесь является ключевым, так как цель создания новой комиссии заключается в организации площадки для обсуждения и апробации новых методов и инструментов в антропологии, реализации исследований нового типа. В этом контексте название “экспериментальная антропология” дает понять, что эксперименты могут быть смелыми, а само существование комиссии дает возможность обсудить любой эксперимент с коллегами на каждой стадии его реализации.

В качестве примеров таких экспериментов можно привести активное использование профессиональной видеокамеры в этнологическом исследовании, использование антропологических методов для решения проблем корпоративного бизнеса и многое другое. Комиссия по экспериментальной антропологии даст возможность объединить креативные усилия ученых и направить поток новых идей антропологов и этнологов всей России в единое конструктивное русло. Нам представляется важным, чтобы ключевая роль в составе новой комиссии отводилась именно молодым ученым (конечно, не ограничиваясь ими), как той части научного сообщества, для которой характерна определенная дерзость и стремление к поискам нового.

Кроме того, хотелось бы отметить, что предлагаемая комиссия может сыграть существенную роль в популяризации деятельности ассоциации и этнологической, и антропологической науки в целом. Уже само создание такой комиссии будет экспериментом, который, на наш взгляд, непременно покажет результаты уже в ближайшем будущем».

В ходе обмена мнениями было признано важным проведение в рамках XII Конгресса антропологов и этнологов России (3–6 июля 2017 г., г. Ижевск) секции «Экспериментальная антропология», которая могла бы показать потенциал предлагаемого подхода. Перед нами встал вопрос о том, с чем экспериментирует антропология, и этот вопрос был задан 13 декабря 2016 г. молодым ученым и старшим коллегам антропологам¹. Ответы различались, но наиболее важными представляются те, в которых названы «методы», «читатели», «этика», «антрополог», «человечность», «будущее». Существенным было и неоднократное упоминание экспериментального характера научной деятельности вообще. Помощь и открытость коллег сыграла большую роль в уточнении наших представлений о том, что мы хотим делать.

С другой стороны, в ходе опроса мы увидели, что выражение «экспериментальная антропология» может вызвать неоднозначную реакцию представителей гуманитарных наук. Мы благодарны сотруднику ИЭА РАН Ольге Зыкиной за критику, представленную в письменном виде:

«На ваш вопрос, возможна ли экспериментальная антропология и как она может быть представлена, я ответила: “нет”. Поскольку прежде вы застали меня так внезапно, сейчас нахожу необходимым дать некоторые разъяснения моему столь категоричному ответу. Я и сейчас не могу пока ответить иначе. Дело в том, что “эксперимент” для меня входит в довольно определенную категорию понятий и обозначает вполне конкретную форму и методологию научной деятельности. В частности, я бы предполагала в связи с этим словом, во-первых, какое-то практическое взаимодействие ученого с его объектом исследования, но этого мало, поэтому будет во-вторых, которое включает предварительное построение теоретической модели и создание идеальных контролируемых условий для проведения эксперимента. Наверное, еще одним значимым параметром “эксперимента” как метода я бы назвала возможность его повторения, т.к. в противном случае он не сможет выступать подтверждением теории или гипотезы. Итак, именно вышеназванные критерии в своей совокупности я буду в дальнейшем вкладывать в слово “эксперимент”. В общем-то, готова признать, что лишь моя ограниченность не позволяет мне представить их реализацию в совокупности в гуманитарных науках, т.е. сами по себе они не исключают возможность существования «эксперимента» в антропологической науке. Однако, на мой взгляд, для введения такого смелого нового слова требуется довольно серьезное методологическое обоснование, т.к. даже для моего поверхностного мышления существует целый ряд вопросов, которые должны быть строго решены научным сообществом при введении этого понятия в обиход. Озвучу некоторые из них.

1. Одним из критериев эксперимента я назвала создание контролируемых условий. Это вызывает сложности, но, однако успешно решается, когда мы говорим о естественных и даже технических науках, даже специально для этого создаются вспомогательные науки, например, метрология. Однако для исследователя-гуманитария, который по сути своей является в некоторой степени частью изучаемого им объекта, вопрос о контроле стоит во многом парадоксально. Кроме того, и сами участники эксперимента очевидно будут личности с самостоятельным сознанием, свободной волей, выбором, а также индивидуальным культурным и социальным опытом. Просчитать весь комплекс влияющих факторов, которые необходимо учесть при моделировании социальных систем, кажется мне невыполнимой задачей даже для группы ученых в рамках масштабного проекта. В связи с этим возникает вопрос, что считать контролем за экспериментом в условиях гуманитарной науки.

2. Неразрывно связан с проблемой создания контролируемых условий вопрос о возможности множественного повторения эксперимента с получением аналогичного результата. Т.к. если результат каждый раз разный, то это либо конкретный опыт, который является частью эксперимента (но что тогда эксперимент?), либо просто данная теоретическая модель не способна в полной мере отразить процесс/явление.

Честно сказать, не могу пока представить, как это возможно в рамках антропологии.

3. Когда мы говорим о научной деятельности, мы часто предполагаем научный успех, достижение. Однако, понятно, что в равной мере в науке присутствуют и ошибки. Если мы говорим об ошибочных теориях, то все они имеют значение в первую очередь для самого научного сообщества, которым преодолеваются, используются на развитие научного знания. Возможные ошибки в практической деятельности требуют от ученого значительно большей ответственности. И если для естественных, техни-

ческих наук потери будут выражаться в материальных ресурсах, то в гуманитарной сфере цена ошибки выглядит несколько сложнее, т.к. спектр результатов, отличных от ожидаемого, значительно шире. Но, в любом случае, перед исследователем будет стоять задача учесть и исключить из эксперимента травмирующие факторы. Возможно ли это, как это сделать, как контролировать их отсутствие по ходу эксперимента и гарантировать участнику безвредность эксперимента – все это должно быть решено.

Думаю, на этом я могу остановиться в своих размышлениях по этой теме, за исключением последнего моего вопроса к тебе.

“Зачем?” Зачем создавать это новое научное и, ко всему прочему, спорное понятие, чем оно лучше уже имеющихся, не породит ли оно новую сущность, которая не будет нести значимой смысловой нагрузки?

Как видишь, твой вопрос породил целую серию новых, что, вероятно, и являлось его основной задачей, учитывая всю провокационность.

И я невероятно благодарна тебе за этот повод поразмыслить над такими неожиданными категориями, как эксперимент, которые даже в рамках философии науки идут часто как аксиома и создают обманчивое впечатление однозначности».

Наш мир изменяется. Технологии и возможности, непредставимые еще вчера, прочно заняли место в нашей повседневной жизни. Усилилась фрагментарность коллективных представлений. Формы работы и результативность в антропологии вызывают все больше вопросов, ответить на которые, пожалуй, вряд ли поможет только лишь адекватное финансирование и новейшее оборудование. Следует признать: часто мы не понимаем, что и для кого делаем, за исключением выполнения государственного заказа (аналитика, опросы, статистика, перепись и пр.), истории науки или музееведения, то есть сфер ограниченной ответственности. Личный интерес, участие в грантах и публикационная активность не может заместить процесс определения целей и задач дисциплины. В случае науки о человеке подобное положение дел выглядит критичным.

Антропологи – во многом самоорганизующееся сообщество – лица, профессионально занимающиеся «чужим» в собственной или других странах. Нередко, соорудив умозрительную «академическую» стену, или границу, антропологи испытывают фрустрацию вследствие объективной невозможности изъять себя из социума и исключительно наблюдать и делать выводы. То, с чем часто мы имеем дело, напоминает, если обыграть терминологию, «выключенное» наблюдение.

Кажется, само общество исторгает антропологов из своей среды, чтобы получить от них, как от своих представителей, ответы на вопросы о состоянии человеческой природы. Но осознание цеховой ответственности нередко приводит к бесконечным вариациям некоторой установочной позиции, иначе говоря, к серии повторений, в которой обнаруживается ожидаемый «результат», но можно ли его считать результатом? Не разыгрывается ли здесь «вечный футбольный чемпионат»², вытесняющий образы объективной реальности?

Поворот в советской этнографии в 1980-е годы от сосредоточенности на формах прошлого к попытке использовать дисциплину для понимания и управления настоящим можно увидеть в важной работе В.А. Тишкова «Да изменится молитва моя! <...> О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений» (1989)³. Автор благодарил за помощь в подготовке брошюры д.и.н. С.А. Арутюнова,

д.и.н. С.И. Брука, д.и.н. М.Н. Губогло, д.и.н. Л.М. Дробижеву, д.и.н. В.И. Козлова, д.и.н. С.В. Чешко, к.и.н. А.Н. Ямскава. Позволительно говорить о том, что работа отражала коллективное видение профессионалами перспектив антропологии и соответствовала социальному запросу того времени.

Этот тезис о соответствии запросу общества остается ключевым и в наши дни⁴. Невозможно изучать человека и при этом оставаться в тени. Невостребованный продукт не означает ничего иного, кроме его отсутствия. Мы обязаны уметь быть нужными, так как очевидно, что виртуальный «футбольный чемпионат» не может найти отклика у реалистически мыслящей аудитории. Она, в самом деле, не готова принять рукопись из башни из слоновой кости, если строки не созвучны ее переживаниям.

Антропология экспериментальна. Экспериментальная антропология – не направление, но площадка взаимодействия представителей различных отраслей дисциплины, характеризующаяся горизонтальностью, высоким уровнем доверия и разнообразием интересов ее участников. Перед нами форма профессионального общения, а содержание его определяется актуальностью и личным интересом участника.

Принятие экспериментальности антропологии позволяет нам приблизить новый поворот в отечественной дисциплине, связанный с социальным планированием, или планированием будущего. Если в изменившихся общественно-политических условиях конца 1980-х гг. состоялась «мобилизация» этнографического знания, то в настоящее время наблюдаются признаки его «демобилизации» во имя стабильности. Актуальным для антропологов стал вопрос самоорганизации. Крайне нужны коллективы (рабочие группы, школы), между которыми только и возможна здоровая конкуренция, способствующая формированию формальных критериев научной работы и раскрытию индивидуальности исследователя. Также это снизит влияние научного «ячества», опасность которого осознается, по меньшей мере, со второй половины XX века⁵. Здесь трудно переоценить значение и качество неформального общения и горизонтальных связей.

В ответ на критику О. Зыкиной мы скажем, что работа в группе внутри антропологического сообщества по конкретной проблеме вполне обеспечивает создание контролируемых условий и возможность повторения эксперимента с антропологами, методами, читателями, этикой. Возможно и нужно экспериментировать внутри дисциплины, отвечая на социальный запрос. Не следует бояться рассказывать обществу, каким предстает оно из нашего опыта, разрабатывать и воплощать в жизнь совместно с людьми идеи, обязанные своим появлением антропологическому опыту. Условие успеха здесь – контакт.

В мире уже действуют научные центры, которые специализируются на исследовательской работе в области экспериментальной антропологии. Например, в департаменте антропологии Коннектикутского университета создана лаборатория экспериментальной антропологии. В 2015 г. исследовательская группа организовала лабораторию экспериментальной антропологии в Католическом университете Лилля. Имеется большое количество публикаций и научных мероприятий, проводимых на регулярной основе по экспериментальной антропологии. Цели, которые себе поставили коллеги, кроме всего прочего, включают в себя расширение возможностей получения верифицированных знаний в области антропологии.

Аргументированные критики гуманитарных наук требуют объективных подтверждений и доказательств полученных знаний. «Подвергаются сомнению широко

распространенные в научных текстах тезисы, содержащие в себе выражения “более”, “менее”, “рост”, “уменьшение”, “сокращение” и т.п., предполагающие количественные сравнения (сопоставления) без таковых. Оппоненты требуют статистических подтверждений описываемых явлений, доказательств, что это не уникальный кейс и не исключение из правил» (Stone 1979: 10–11).

Популярность данного суждения в 1970-е годы была связана с успешным развитием кибернетики. Тогда появились научные работы, посвященные количественным методам и применению математического анализа в истории (Ковальченко 1984). В этнологии появилась информационная теория этноса (Арутюнов, Чебоксаров 1972). Сейчас мы переживаем очередной виток развития этой тенденции – «большие данные». Это направление связано не только с геометрическим ростом цифровой информации, но и с бурным развитием цифрового профилирования и формирования сетевых образов пользователей на основании их «отпечатков», «следов» в интернете (Kosinski et al. 2016). Постоянный рост вычислительных потенциалов компьютеров открывает новые методы и расширение возможностей для антропологических исследований.

Оформление гипертекста как одного из стандартов в антропологии, оперирующего образами, делает связь антрополога и общества более тесной. Антропологический анализ, каркас для гипертекста, требует понимаемых людьми образов. Важным представляется здесь точность взаимодействия, а не отвлекающих деталей. Нам показывают одно, говорят о другом, имеют в виду, не сознавая, третье, но мы всегда находимся в поиске центра, или середины нарратива. Верной передачей послания будет не реконструкция или интерпретация, а максимально близкие экспериментальному анализу формулировки.

Экономисты и маркетологи также вносят свой вклад в экспериментальную антропологию. Транснациональные компании проводят детальные исследования по анализу локальных потребительских особенностей населения при выработке маркетинговых стратегий вывода того или иного товара на рынок (Morelli 2016). Часто покупателям предлагают инновационные товары, использование которых включает в себя изменение образа жизни, рациона питания, появление новых привычек и паттернов. В итоге реализация подобных стратегий при определенных обстоятельствах является одной из форм антропологического эксперимента, в результате которого оказывается воздействие на повседневную жизнь локальных групп акторами в лице производителей продуктов массового потребления и торговых компаний. Промышленники, предприниматели, дистрибьюторы в последние годы привлекают к созданию рекламных компаний профессиональных антропологов.

Эксперимент необходим для проверки гипотез. Широко применяются средства, разработанные в социологии, которая уже относительно давно сформулировала юридические, этические и технические формулы экспериментальной работы. Широкий общественный резонанс произвел эксперимент, проведенный журналистами ВВС в феврале 2017 г. Они сделали два вымышленных резюме, которые отличались именами (Адам Хентон и Мухамед Аллам), а в остальном были идентичны. Информация о соискателях была направлена в 100 потенциальных компаний-работодателей в Лондоне. Субстантивная разница в количестве положительных ответов на предложенные кандидатуры позволила подтвердить предположения о высокой степени нетерпимости в столице Великобритании (Adesina, Marocico 2017).

История также рассматривается некоторыми исследователями в качестве «естественного эксперимента» (*Diamond, Robinson 2010*). Предполагается, что использование исторических кейсов для подтверждения этнологических теорий является, в некоторой степени, частью экспериментальной антропологии (*Baumard 2010*). В строгом смысле слова, конечно, историю к эксперименту отнести нельзя. Другое дело – эксперименты с интерпретацией прошлого.

Немалый практический вклад в развитие экспериментальной антропологии может внести политическая деятельность. Актуальная политическая практика в отличие от истории позволяет экспертам совместно с государственными служащими управлять процессами и вносить коррективы в ход их развития. Политики, исполнительные органы власти обладают мандатом на проведение экспериментов в рамках своих компетенций. Это в полной мере относится и к государственной национальной политике, в сферу ведения которой входит управление этническими процессами. Немало подобных «экспериментов» проводилось в СССР в ходе реализации политики модернизации «отсталых народов».

В глобальном масштабе происходят эксперименты над отдельными странами. США, реализуя политику *Rex Americana*, форматировала социально-экономическое, культурное и политическое устройство других стран в соответствии со своими стратегическими национальными интересами.

Работая в «поле», каждый исследователь так или иначе проводит над собой эксперимент. У нас различный опыт, и сочетать его в рамках одной дисциплины оказывается своеобразной «междисциплинарностью». Исследователю важно менять географию и культуры, не избегать контакта с новым и чуждым его сформировавшимся предпочтениям. Это обостряет чувство контакта, облегчает распознавание друг друга и снятие барьеров в общении. При этом остается задача реализовать подлинную междисциплинарность в области изучения человека и его деятельности (*Fitzgerald 2015*).

В феврале 2017 г. на ежегодном общем собрании сотрудников и аспирантов директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН д.и.н. М.Ю. Мартынова в отчетном докладе отдельно отметила ведущую роль экспериментальных направлений в работе учреждения. К ним относятся кросс-культурная психология и этология человека, этногендерные исследования и медицинская антропология. Они являются своеобразными точками роста. Медицинская антропология стала одной из первых комиссией Ассоциации антропологов и этнологов России.

Что же представляет из себя экспериментальная антропология? Метод или отдельное направление? Надеемся, что результаты работы одноименной секции на XII Конгрессе антропологов и этнологов России (Ижевск, 3-6 июля 2017 г.) приблизят нас к ответу на данный вопрос.

Антропология дает нам шанс использовать ее экспериментальность на благо всех нас. Воспользуемся этим шансом!

Примечания

¹ См. сюжет «С чем экспериментирует антропология?» на канале *anthrotube*: <https://www.youtube.com/watch?v=Cxk61S9W8Kk>. См. там же плейлист «Экспериментальная антропология».

² Метафора «Лабсанга Сучонга из монастыря Пу Эр» в романе В. Пелевина «Generation „П“», касающаяся вытеснения «из совокупного сознания людей», «благодаря виртуальному эффекту», коллективного видения человеческого плана существования.

³ Тишков 1989. Издание можно скачать по ссылке: <https://drive.google.com/open?id=0B9Y660LYEu>

1GRIBYY3EzSHISOEU (дата обращения: 15.02.2017). См. также Тишков 2011: 14.

⁴ «Я подозреваю, что, когда заводят абстрактный разговор о «независимости», считая унижительным опускаться до столь презренных вещей, как деньги, в действительности хотят, чтобы публика платила за то, чтобы художник (ученый, писатель) жил и работал так, как ему хочется, т.е. как паразит: академики, используя магическое заклинание «академической свободы», уже давно ухитрились сделать паразитизм respectable» (Фейерабенд 2010: 365).

⁵ См., например, Иванов 1978.

Литература

- Арутюнов, Чебоксаров 1972 – Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.: Наука, 1972. Т. 2. С. 8–30.
- Иванов 1978 – Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978.
- Ковальченко 1984 – Количественные методы в исторических исследованиях / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984.
- Тишков 2011 – Валерий Александрович Тишков / сост. Г.М. Тихомирова, Н.М. Ансерова; авт. вступ. ст. Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. М.: Наука, 2011.
- Тишков 1989 – Тишков В.А. Да изменится молитва моя! О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: Институт этнографии АН СССР, 1989.
- Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Прощай, разум / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Adesina, Marocico 2017 – Adesina Z., Marocico O. Is it easier to get a job if you're Adam or Mohamed? (6 February 2017). URL: <http://www.bbc.com/news/uk-england-london-38751307>. Дата обращения: 10.03.2017.
- Baumard 2010 – Baumard N. On the Use of Natural Experiments in Anthropology (6 April 2010) . URL: <http://cognitionandculture.net/blog/nicolas-blog/on-the-use-of-natural-experiments-in-anthropology>. Дата обращения: 11.03.2017.
- Diamond, Robinson 2010 – Natural Experiments of History / ed. J. Diamond, J.A. Robinson. Cambridge: The Belknap Press, 2010.
- Fitzgerald 2015 – Fitzgerald D. Experimental anthropology in the making: a conversation with Andreas Roepstorff. URL: <http://somatosphere.net/2015/03/experimental-anthropology.html>. Дата обращения: 05.03.2017.
- Kosinski et al. 2016 – Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining big data to extract patterns and predict real-life outcomes. URL: Psychological Methods, 2016. Vol. 21. № 4. Pp. 493–506.
- Morelli 2016 – Morelli K. Anthropology and Marketing: A Marriage Made in Muma College of Business (Nov. 17, 2016). URL: <http://www.usf.edu/business/news/articles/161117-anthropology-marketing.aspx>. Дата обращения: 10.03.2017.
- Stone 1979 – Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present, 1979. 85. Pp. 3–24.

References

- Adesina, Marocico 2017 – Adesina Z., Marocico O. Is it easier to get a job if you're Adam or Mohamed? (6 February 2017). URL: <http://www.bbc.com/news/uk-england-london-38751307>.
- Arutjunov S.A., Chebokarov N.N. Peredacha informatsii kak mekhanizm sushchestvovaniia etnosotsial'nykh i biologicheskikh grupp chelovechestva // Rasy i narody. Moscow: Nauka, 1972, vol. 2. Pp. 8-30.
- Baumard N. On the Use of Natural Experiments in Anthropology (6 April 2010) . URL: <http://cognitionandculture.net/blog/nicolas-blog/on-the-use-of-natural-experiments-in-anthropology>.

- Diamond J., Robinson J.A. (eds.)* Natural Experiments of History. Cambridge: The Belknap Press, 2010.
- Feierabend P.* Proshchai, razum. Moscow: AST: Astrel', 2010.
- Fitzgerald D.* Experimental anthropology in the making: a conversation with Andreas Roepstorff. URL: <http://somatosphere.net/2015/03/experimental-anthropology.html>.
- Ivanov V.V.* Chet i nechet. Asimetriia mozga i znakovykh sistem. Moscow: Sovetskoe radio, 1978.
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J.* Mining big data to extract patterns and predict real-life outcomes // Psychological Methods, 2016. Vol. 21. No. 4. Pp. 493–506.
- Koval'chenko I.D. (ed.)* Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniiax. Moscow: Vysshaia shkola, 1984.
- Morelli K.* Anthropology and Marketing: A Marriage Made in Muma College of Business (Nov. 17, 2016). URL: <http://www.usf.edu/business/news/articles/161117-anthropology-marketing.aspx>. Дата обращения: 10.03.2017.
- Tikhomirova G.M., Anserova N.M. (ed.)* Valerii Aleksandrovich Tishkov. Moscow: Nauka, 2011.
- Tishkov V.A.* Da izmenitsia molitva moia! ...: O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii. Moscow: Institut etnografii AN USSR, 1989.
- Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present, 1979. No. 85. Pp. 3–24.

R.N. Ignatiev, M.A. Nikitin. Experimental Anthropology.

The authors propose to use the experimentality of anthropology for the development and implementation of projects based on social demand.

Key words: *experimental anthropology, interdisciplinarity, society.*

ПОСЛЕ СОЦИАЛИЗМА: СУДЬБЫ СКОТОВОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, МОНГОЛИИ И РОССИИ

Статья посвящена мобильному скотоводству в «посткоммунистических» странах. Автор отмечает, что его реформирование в этих странах, а также в различных регионах России приняло различный характер. В одних из них государство все еще играет слишком большую роль в скотоводческом секторе. В других – скот перешел в собственность индивидуальных хозяйств. Однако они далеко не всегда ориентированы на рыночное производство. По мнению автора, фермерство капиталистического типа является наиболее перспективным для утилизации пустынных и полупустынных зон, а также некоторых областей в тундровой зоны.

Ключевые слова: современное мобильное скотоводство, деколлективизация, приватизация скота, Центральная Азия, Бурятия, Монголия, российский Север.

Введение

Моя статья является, увы, запоздалым заключением к блоку статей, опубликованных во втором номере «Этнографического обозрения» за 2016 г. Они посвящены современному состоянию мобильного скотоводства на российском Севере, в Бурятии, Кыргызстане и Монголии. Все мои попытки получить статьи о положении дел в других центральноазиатских странах по разным причинам оказались безрезультатными. Поэтому по мере моих далеко не полных знаний мне придется остановиться этих странах самому*.

С большим сожалением я вынужден констатировать, что за редкими и кратковременными исключениями ни центральноазиатские, ни российские антропологи/этнографы не занимаются в достаточной мере соответствующими проблемами. Исключение составляет оленеводство в Российской Федерации, которому посвящено довольно много публикаций не только российских, но и западных антропологов (см., напр.: *Anderson 2000; Kasten 2002; Gray 2005; Kasten 2005; Habeck 2005; Stammeler 2005* и многие другие; о проблемах, связанных с «наплывом» западных антропологов см. *Gray et*

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, почетный профессор Университета Висконсина (США), иностранный член Британской академии. Эл. почта: khazanov@wisc.edu.

* Пользуюсь возможностью выразить свою искреннюю благодарность И. Алимаеву, Н. Жуковской, Л. Несперу (Larry Nesper) и Д. Функу. за полезную информацию, использованную в работе над этой статьей. Я хочу выразить особую признательность К. Истомину, А. Железнякову и С. Панарину, любезно согласившимся прочитать соответствующие разделы рукописного варианта этой статьи, и сделавших ряд важных для меня замечаний. Разумеется, только я несу ответственность за ее содержание и выводы. Я также очень благодарен С. Соколовскому и С. Чешко, главным редакторам «Этнографического обозрения» и «Вестника антропологии» соответственно за понимание, терпение и поддержку в публикации моих статей.

al. 2003). Одно время в Институте Социальной Антропологии Общества Макса Планка, в Германии, существовал даже специальный отдел Сибири. Однако похоже, что кратковременный расцвет работы западных антропологов в Сибири и на Севере уже в прошлом. По известным причинам в настоящее время она очень затруднена.

Ситуация в Центральной Азии совсем иная. Многие западные ученые довольно активно исследуют сейчас скотоводство в этом регионе и опубликовали много интересных работ на эту тему. Но среди них решительно преобладают экономисты, экологи, биологи, климатологи, агрономы, социальные географы, так называемые специалисты по развитию, но за довольно редкими исключениями только не антропологи и другие социальные ученые. В этом отношении положение дел существенно отличается от того, которое существует в Африке и на Ближнем Востоке. Там западные антропологи принимают очень активное участие в изучении современных мобильных скотоводов.

В какой-то мере это не случайно. Некоторые исследователи (см., напр.: *Veldwisch* 2008: 14–15) честно признают, что вынуждены прибегать к самоцензуре, чтобы не подвергать опасности своих информаторов и не закрывать себе возможности дальнейшей полевой работы. Однако Казахстан, Кыргызстан и, тем более, Монголия весьма открыты для иностранных ученых. Так, мои публикации о Казахстане, подчас весьма критические, отнюдь не мешают моим визитам и работе в этой стране и самым дружеским отношениям с казахстанскими коллегами. Французские антропологи успешно работают в Кыргызстане, ученые самых разных стран, от Японии до Израиля, – в Монголии. По-видимому, помимо объективных трудностей, мобильное скотоводство в странах Центральной Азии просто не находится в сфере интересов большинства современных антропологов-этнографов.

В коммунистический период скотоводство, как и сельское хозяйство в целом, во всех рассматриваемых странах было основано на одних и тех же принципах: национализации земли, включая пастбища, а также национализации или коллективизации основного поголовья скота. Как правило, это было достигнуто жестокими и насильственными мерами. Так, в Казахстане коллективизация скотоводов в начале 1930-х годов, которая в современной казахстанской историографии получила название «казахстанской трагедии» (*Абылхожин* 1997: 167 сл.; *Козыбаев* 1998; *Аяган* 2012), привела к гибели большинства поголовья скота, смерти от голода 1,5–2 млн людей и бегству из страны еще полмиллиона казахов.

И в Казахстане и в других регионах Советского Союза, а позднее и в Монголии, непосредственные производители, то есть рядовые колхозники и совхозники, были лишены собственности на ключевые ресурсы и отстранены от принятия сколько-нибудь важных экономических решений. Официально в их собственности оставалось лишь небольшое количество скота для семейных нужд, хотя в скрытой форме домашнее стадо, нередко выпасавшееся вместе с совхозным или колхозным, могло подчас достигать весьма значительных размеров. Но это было далеко не всегда и не всюду и главное, в данном случае не приходится говорить о полной собственности, так как такое положение дел противоречило законодательству.

Правда в позднесоветский период мобильное скотоводство было отчасти модернизировано и стало более интенсивным. Но это было сделано в рамках административно-командной системы, о недостатках которой писать сейчас едва ли есть нужда. Хотя мобильное скотоводство утратило свой традиционный характер, оно никогда не было основано на рациональных экономических принципах. И в Советском Сою-

зе, и в Монголии главной целью в упомянутое время было любой ценой увеличить поголовье скота. И это было не случайно, если учесть, что даже в Монголии городские жители стали испытывать хроническую нехватку мясомолочных продуктов (*Fernandes-Gimenez* 1999: 19).

Увеличение поголовья скота, подчас весьма внушительное, было достигнуто с помощью больших государственных субсидий и капитальных вложений в инфраструктуру. Но при этом игнорировались себестоимость производства и особенно экологический фактор, что привело к быстрой деградации пастбищ. Так, в Казахстане, поголовье скота в 1989 г. значительно превысило рациональные экологические нормы. Это привело к ряду негативных последствий: тенденции к переходу от мультивидового к моновидовому составу стада, отказу от сезонной ротации пастбищ, перевыпасу и эрозии не менее трети плодородных пастбищ (*Жамбакин* 1995; *Алимаев* 1997: 159–161; *Себребрянный* 1999: 166–167; *Khazanov, Shapiro* 2005: 507; ср.: *Robinson et al.* 2003). Уже в 1960-х годах бездумное создание даже в полупустынной зоне все более крупных и специализированных совхозов с 50–60 тыс. овец, а позднее и 80 тыс., привело к тому, что пастбища, которые ранее использовались лишь во время перекочевков скота, стали утилизироваться в течение нескольких месяцев ежегодно (*Алимаев et al* 1986 ff.). В Туркменистане обширные территории плодородных пастбищ превратились в песчаные пустыни. В Кыргызстане перевыпас привел к деградации 1,7 млн гектаров (по другим данным даже 3 млн) пастбищных угодий (*Джолдошев* 1997: 168; *Кляшторный* 1999: 61). В Узбекистане более чем 30% пастбищ, расположенных в пустынной и полупустынной зонах, находились на разных степенях деградации (*Арипов* 1997).

Социальные последствия были не менее негативными. Выпас скота перестал быть семейным делом и утратил прежний престиж. Труд пастухов, стал малопривлекательным даже в тех случаях, когда их сопровождали некоторые члены их семей, и тем более когда они оказывались месяцами оторванными от своих семей, живших в стационарных поселениях. Узкая специализация в специально организованных производственных группах (бригадах) зачастую приводила к утрате полного комплекса традиционных скотоводческих навыков.

Такова была ситуация к моменту распада Советского Союза. Последующее развитие в странах Центральной Азии, и в некоторых регионах Российской Федерации, в частности на Крайнем Севере, а также в Монголии, пошло различными путями. Но поначалу мобильное скотоводство почти повсюду оказалось в состоянии глубокого кризиса. Как только соответствующие правительства прекратили или существенно сократили прямые и косвенные субсидии и инвестиции в скотоводческий сектор национальных экономик (снабжение техникой, горючим, строительными материалами и фуражом, автотранспортом, ветеринарным сервисом, поддержанием инфраструктуры, в первую очередь дорожной сети и т. п.), его убыточность стала очевидной. Дерегуляция ценообразования, а также неразвитость рыночной системы, в первую очередь плохой маркетинг, привели к тому, что выручка от продажи скота и продуктов скотоводства оказалась значительно меньшей, чем возросшая стоимость входных ресурсов (транспорта, горючего, кормов и т. п.).

К тому же демонтажирование и/или реформирование прежней колхозно-совхозной системы и приватизация скота и сельскохозяйственного оборудования в большинстве случаев было проведено в условиях широко распространенной коррупции и с нарушением элементарных принципов социальной справедливости, что едва ли должно быть

удивительным. Новое слово «прихвятизация», которым в 1990-х годах обогатился русский лексикон, стало заимствованием в некоторых центральноазиатских языках. Оно вполне применимо к ситуации, сложившейся в это время в скотоводческом секторе этих стран. Львиная доля скота и другого колхозно-совхозного имущества перешла в собственность их бывших менеджеров различного уровня (*Хазанов и др.* 1997; *Хазанов и др.* 1999; *Khazanov and Shapiro* 2005; *Kerven* 2003: 5 ff.).

Тем не менее, реформы привели к существенным различиям в положении скотоводства и самих скотоводов в различных странах, а также в некоторых регионах России. Поначалу политика, проводившаяся правительствами центральноазиатских стран, лишь усугубила кризис скотоводства, заметный уже во второй половине 1980-х годов. Он уже достаточно полно описан различными исследователями (см., напр.: *Хазанов и др.* 1997). Поголовье скота во многих рассматриваемых странах в 1990-е годы резко сократилось, равно как и мобильность самих скотоводов. Это привело к перевыпасу и деградации ближних пастбищ, расположенных неподалеку от поселений. Зато дальние пастбища оказались неиспользованными или в лучшем случае недоиспользованными.

В 1990-х годах и позднее кризис сельского хозяйства во многих странах привел также к значительному оттоку сельского населения, в том числе и из скотоводческих районов, в города. Однако в профессиональном и культурном отношении мигранты были плохо приспособлены к городской жизни и оказались в них маргиналами (*Yesenova* 2005; *Alymbaeva* 2013, 132 ff.; *Isabaeva* 2014). В столице Бурятии Улан-Удэ кварталы-самостройки, в которых поселились недавние сельские жители, остроумно называют «нахаловками» (*Скрынникова* 2009: 178).

Любопытно, что в Монголии экономический кризис временно привел к обратной миграции. Обнищавшие и безработные горожане, особенно те, кто имели родственников в сельской местности, переселялись туда, просто чтобы прокормиться. (*Грайворонский* 1997: 84–85). В период между 1990 и 1993 гг. скотоводческое население Монголии увеличилось вдвое, а к 1998 г. втрое (*Rossabi* 2005: 121). Но и в Монголии это было временным явлением. «Новые скотоводы» не обладали достаточным количеством скота, не имели многих навыков, необходимых для успешного ведения хозяйства, и особенно пострадали от последствий стихийных бедствий конца 1990-х – начала 2000-х годов (*Himmelsbach* 2012: 177). С начала 2000-х годов начался обратный процесс. По официальной статистике население Улан-Батора (Улаан-Батара) увеличилось с 760 тыс. в 2000 г. до 1,3 млн в настоящее время, или даже до 1,5 млн по оценке некоторых исследователей (*Терентьев* 2015: 26). Я сам имел возможность заметить, что старые районы монгольской столицы окружены теперь неблагоустроенными кварталами, состоящими из юрт (*геров*) и домов-самостроек.

Тем не менее реформы привели к существенным различиям в положении скотоводства и скотоводов в различных странах, а также в некоторых регионах России. Начну с Центральной (бывшей Средней) Азии, в которой в начале 1990-х годов на долю скотоводства и животноводства все еще приходилось от 35% до 60% стоимости всей сельскохозяйственной продукции.

Казахстан

Казахстан на протяжении долгих исторических периодов был наиболее важным регионом мобильного и экстенсивного скотоводства во всем поясе евразийских степей, полупустынь и пустынь. Это не удивительно, потому что свыше 70% всей его тер-

ритории (2.717.300 кв. км) состоит из естественных пастбищ и сенокосов. До начала XX века кочевое население Монголии никогда не превышало 1 млн человек, в то время как в Казахстане оно временами насчитывало несколько миллионов. Трагедия коллективизации привела к тому, что поголовье скота в стране сократилось с 30.350 млн голов в 1928 г. до 4.800 млн в 1934 г. Даже в 1951 г. оно составляло всего 23.973 млн голов, не достигнув тем самым доколлективизационного уровня (Khazanov 2012: 144). Поголовье скота в Казахстане начало быстро расти только в 1960-х годах. В начале 1990-х годов, когда правительство Казахстана приступило к реформированию сельского хозяйства страны, совхозы и колхозы уже лишились государственных субсидий. Многие из них были в больших долгах, а то и просто стали банкротами. Упразднение колхозно-совхозной системы и изменения в соответствующем законодательстве в Казахстане совершались постепенно и не всегда последовательно. Но декларированной целью реформ был перевод сельского хозяйства в русло рыночной экономики капиталистического типа. Одной из сторон этого процесса было разукрупнение совхозов и колхозов и создание вместо них все более и более мелких предприятий кооперативного типа, а также частных хозяйств. Другой стороной была передача все большего количества скота в частную собственность (Khazanov, Shapiro 2005: 513 ff.; Khazanov 2012: 146 ff.; Наумова 2004; Наумова, Сагнаева 2006).

Как и повсюду в Центральной Азии, стартовые позиции оказались не для всех равными. Рядовые совхозники и колхозники нередко даже не были осведомлены о своих правах и деталях проводившихся реформ. Приватизация привела к тому, что директора, управляющее звено и специалисты совхозов и колхозов, а зачастую и работники местных администраций, всеми правдами и неправдами смогли присвоить непропорционально большую часть имущества упраздняемых или реформируемых хозяйств, в том числе и скота (Kalyuzhnova 1998: 137; World Bank 1998: 61; Хазанов и др. 1999). Президентский декрет от марта 1994 г. законодательно закрепил право директоров и специалистов крупных сельскохозяйственных предприятий, созданных на базе прежних совхозов и колхозов, на преимущественную долю их имущества. Ставка была открыто сделана на экономическую эффективность.

Такое положение дел сохранялось на протяжении всех 1990-х годов. Один из западных исследователей лично наблюдал, что в то время как рядовые работники в одном из подобных предприятий были заняты на постройке молочной фермы, финансируемой в рамках совместной американо-израильской программы помощи в развитии сельского хозяйства, его руководитель продал несколько десятков коров, для которых собственно и предназначалась сооружаемая ферма (Wenthal 2002: 167).

Во второй половине 1990-х годов скотоводство в Казахстане находилось в глубоком кризисе. Поголовье скота сократилось с 43.723 млн в 1992 г. до 13.741 млн в 1999 г. (UN FAO statistical site: <http://apps.fao.org>). Это было связано с целым рядом факторов как политического, так и экономического порядка. Реформы в сельском хозяйстве проводились руководством страны без учета интересов и мнения непосредственных производителей. В то же время государство преждевременно прекратило предоставление субсидий, кредитов, снабжение горючесмазочными материалами, оборудованием, кормами и ветеринарным обслуживанием. Справедливости ради надо отметить, что у него просто не было для этого соответствующих финансовых ресурсов. Стоимость услуг, предоставляемых государством в советское время, резко возросла. Из-за падения цен на шерсть на мировых рынках и конкуренции с другими странами этот рынок был

фактически утрачен. В 2000 г. килограмм шерсти продавался за 50 тенге, т.е. примерно за 30 американских центов (*Khazanov, Shapiro 2005: 521*).

Пищеперерабатывающая промышленность также пришла в упадок. Старая система маркетинга, существовавшая в советский период, прекратила свое существование, однако новая в лучшем случае находилась лишь в зародышевой стадии. Поскольку непосредственные производители не имели доступа к кредитам и испытывали недостаток наличных денег, они вынуждены были использовать единственное ликвидное имущество, которое имели – скот, для бартерных сделок или просто для удовлетворения непосредственных хозяйственных нужд и оплаты вторичных услуг. Руководители кооперативов различного типа даже при самых честных намерениях также были вынуждены прибегать к бартеру или прямой продаже скота для оплаты горючего, электричества, налогов и т. п.

Не удивительно, что потребление мяса на душу населения в Казахстане сократилось с 71 кг в 1991 г., что равнялось уровню потреблению мяса в Англии, до 45,1 кг в 1998 г. (*Brent 2001*). Во время моей полевой работы в Казахстане в 1990-х годах, я всегда заходил в продовольственные магазины в его крупных городах. В отличие от советских времен недостатка в мясомолочных продуктах в них не было, но меня поражало другое. Эти продукты были импортом из самых разных стран – от Испании до Австралии. Местные продукты можно было купить только на базарах. Но чтобы продать там свою продукцию, скотоводы должны были пользоваться целым рядом весьма коррумпированных посредников и рэкетиоров.

В наихудшем положении оказались рядовые совхозники и колхозники, имевшие минимальные шансы для создания успешных частных скотоводческих хозяйств. Для этого они не имели ни достаточных экономических ресурсов, включая скот и особенно технику, ни доступа к кредитам. Сбыт их продукции на рынках был затруднен, а снижение спроса на скотоводческую продукцию из-за экономической рецессии, стало еще одним неблагоприятным фактором для ведения успешного хозяйства.

Более того, обнаружилось, что члены подобных хозяйств зачастую утратили многие скотоводческие навыки. Приведу лишь один пример из многих возможных. Весенняя стрижка овец требует определенной квалификации, которой многие бывшие совхозники и колхозники в Южном Казахстане уже не обладают. Поэтому, когда это возможно, они предпочитают нанимать для такой работы *оралмандар*, казахских эмигрантов из Монголии и Китая, пользующихся высокой репутацией как люди, сохранившие во всей полноте навыки мобильного овцеводства (*McGuire 2014: 6*).

Но помимо экономических и социально-политических, надо учитывать еще психологические факторы. Многие десятилетия господства советской командной системы отучили рядовых скотоводов от любой инициативы и способности принимать самостоятельные решения. Они привыкли просто следовать указаниям своих руководителей. Во время полевых исследований, проводившихся в рамках проекта Университета Висконсин в Мэдисоне по изучению современного состояния скотоводства в Центральной Азии, частично финансировавшегося Агентством по Международному Развитию США (USAID), было заметно, что многие наши информаторы проявляли фаталистическое, пассивное отношение к жизни. На вопрос почему они остаются во все время реформируемых и беднеющих кооперативных хозяйствах вместо того, чтобы завести свое собственное, они часто отвечали, что привыкли делать то, что им велит начальство, что другой жизни они не знают и самостоятельно-

ное хозяйство вести не умеют, что их семейный бюджет всегда был рассчитан на гарантированную зарплату и они не знают, как планировать его в долговременной перспективе и в условиях экономической неопределенности (Наумова 2004: 20; Наумова, Сагнаева 2006: 235 сл.; Khazanov, Shapiro 2005: 516).

Рост скотоводства и сельского хозяйства в целом возобновился в Казахстане лишь в начале 2000-х годов (World Bank 2005). В настоящее время оно достигло двух третей от уровня 1991 года (Faostat 2015). Это в основном обеспечило удовлетворение потребности страны в мясомолочных продуктах за счет местного производства, хотя иногда слышны жалобы на то, что дешевые импортные продукты сдерживают его рост. Прибыли от экспорта нефти и газа способствовали тому, что государство увеличило субсидии в сельское хозяйство и его инфраструктуру. Быстрое экономическое развитие страны и связанный с ним рост доходов населения привели к повышению цен на скотоводческую продукцию. В тоже время цены на горючее понизились.

Положительные изменения, отчасти связанные с привлечением иностранного капитала, произошли и в пищеперерабатывающей промышленности. Я был лично знаком с одним немецким предпринимателем, который успешно наладил производство молочных продуктов, в том числе йогурта, ранее не известного в Казахстане. Он рассказал мне, что для этого ему пришлось преодолеть две главных трудности: приучить производителей, в основном владельцев мелких крестьянских хозяйств, с чисто немецкой пунктуальностью доставлять молоко в строго определенное время к дороге, где его забирал специально посланный транспорт, и заручиться поддержкой местных властей. С первой трудностью он справился, потому что переставал покупать молоко у людей, не соблюдавших точное время его доставки. Вторую трудность он преодолел, когда нанял на хорошо оплачиваемые должности, фактически синекуры, людей, обладавших нужными связями.

Но многие актуальные социальные и экономические, а также экологические проблемы, все еще остаются нерешенными. В 2013 году 70% пастбищной территории в стране оставалось неиспользованным (Агробизнес-2020). В настоящее время скот находится во владении хозяйств трех типов: различного рода кооперативов, частных хозяйств, зарегистрированных как крестьянские или фермерские, и домашних хозяйств, владельцы которых (например, учителя, ветеринары, агрономы) непосредственно не вовлечены в сельскохозяйственное производство или же заняты в основном в земледелии. Хозяйства последнего типа чем-то напоминают придомные хозяйства, существовавшие во время господства колхозно-совхозной системы.

Я не буду останавливаться на кооперативных или, как их иногда называют в западной литературе корпоративных предприятиях, потому что они, как правило, не ориентированы на скотоводство и владеют менее 10% поголовья скота в стране. Большинство из них находятся в северном Казахстане и многие убыточны. Хозяйства, определяемые как крестьянские или фермерские, весьма неоднородны. Среди них выделяются богатые или зажиточные скотоводы, которых действительно можно охарактеризовать как фермеров, ведущих производство ориентированное на рынок. Многие из них в прошлом принадлежали к руководящему звену совхозов и колхозов. Далеко не все такие люди смогли использовать свои преимущества при разделе собственности для создания успешных частных хозяйств. Но некоторые смогли.

На протяжении ряда лет я регулярно посещал одного такого скотовода в Алма-атинской области и наблюдал успешный рост его хозяйства. Не жалея времени, он подро-

но рассказывал мне о своих проблемах и способах их решения. Например, получение кредита в банке подразумевало «откат» в размере 10%. Единственная тема, которую мой гостеприимный и открытый информатор избегал, была о том, как он приобрел первоначальный капитал в виде скота и другого имущества, позволивший ему основать свое процветающее хозяйство. Но однажды, когда между нами уже установились доверительные отношения, он сообщил мне, что был старшим бухгалтером в совхозе и подробно рассказал о деталях происходившей приватизации. Но есть и успешные фермеры, не принадлежавшие в прошлом к совхозно-колхозной верхушке, а просто быстро понявшие, что в изменившейся ситуации надо полагаться на собственные усилия и инициативу и сумевшие приспособиться к новым экономическим условиям.

Обычно богатые хозяйства состоят из нуклеарных или расширенных семей, включающих только близких родственников (отцов с детьми, реже родных братьев). Дальние родственные, равно как и общинные связи и связанные с ними традиционные обязательства еще существуют в социальной сфере. Но в производственной они подчас становятся обременительными для богатых скотоводов. В ходе моей полевой работы в Казахстане в конце 1990-х – первой половине 2000-х годов некоторые богатые скотоводы говорили мне, что предпочитают не использовать родственников в качестве наемных работников. Один из них объяснил мне причину этого весьма лаконичным образом, сказав: «хуже работают, больше требуют».

Вообще наемный пастушеский труд в Казахстане престижем не пользуется. Жизнь на отдаленных пастбищах, в отсутствии электричества, телекоммуникаций, семей и социальной жизни стала скучной и непривлекательной. До последнего времени молодежь предпочитала уезжать в города или устраиваться на работу в предприятиях добывающей промышленности. Поэтому в пастухи нередко нанимают кыргызов и узбеков, которым к тому же платят меньше, чем пастухам-казахам. В тоже время некоторые богатые скотоводы жаловались мне на то, что за такими пастухами нужен постоянный надзор.

Я бы пока остерегся называть такие хозяйства в полной мере капиталистическими, как это делают некоторые западные исследователи (см., напр.: *Kerven et al.* 2016: 107), потому что вопрос об их собственности на пастбища все еще окончательно не урегулирован. Но тенденция в этом направлении вполне заметна. Индивидуальные скотоводы могут теперь арендовать пастбища, находящиеся в государственной собственности, на 49 лет. Более того, их можно также приобретать в частную собственность (Земельный Кодекс Республики Казахстан 2013, статьи 43 и 47). К тому же социальный капитал, т.е. в данном случае полезные связи, позволяет богатым и влиятельным скотоводам явочным порядком утилизировать пастбища, находящиеся в государственной собственности, иногда к неудовольствию остальных скотоводов.

Мелкие крестьянские хозяйства не обладают достаточным количеством скота, чтобы вести отгонно-пастбищное скотоводство. В основном они используют пастбища, расположенные вокруг поселений (в основном в радиусе 10 км.), которые остаются в общинном пользовании. Но такие пастбища быстро деградируют из-за перевыпаса. Иногда бедные хозяйства передают своих животных на выпас богатым скотоводам за соответствующее вознаграждение. Однако по мере роста своих собственных стад эти скотоводы все чаще отказываются брать на выпас скот других семей, даже родственных (*Kerven et al.* 2016: 115). Иногда несколько семей, чаще всего родственных, объединяют свой скот в единое стадо и выпасают его поочередно. В других случаях они даже нанимают на один или несколько сезонов пастухов для

его выпаса. Беда, однако, состоит в том, что такая кооперация является вынужденной. Пять или шесть бедных семей объединяющихся для совместного выпаса скота, по-прежнему остаются бедными. К тому же, как я уже упоминал, казахи неохотно идут в наемные пастухи и их труд сравнительно дорог.

Мелкие крестьянские хозяйства испытывают также много трудностей финансового порядка. Государственные субсидии и кредиты в основном направлены на поддержку богатых скотоводов (Keven et al. 2016a: 407). Остальные скотоводы из-за недостатка наличных денег и отсутствия доступа к кредитам часто вынуждены прибегать к бартеру, что, конечно, не является характеристикой развитой рыночной экономики (Наумова 2004: 17 сл.; McGuire 2014). Пока старые традиции общинной солидарности в отношении открытого доступа к пастбищам и колодцам в основном продолжают еще соблюдаться вне зависимости от их легального статуса. Однако, несмотря на все изменения, произошедшие и все еще происходящие, в скотоводческом секторе, дальние пастбища, особенно в полупустынной и пустынной зонах, остаются недоиспользованными. Для их утилизации необходимы моторный транспорт для подвоза горючего и пищи, а в пустынной зоне – моторные насосы для качания воды из колодцев, временные жилища или юрты для пастухов и т.п. Все это требует больших финансовых расходов, которые даже богатые хозяйства, когда это возможно, стараются избегать.

По всей видимости, какое-то неопределенное время фермы капиталистического (или скорее прото-капиталистического) типа будут сосуществовать с крестьянскими хозяйствами, ведущими натуральное или полунатуральное хозяйство. Но положение последних весьма неустойчиво. Возможно, некоторые из них смогут в конечном счете создать пусть не очень большие, но крепкие фермерские хозяйства. Но другие могут разориться, потерять скот и вынуждены будут перейти к другим занятиям. До последнего времени существенным подспорьем для мелких крестьянских хозяйств были весьма щедрые по центральноазиатским стандартам пенсии, детские пособия и другие социальные услуги, предоставляемые государством. В добавок многие из них получают финансовую помощь от тех членов их семей, которые переселились в города. Но это является палкой о двух концах. Уже сейчас численность молодежного населения городов превысило сельское, а рождаемость в стране весьма невелика. Если такая тенденция будет продолжаться и в дальнейшем, то мелкие скотоводческие хозяйства будут испытывать растущий недостаток в рабочей силе.

В феврале 2012 г. правительство Казахстана приняло программу развития сельского хозяйства страны на 2013–2020 гг. (Агро-бизнес-2020). Она предполагает целый ряд мер, направленных на дальнейшее увеличение общего поголовья скота и улучшение его породистости. Интересно, что хотя излюбленным мясом самих казахов являются конина и баранина, особое внимание в программе уделяется крупному рогатому скоту с тем, чтобы Казахстан стал экспортером говядины. В числе прочего для этого предполагается создание крупных коммерческих предприятий, использующих в основном искусственные корма. Значительно меньше средств предполагается выделить на поддержку средних и мелких хозяйств. Таким образом, акцент сделан на развитие интенсивного, или как его называют в стране, промышленного оседлого животноводства. Вопрос о развитии мобильного скотоводства по-прежнему остается открытым.

Таково было положение дел до самого последнего времени. Но в настоящее время Казахстан испытывает финансовый и экономический кризис, связанный с падением мировых цен на нефть и газ и существенной девальвацией национальной валюты –

тенге. Растет социальная напряженность. Протесты против передачи в аренду части земель китайцам для развития земледелия вынудили правительство отложить этот проект до 2017 г. Последствия этих событий для скотоводства в стране в данный момент предсказать трудно.

Кыргызстан

Я не буду подробно останавливаться на современном состоянии скотоводства в Кыргызстане, стране с наиболее открытым и либеральным экономическим режимом в Центральной Азии, потому что ему посвящена обстоятельная статья А. Жапарова, опубликованная в журнале *Этнографическое Обозрение*.

Я могу лишь обратить внимание на все еще существующую неурегулированность прав собственности, пользования и аренды пастбищами. Законодательство в этом отношении уже претерпело много изменений, но все еще детально не разработано, а зачастую просто противоречиво. В настоящее время пастбища в Кыргызстане являются государственной собственностью, но переданы во владение местных общин (*аул окмоту*). В них созданы ассоциации пользователей пастбищами и специальные комитеты, в ведении которых находится их распределение. В теории они должны стать добровольными и демократическими организациями. Однако на практике рядовые скотоводы отстранены от принятия важных решений, а районные и областные администрации все еще сохраняют значительный контроль за этими организациями. Не удивительно, что рядовые скотоводы рассматривают их как еще одно государственное агентство, созданное для распределения пастбищ и сбора налогов (*Shigaeva et al.* 2016: 95–97). И действительно, правила их распределения между отдельными скотоводческими хозяйствами довольно запутаны, открывают возможности для злоупотреблений, а преимущество нередко оказывается на стороне богатых скотоводов (*Robinson et al.* 2012: 251).

Жапаров отмечает некоторую тенденцию к обособлению нуклеарных семей среди кыргызских скотоводов и переход части общесемейного скота в их частную собственность. В настоящее время родственные, особенно близкородственные связи, по-прежнему сохраняют большое значение. Но если нынешняя тенденция получит дальнейшее развитие, а частнособственнические хозяйства станут преобладающими, ослабление родственных связей, если не в социальном, то в экономическом отношении, возможно, будет продолжаться.

Узбекистан

Пастбища составляют около 50% всей территории Узбекистана (*Gilmanov* 1996). Тем не менее преобладающими формами скотоводства в стране традиционно были не кочевое, а оседлое, полuosедлое и отгонно-пастбищное. Реформы в стране начались с разукрупнения колхозных и совхозных агломератов, и создания вместо них новых кооперативных образований, *ширкатов* (ассоциаций), объединявших, как правило, население отдельных кишлаков. Одновременно их субсидирование государством, равно как и его инвестиции в инфраструктуру, резко сократились или прекратились вовсе. Правительство объявило, что *ширкаты* будут оперировать как самостоятельные кооперативы, свободные от принудительного государственного контроля и вмешательства в их дела, и что члены *ширкатов* будут самостоятельно решать свои дела, включая производственные вопросы, разделение труда, его оплату и т.п.

Практика, однако, оказалась весьма далекой от деклараций. Руководители *ширкатов* по-прежнему не выбирались, а назначались местными администрациями. Как и в советские времена, рядовые члены *ширкатов* были отстранены от принятия сколько-нибудь важных решений в их делах. Патронаж и клиентизм, равно как и коррупция – характерные черты современного узбекистанского общества на всех уровнях, стали обычным порядком дел и в сельском хозяйстве. В середине 1990-х годов, руководитель одного из *ширкатов* в Навоийской области, не имевший никакого опыта руководства сельскохозяйственными предприятиями, но зато по сведениям, полученным мною от рядовых членов ширката, племянник местного *хокима* (главы районной администрации), публично хвастался мне, что в отличие от директоров прежних совхозов и совхозов, он может уволить любого неугодного ему члена *ширката*. К тому же *ширкаты* должны были делать «добровольные» пожертвования в местные бюджеты для поддержания школ, пенсионных фондов и инфраструктуры.

Зачастую пастухи не получали зарплаты и существовали за счет овец, выделенных в их владение (Zanca 1999). Не удивительно, что такая ситуация сказалась на отгонно-пастбищном скотоводстве самым негативным образом. Возросшая стоимость транспортировки скота и деградирующая инфраструктура не поощряли утилизацию отдаленных пастбищ. Уже в первой половине 1990-х годов передвижения скота, находившегося во владении *ширкатов*, сократились с 150–500 км до 10–50 км

Экономическая несостоятельность *ширкатов* привела к новым реформам, проведенным в 1998–2003 гг. и позднее. Они узаконили существование сельских хозяйств трех типов: (1) большие кооперативные хозяйства (в основном все те же *ширкаты*); (2) семейные хозяйства, официально названные крестьянскими фермами; и (3) мелкие дехканские (крестьянские) хозяйства (Ikhamov 1998; Lerman 2008: 2 ff.; Robinson et al 2012: 263). Хочу отметить очевидный оксюморон, весьма распространенный в центрально-азиатской законодательной терминологии. Она подчас не делает различия между крестьянскими хозяйствами и фермерскими. Между тем люди, элементарно грамотные в экономике, должны знать, что крестьянские хозяйства ориентированы на самообеспечение, а фермерские – на рыночное производство и получение прибыли. Впрочем, возможно дело не в экономической неграмотности, а в том, что руководство Узбекистана и некоторых других центральноазиатских стран никак не могут решить по какому пути должно развиваться их сельское хозяйство, включая его скотоводческий сектор.

Но в сущности реформы были направлены на ликвидацию *ширкатов* как убыточных и количество их в 2000-х годах резко сократилось. Среди остающихся – около ста специализируются на разведении каракулевых овец в аридной зоне, но без регулярной сезонной смены пастбищ (Холмирзаев 2013). Большинство земель, отведенных крестьянским фермам, досталось сельским элитам, в том числе тем, кто принадлежал к руководству *ширкатов*, а до них – колхозов и совхозов. Некоторые члены районных администраций также обзавелись фермами, хотя в сельскохозяйственном производстве сами они не участвуют (Trevistani 2007: 86 ff.). По некоторым данным, из бывших работников ширкатов не более 10–15% стали фермерами (Velderwisch, Spoor 2008). Более того, начиная с 2009 г., правительство проводит политику так называемой «оптимизации». Некоторые фермеры принуждаются к передаче своей земли другим, более успешным фермерам и/или тем, кто заручился необходимым патронажем (Djanibekov 2012).

Земля, отведенная дехканским хозяйствам, была в сущности лишь несколько расширенными приусадебными участками бывших совхозников и колхозников. Ее размеры позволяют вести лишь натуральное хозяйство. По закону дехканские хозяйства имеют право владеть не более 0,35 га орошаемых земель и не более 1 га неорошаемых земель в степной зоне (*Таджибаева* 2015: 306). Социальная дифференциация в сельском хозяйстве страны приобрела новые формы: меньшинство составляют более зажиточные фермерские хозяйства, а большинство – более бедные дехканские (*Trevistani* 2009: 127 ff.; *Robinson et al.* 2012: 263–264).

Ставка была сделана на развитие коммерческих фермерских хозяйств, специализирующихся на производстве хлопка, пшеницы, и в меньшей степени других сельскохозяйственных культур. Число их начало быстро расти и уже в 2006 г. достигло 200 тыс. (*Lerman* 2008: 3), а в 2015 г., после оптимизации, – 74,2 тыс. (*Таджибаева* 2015: 304). Гораздо хуже обстоит дело с их ориентацией на рыночное производство. Фермеры арендуют землю непосредственно у государства, так как оно остается собственником всех земель в стране, и площадь земель в фермерских хозяйствах значительно больше, чем в дехканских. Но в отношении хлопка и пшеницы государство по-прежнему предписывает, какая площадь должна быть отведена фермерами под эти культуры, а также является их монопольным покупателем, по им же установленным заниженным ценам (*Robinson et al.* 2012: 263).

Хозяйства, желающие специализироваться на скотоводстве, испытывают большие трудности с арендой дополнительных земель, так как большинство пастбищ остается закрепленными за ширкатами или их наследниками, крупными сельскохозяйственными предприятиями или фермерскими хозяйствами (*Lerman, Sedik* 2009: 7). Запрещена и суб-аренда у других хозяйств, хотя она могла бы способствовать увеличению производства кормов.

Но только 9,9% фермерских хозяйств специализируются на животноводстве, а фермерские хозяйства в целом владеют всего несколькими процентами поголовья скота в стране (*Таджибаева* 2015: 308). Примечательно, что некоторые узбекистанские ученые рекомендуют сейчас определенную приватизацию пастбищ в виде закрепления их за индивидуальными фермерскими хозяйствами (*Бобокулов и др.* 2014: 9). Поскольку это не более, чем пожелание, я не буду обсуждать его достоинства и недостатки.

В настоящее время в Узбекистане имеется немногим более 100 ширкатов, специализирующихся на разведении каракулевых овец (*Таджибаева* 2015: 309). Во многих каракулеводческих хозяйствах расходы, связанные с покупкой кормов, превышают 45-50% от стоимости валовой продукции. Разведение каракулевых овец стало малопродуктивным и поэтому малоприбыльным занятием (*Бобокулов и др.* 2014: 5). Но похоже, что некоторые руководители и специалисты в стране, долго не понимали и может быть все еще не понимают, что сокращение спроса на каракуль из-за изменившейся моды и падения цен на него на мировых рынках – это долговременная тенденция. Во второй половине 1990-х годов директор одного из сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов в Самарканде меня долго убеждал, что положение дел можно легко поправить. Вот только бы международные организации согласить вложить деньги в создание мировой биржи по продаже каракуля и притом непременно в Самарканде. О личной выгоде, которую он явно предполагал извлечь из своего прожекта, он скромно умалчивал. Как бы то ни было, в 2010 г. главная правительственная организация, *Узбек-каракули*, в ведении которой находится ка-

ракуководство в стране, смогла экспортировать каракуль всего на 3,2 млн долларов, а в дальнейшем увеличить экспорт до примерно 10 млн. Даже это превозносится официальной пропагандой как большое достижение.

В целом отношение узбекистанских властей к скотоводческому сектору представляется весьма противоречивым. Правительство поощряет дехкан к увеличению количества скота в их хозяйствах, но не наделяет их твердо установленными правами на пастбищные территории. Тем не менее, как ни парадоксально это может показаться, более 90% скота находится в собственности именно мелких дехканских хозяйств. В 2014 г. удельный вес крупного рогатого скота в них составил 93,9% от его общего поголовья в стране и только 5% в фермерских хозяйствах; овец и коз соответственно – 83,8% и 7,2%; лошадей – 84,6% и 9,7%. В этом отношении мы наблюдаем продолжение старой традиции, потому что, начиная уже с 1970-х годов, придомные хозяйства колхозников и совхозников владели большим количеством скота, чем колхозы и совхозы вместе взятые (*Lerman* 2008: 3).

Однако земля, отведенная дехканским хозяйствам, ограничивается приусадебными участками, лишь несколько увеличенными в постсоветский период, и только иногда также небольшими дополнительными участками на окраине кишлаков. Дехкане выпасают скот в основном на полях, с которых уже собран урожай, вдоль дорог и вблизи водных источников. Изредка они также используют пастбища все еще остающихся *ширкатов* на основе неформальной договоренности или даже без нее (*Robinson et al.* 2012: 264). Но для того, чтобы получить мало-мальски сносные условия для выпаса скота, они должны давать взятки руководителям ширкатов. Не удивительно, что в настоящее время нагрузка на пастбища, расположенные вблизи поселений, превысила допустимые нормативы более чем в три раза. По всем этим причинам основное внимание дехкане уделяют разведению крупного рогатого скота. Его количество в стране увеличилось с 4 млн голов в 1990 г., до 7 млн в 2006 г. и до 11,0 млн голов в 2014 г. В то же время поголовье овец и коз увеличилось с 10,1 млн в 1999 г. до 18,4 млн голов в 2014 г. (*Rewiev.uz*.18.03.2015. URL: <http://www.review.uz/index.php/novosti-main/item/1880-myaso-molochnomu-rynku-uzbekistana-obespechen-stabilnyj-rost>).

Скот стал одним из важных источников жизнеобеспечения дехканских семей. Тем не менее количество его в их хозяйствах обычно очень невелико, в среднем всего лишь несколько коров на семью. Одна из причин этого – недостаток искусственных кормов и естественных пастбищ. Большая часть дехканских хозяйств фактически ведет натуральное хозяйство. В 2007–2008 гг. (более поздних данных я, к сожалению, не имею) две трети этих хозяйств потребляли свою животноводческую продукцию только внутри семьи (*Lerman* 2008: 22 ff.). Значительная часть бюджета дехканских хозяйств нередко состоит из заработка тех членов их семей, которые работают как наемные работники в фермерских хозяйствах (*Robinson et al.* 2012: 263), а также в городах, или как гастарбайтеры за пределами Узбекистана. Качество скота в дехканских хозяйствах также оставляет желать лучшего. В Израиле годовой надой молока с коровы в среднем равняется 11,000 кг, в США – 8,000 кг, а в Узбекистане – всего 1,500 кг. Помимо недостатка кормов, одна из причин этого связана с редко применяемыми в настоящее время селекцией и искусственным осеменением (*Lerman* 2008: 13 ff.).

Можно констатировать, что отгонно-пастбищное скотоводство в Узбекистане в настоящее время переживает упадок. В 2012 году из имеющихся 20,75 млн гектаров пастбищных угодий 7,25 млн оставались неиспользованными. Тем временем мно-

гие пастбища деградируют, хотя производство искусственных кормов, особенно на обводненных полях, стоит в центральноазиатских странах больше, чем выпас скота на естественных пастбищах (*Kerven et al.* 1996: 4). Основной формой стало оседлое животноводство, в котором количеству скота уделяется больше внимание, чем его качеству. Помимо производственной сферы узбекские скотоводы испытывают и много других трудностей, связанных с реализацией их продукции: транспортировкой скота на рынки, фактическим отсутствием кредита, искусственно заниженными ценами на мясо, молоко и шерсть и т.п.

Тем не менее, если верить официальной статистике, в стране наблюдается стабильный рост поголовья скота. Правительственные источники Узбекистана объясняют подлинные или мнимые достижения в животноводческом секторе в чисто советском стиле: как результат «государственной поддержки животноводческого сектора» и «широкими возможностями, созданными для развития личных подсобных, дехканских и фермерских хозяйств» (НИА Туркистон-пресс. URL: <http://turkistonpress.uz/article/16726>). Должен признаться, что такое объяснение вызывает у меня много сомнений.

Туркменистан

К сожалению, я не обладаю достаточной информацией о современном состоянии скотоводства в Туркменистане – наиболее закрытой стране в Центральной Азии. Некоторые исследователи уже выражали сомнение в достоверности официальной статистики (*Lerman, Brooks* 2001: VII, 1; *Glukhikh et al.* 2005: 4; *Robinson et al.* 2012: 260; *Turkmenistan* 2012: 17, 28). К тому же она подчас далеко не полна. Насколько мне известно, после начала 2000-х годов зарубежные ученые не проводили в стране никаких серьезных полевых исследований сельского хозяйства. Поэтому мой обзор является весьма неполным.

Государство остается собственником обрабатываемой земли и пастбищ в стране и по своему усмотрению может менять условия их использованием. Аграрные реформы в Туркменистане начались в середине 1990-х годов, когда колхозы и совхозы были преобразованы в крестьянские ассоциации (*дайхан бирлишик*). Их территории в основном совпадают с территориями бывших совхозов и колхозов и нередко включают пастбища в пустынной зоне (*Lunch* 2003: 171 ff.). Это естественно, потому что почти 80% территории Туркменистана состоит из пустынных пастбищ (*Lerman, Brooks* 2001: 1).

Обрабатываемые земли были распределены между индивидуальными семьями на правах долгосрочной аренды. Разумеется, как и в других центральноазиатских странах, администраторы и менеджеры получили лучшие земли и другие преимущества (*Glukhikh et al.* 2006: 3 ff.). Правительство предписывает арендаторам какие именно сельскохозяйственные культуры они должны выращивать (в основном хлопков и пшеницу), а также количественные производственные задания, и оно же закупает львиную долю урожая по заниженным ценам. На открытом рынке крестьянские семьи могут продавать лишь остатки урожая других сельскохозяйственных культур, а также то, что они выращивают на приусадебных участках (*Lerman, Brooks* 2001; *Lerman, Stanchin* 2003; *Behnke et al.* 2016: 105–106).

По данным на начало 2000-х годов государство являлось собственником примерно половины поголовья мелкого и крупного рогатого скота (*Lerman, Brooks* 2001:

30). Его содержание является обязанностью крестьянских ассоциаций. Кроме того, создана специальная государственная организация – *Туркмен маллары* (Turkmenistan 2012: 109-110), занимающаяся вопросами животноводства. В этом отношении Туркменистан отличается от других центральноазиатских стран, где скот давно уже приватизирован.

В крестьянских ассоциациях государственный скот распределяется между индивидуальными семьями, ответственными за уход за ним и его выпас. Нередко они не получают за это никакой оплаты в денежном выражении, обязаны возмещать государству ущерб, понесенный за гибель или пропажу животных, и выполнять планы по росту поголовья скота (*Behnke et al* 2005: 147, 151, 162). Поскольку семьи, занятые выпасом скота, не получили землю для выращивания кормовых культур, большую часть их они должны приобретать на открытом рынке (*Robinson et al.* 2012: 261 ff.). Только при выполнении всех этих условий пастухи могут оставлять себе часть приплода. Вдобавок они имеют право выпастить семейный скот, находящийся в их частой собственности, совместно с государственным (*Behnke et al.* 2016: 106). Не удивительно, что продуктивность скотоводства весьма низка.

Создается впечатление, что в экономическом отношении само существование крестьянских ассоциаций в их нынешней форме мало оправдано. Их главная фикция – выполнение правительственных указаний и поддержание инфраструктуры, а также предоставление некоторых услуг. Даже в сбыте скотоводческой продукции права туркменских скотоводов ограничены, потому что часть ее они должны передавать *Туркмен маллары*, в числе прочего занимающейся продажей скота.

Мобильность туркменских скотоводов в настоящее время ниже, чем она была в советский период. Производство искусственных кормов тоже сократилось. Высокая стоимость доставки воды автотранспортом также ограничивает мобильность скотоводов (*Robinson et al.* 2012: 261–262). Тем не менее, согласно официальной статистике количество скота в стране не сократилось; наоборот, наблюдается его неуклонный рост. Так, в 1992 г. в ней было 6,265 млн голов мелкого рогатого скота и 1,004 млн голов крупного; в 1998 г. соответственно – 6,386 и 1,438 млн голов (*Lerman, Brooks*, 2001: 6, tabl. 1,3), а в 2013 году – уже 16,500 млн и 2,270 млн (более подробно см. здесь: en.actualix.com/Turkestan/trkm/statistics). Если эта статистика верна, то рост поголовья скота, скорее всего, происходит в частном секторе (*Lerman* 2008a: 404; Turkmenistan 2012: 24). Но количество животных в индивидуальных, придомных и оседлых хозяйствах невелико. В тех крестьянских ассоциациях, которые практикуют ирригационное земледелие, многие семьи предпочитают арендовать землю, а не скот. Они лишь держат пару коров и десяток овец на своих придомных участках (*Lerman, Brooks* 2001: 56). Иногда для выпаса частного скота нанимаются профессиональные чабаны. (*Lunch* 2003: 182 ff.; *Robinson et al.* 2012: 262).

Имеющиеся в моем распоряжении данные явно недостаточны для более или менее полного представления об экономическом расслоении среди туркменских скотоводов. Некоторые исследователи отмечают, что доход скотоводов иногда выше, чем доходы тех, кто вовлечены в земледелие (*Robinson et al.* 2012: 262, п.45). Но едва ли эти различия, возможно локальные и непостоянные, приводят к серьезной стратификации. Некоторые данные свидетельствуют о том, что труд пастухов остается малопривлекательным и лишь сравнительно небольшое количество семейных хозяйств арендует скот. В целом представляется, что государственная собственность на землю и значи-

тельную часть скота и бюрократическая система контроля за сельским хозяйством, равно как и регуляция ценообразования, не являются оптимальными в экономическом отношении. Но они адекватно соответствуют политическому строю Туркменистана.

Таджикистан

И наконец, немного о Таджикистане, самой бедной стране Центральной Азии. Несмотря на то, что пастбища занимают 75% ее территории, животноводство и скотоводство всегда играли значительно меньшую роль в ее сельском хозяйстве, чем в других центральноазиатских странах. Исключение составляет только Горно-Бадахшанская автономная область, в которой площадь, занятая сельскохозяйственными культурами, составляет лишь 0,4% от общей площади области, всего 240 км² (*Kerven et al.* 2011: 9; *Breu, Hurni* 2003). Земля в стране остается в собственности государства, которое передает ее на правах краткосрочной, долгосрочной и даже наследственной аренды придомным хозяйствам и так называемым дехканским фермам. Часть из них являются не индивидуальными фермами, а осколками совхозов и колхозов. Одним из недостатков этого законодательства является то, что оно не делает различия между обрабатываемой землей и пастбищами (*Lerman, Sedik* 2009:14).

В период между 1991 и 2009 гг. утилизация пастбищ в Таджикистане уменьшилась на 12%, с 3,4 млн до 3 млн гектаров, и 85% из них находятся на разных стадиях деградации. В настоящее время в стране доминирует придомное животноводство, но его доля в общей сельскохозяйственной продукции составляет менее 30%. В конце 2000-х годов в Таджикистане было всего немногим более 1 млн крупного рогатого скота и около 3 млн овец и коз (*Lerman* 2011: 3). Около 90% скота находится во владении мелких индивидуальных хозяйств, но каждое из них владеет всего несколькими животными (*Agriculture in Tajikistan* 2010). Семейные хозяйства, владеющие более чем 50 голов мелкого рогатого скота и 10 голов крупного, весьма редки (*Robinson et al.* 2008: 184). Средний годовой надой с коровы является самым низким в СНГ и составляет всего 800 кг. Это не удивительно, потому что площадь, занятая под выращиванием кормовых культур, после 1990 г. сократилась примерно вдвое, а объем произведенных кормов сократился еще больше (*Lerman* 2011: 34).

Даже в ГБАО в 2008 г. (более поздних данных я не имею) количество скота в индивидуальных хозяйствах редко превышало девять голов мелкого рогатого скота и двух голов крупного (*MSDSP* 2009). Ясно, что при таком положении дел коммерческое производство невозможно. Впрочем, природные условия в этой области – небольшая площадь пастбищ и их фрагментированный характер, также препятствуют развитию коммерческого скотоводства. Скот содержат только для семейного потребления.

В условиях быстро растущего населения в Таджикистане наблюдается не только недостаток земель, пригодных для земледелия (всего около 0,1 га на душу населения), но и пастбищ (*Halimova* 2012). Многие весенние и осенние пастбища используются теперь для земледелия (*Strong, Squires* 2012). Даже владельцы небольшого количества скота испытывают большие трудности с его выпасом. Политика правительства, направленная на производство максимального количества хлопка и пшеницы, препятствует, а иногда и просто запрещает расширение площадей, отведенных под кормовые культуры. Часто жители одного поселения объединяют свой скот в единое стадо и выпасают его поочередно вдоль дорог и каналов, где растет трава, на

стерне после снятого урожая и в лучшем случае на близлежащих пастбищах. (*Lerner* 2011: 33–35). Однако такие пастбища подвержены деградации из-за перевыпаса.

В тоже время в Горно-Бадахшанской автономной области альпийские луга остаются пока недоиспользованными. Такое положение дел в какой-то мере объясняется тем, что владельцы сравнительно больших стад стремятся явочным порядком приватизировать дальние пастбища, по принципу «первый пришел, первый захватил». В принципе они получили эти пастбища в аренду от ассоциации дехканских ферм, но на практике рассматривают их как свою собственность (*Vanselov et al.* 2012: 81 ff.). Они даже взимают плату за выпас скота на этих пастбищах с жителей поселений, расположенных в нижней части долин (*Robinson et al.* 2008: 185). Другой причиной недоиспользования альпийских пастбищ является высокая стоимость транспортировки и плохое качество дорог. Все это является дополнительным обстоятельством, обрекающим мелких скотоводов на утилизацию лишь ближних пастбищ. (*Robinson et al.* 2010: 6 ff.). Некоторые бедные хозяйства вообще не имеют скота и их члены вынуждены иногда наниматься в пастухи (*Vanselov et al.* 2012: 84).

Выводы

Несмотря на многие существенные различия, в современном состоянии скотоводства в странах Центральной Азии имеется и ряд сходных черт.

1. Законодательство в отношении собственности, владения и пользования пастбищами все еще остается несовершенным и подверженным частым изменениям. Такая неопределенность создает дополнительные трудности для скотоводов. Я сознательно употребляю слово «неопределенность», а не «риск», всегда присущий ведению скотоводческого и любого другого сельского хозяйства в капиталистических странах. Риск связан с погодными условиями, колебанием цен и другими мало предсказуемыми факторами. Но частной собственности на землю, пастбища и скот или их аренды он не касается. Они четко определены законом. Неопределенность же существует тогда, когда права на землю и пастбища несовершенны и правительство может произвольно изменить их в любой момент.

2. Скотоводство в целом стало менее мобильным, чем в позднесоветский период. Дальние пастбища остаются недоиспользованными, в то время как ближние подвержены деградации из-за перевыпаса.

3. Постсоветский период отмечен экономическим расслоением среди скотоводов/животноводов. Это было изначально заложено в характере проводившихся реформ. Стартовые условия были отнюдь не для всех равными. Патронажная система, распространенная во всех центральноазиатских странах, также способствовала тому, что отдельные скотоводы оказывались в более привилегированном положении по сравнению с теми, кто не обладали полезными связями. Интересно, что социальные обязательства, налагаемые традиционными представлениями о родстве, подчас становятся бременем для богатых скотоводов. В ряде случаев наблюдается также ослабление общинных (локальных) связей и растущие противоречия между их членами, связанные с их различными экономическими интересами и претензиями.

4. В странах, наиболее продвинутых к рыночной экономике, социальная и экономическая дифференциация среди скотоводов во многом приобретает новые формы. В Кыргызстане и, особенно, в Казахстане появляется прослойка богатых скотово-

дов, хозяйства которых ориентированы на рыночное производство. Их ведение делает возможным и даже необходимым использование наемного труда. С чисто экономической точки зрения такие хозяйства представляются наиболее перспективными.

5. В то же время во всех странах центральноазиатского региона большинство скотоводов ведет мелкое натуральное или полунатуральное хозяйство (subsistence economy). В отличие от официальной терминологии, принятой в некоторых странах, их правильно называть не фермерскими, а именно крестьянскими, потому что они лишь в весьма ограниченной мере вовлечены в рыночное производство, если вовлечены в него вообще. Бартер подчас играет более важную роль в их бюджете, чем монетарные трансакции. Однако некоторые исследователи объясняют стабильный рост скота в Узбекистане и Туркменистане именно тем, что индивидуальные крестьянские хозяйства, обремененные контрактными обязательствами по производству хлопка и пшеницы, стремятся держать скот, чтобы как-то поддерживать семейные бюджеты (*Lerner 2008a: 404 ff.*).

6. Подавляющее большинство скота в Центральной Азии стало частной собственностью индивидуальных хозяйств. Именно это обстоятельство даже в таких странах, как Узбекистан и Туркменистан, обеспечило рост его поголовья. В данном случае мы имеем дело с еще одним подтверждением преимуществ частной собственности, если такие преимущества вообще еще нуждаются в доказательствах. Однако подобный рост скота долгое время продолжаться не может. Недостаток и истощение ближних пастбищ ставит ему определенный предел. К тому же в данном случае мы имеем дело не с мобильным скотоводством, а с придомным животноводством. Более того, в то время как поголовье скота растет, его продуктивность (молоко, мясо, шерсть) остается очень низкой.

7. Негативные последствия приватизации и других реформ в сельском хозяйстве остаются несбалансированными, потому что система социального обеспечения в центральноазиатских странах в лучшем случае существует лишь в очень неразвитой форме. Довольно значительное количество хозяйств в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане обеднело настолько, что они не могут обеспечить даже свое собственное потребление за счет имеющихся в их собственности небольшого количества животных. Тем не менее работа в качестве наемных пастухов остается для них крайне непривлекательной. Полностью объяснить причины этого я не берусь, потому что не располагаю достаточно полными данными об условиях найма и оплаты их труда в разных странах. К тому же спрос на пастухов является весьма ограниченным.

Какая судьба ожидает бедные скотоводческие хозяйства в будущем? На этот вопрос в настоящее время невозможно дать однозначного ответа, тем более, что ситуация в индивидуальных центральноазиатских странах различна. Многое зависит не только от их собственных возможностей приспособиться к рыночным отношениям, но и от общей экономической и политической ситуации в соответствующих странах. Так, правительства Туркменистана и Узбекистана продолжают пока контролировать все основные параметры сельского хозяйства и о серьезном спонтанном развитии в этих странах сейчас писать не приходится.

Все же представляется весьма вероятным, что отток избыточной рабочей силы в города будет продолжаться, а в таких странах, как Казахстан и Кыргызстан, многие мелкие хозяйства разорятся, если рыночные реформы будут продолжаться еще более последовательно. Переход к хозяйствам капиталистического, фермерского типа

одновременно связан с переходом от трудоемкого, но ориентированного лишь на непосредственное жизнеобеспечение производства, к такому, в котором занято гораздо меньшее количество людей, но зато выше производительность труда и соответственно выше доходы. Такая ситуация чревата многими социальными проблемами, к решению которых центральноазиатские правительства в настоящее время явно не готовы ни экономически, ни политически. Они пока не могут создать достаточное количество рабочих мест вне сельскохозяйственного сектора. Во многих странах проблема усугубляется высокой рождаемостью и соответствующим быстрым ростом населения, особенно в сельской местности.

Даже сейчас мелкие скотоводческие хозяйства зачастую способны сводить концы с концами лишь на минимальном жизненном уровне и нередко только за счет заработков тех их членов, которые заняты вне сферы семейного производства и, как правило, вне аграрного сектора вообще. Такая ситуация весьма характерна для многих стран Третьего мира. В западной экономической литературе она получила название «проклятие малых размеров» (the curse of smallness). Имеется много оснований полагать, что и в Центральной Азии подобные хозяйства в скотоводческом секторе будут становиться все более и более бесперспективными.

Некоторые исследователи предлагают объединение мелких скотоводческих хозяйств в Центральной Азии в производственные кооперативы, которые будут совместно выпасать скот и станут способными утилизировать дальние пастбища (Mirzabaev et al. 2016: 104). Подобные кооперативы уже существовали в различных центральноазиатских странах в начальный период реформ, когда прежние колхозы и совхозы были разукрупнены и реорганизованы. Они все еще существуют в некоторых странах. Но большинство из них оказались нежизнеспособными. Сельскохозяйственная кооперация является довольно распространенной и в ряде развитых капиталистических странах. Однако она оперирует не в производственной сфере, а в основном в сфере снабжения, сбыта, сервиса, кредита и иногда также в переработке сельскохозяйственной продукции и совместном владении дорогим техническим оборудованием (Lerman 2004: 471 ff.; Lerman 2013). В США такие кооперативы берут на себя 30% маркетинга и 28% функций, связанных с приобретением необходимого технического оборудования. В Нидерландах, Дании и Швеции они вовлечены в сбыт 70–80% продукции индивидуальных ферм (Cobia 1989; Van Berhum, Van Dijk 1997). Но следует подчеркнуть, что все они являются кооперативами частных производителей, а не производственными кооперативами, которыми официально считались советские колхозы. Производственные кооперативы составляют менее пяти процентов всех сельскохозяйственных кооперативов в мире (Lerman. Sedik 2014: 4).

Кажется, что из всех центральноазиатских стран только в Казахстане предпринимаются попытки создания обслуживающих и потребительских кооперативов. Правительство признало их некоммерческими организациями и даже оказывает им некоторую финансовую поддержку. Однако казахстанские специалисты отмечают, что сельское население относится к ним недоверчиво и большинство не желает в них вступать (Акимбекова 2010: 161–162).

Хотя сама идея кооперативов в странах бывшего Советского Союза порядком скомпрометирована, в принципе центральноазиатские скотоводы могут выиграть от кооперации, существующей в развитых капиталистических странах. Но для того, чтобы она стала успешной, нужно соответствующее четкое и недвусмысленное законо-

дательство. Нужно также, чтобы инициатива проявлялась снизу, а не сверху, а сами кооперативы должны создаваться на строго добровольной основе и быть избавлены от контроля со стороны государства и его диктата. Нужна также разумная политика в сфере налогообложения. В западных странах основные налоги платят не кооперативы, а индивидуальные фермеры, в то время как кооперативы избавлены от налогов на добавочную стоимость и прибыль. Удастся ли создание подобных кооперативов в Центральной Азии, покажет только будущее. Однако в настоящее время нет достаточных оснований для оптимизма.

Бурятия и Тува

Этим регионам посвящена статья Н.Н. Крадина, наблюдения и заключения которой в основном совпадают с очень информативной коллективной монографией, опубликованной бурятскими учеными (*Скрынникова* 2009). Представляется, что ситуация со скотоводством в Бурятии скорее напоминает положение сложившееся в некоторых центральноазиатских странах, чем в Монголии, которой посвящен следующий раздел моей статьи. Среди таких сходных черт исследователи отмечают сохранение неэффективных коллективных или кооперативных хозяйств разного типа, в которые мутировали колхозы советской эпохи, сокращение утилизируемой пастбищной территории, небольшое количество состоятельных скотоводов и масса обедневших, непривлекательность пастушеского труда, дисбаланс цен и запущенную инфраструктуру.

И в Туве и в Бурятии большая часть скота находится сейчас в частной собственности. Но оказалось, что капитализму тоже надо учиться. Частной собственностью, особенно не заработанной, а упавшей с неба, надо уметь разумно распоряжаться. В Бурятии большинство скотоводов, получивших скот во время приватизации, предпочли променять его на машины, бытовую технику и пр. (*Скрынникова* 2009: 168). Более того, выяснилось, что многие навыки, необходимые для ведения мобильного скотоводства, оказались утраченными.

В Бурятии наблюдается сокращение фермерских хозяйств, так как их владельцы не имеют достаточных средств для ведения товарного производства. Большинство скотоводов фактически ведут натуральное хозяйство. Еще одно негативное обстоятельство связано с массовым оттоком сельского населения в города, причем не только избыточного, но и тех, кто составляет основную рабочую силу, необходимую для ведения мобильного скотоводства.

Административная реформа, приведшая к поглощению бурятских национальных округов Иркутской и Читинской областями, также сказалось негативным образом на бурятском скотоводстве. Областные руководства стали уделять ему еще меньше внимания и поддержки, чем прежние.

Монголия

Этой стране посвящена информативная статья Й. Янсона, одного из ведущих западных ученых, среди тех, кто занимается современным состоянием скотоводства в Монголии. Реформы были проведены в ней быстро и решительно, притом в самых неблагоприятных экономических условиях. Это было в полной мере шоковой тера-

пией. После приватизации скота, либерализации цен и административной децентрализации монгольские скотоводы были в основном предоставлены сами себе. Прямые и косвенные государственные субсидии, инвестиции в инфраструктуру, маркетинг, механизацию, поддержание сети колодцев, ветеринарной службы, производство кормов и т. п. фактически прекратились. Резко сократилось финансирование медицинского обеспечения и образования. В то же время некоторые скотоводы должны были выделить часть своего скота родственникам, потерявшим работу в городах. Все это привело к резкому падению жизненного уровня в первой половине 1990-х годов. Зато как и в ряде других стран, многие члены коммунистической номенклатуры успешно реинкарнировались в плутократию (*Munkh-Erdine* 2012: 65). И конечно расцвели коррупция, взяточничество и nepотизм.

Некоторые западные исследователи склонны несколько идеализировать *нэгдэл*, коллективные хозяйства социалистического периода (см, напр.: *Griffin* 1995; *Sneath* 2006; *Bruun* 2006: 165 ff.; *Bruun* 2006a, Ch.1). Тем самым они вольно или невольно продолжают давнюю традицию, идущую от Оуэна Леттимора большого ученого, но, увы, и большого поклонника сталинизма, который подчас не гнушался даже прямых фальсификаций (*Lattimore* 1962; ср. *Bawden* 1968). Соответственно, они критически относятся к проведенным реформам. Я не думаю, что мне надо подробно останавливаться на недостатке монгольских, как и любых других социалистических коллективных хозяйств. Достаточно упомянуть их командную организацию, бюрократический контроль, низкую производительность труда, узкую специализацию, связанную с раздельным выпасом различных видов скота, стремление разрушить родственные и даже семейные связи в производственной сфере и многое другое. Зато каждая производственная бригада в них имела профессионального пропагандиста (*Bruun* 2006: 167).

Мне сейчас важно подчеркнуть другое. Упомянутые исследователи не всегда принимают во внимание то обстоятельство, что у монгольского правительства просто не было иного выхода. Реформы были проведены в условиях жестокого экономического кризиса, когда советские субсидии, составлявшие не менее 30% национального бюджета, прекратились, а монгольский экспорт в Россию и страны Восточной Европы резко сократился. Помощь пришла со стороны таких международных организаций, как Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд и Азиатский Банк Развития. Но они и диктовали соответствующую экономическую политику. Как гласит пословица, кто платит, тот и песню заказывает.

И тем не менее мобильное скотоводство выжило и в какой-то мере смогло приспособиться к новым рыночным условиям. Несмотря на существенное сокращение сельского населения в 2000-х годах, несмотря на стихийные бедствия конца 1990-х – начала 2000-х годов и снова зимой 2009–2010 гг., возможно связанных с негативными климатическими изменениями (*Dangal et al.* 2016), общее поголовье скота в стране, при всех его годовых колебаниях, существенно выросло. Если в течение полувека, с 1941 по 1991 год, оно держалось на уровне 25–27 млн голов, то к 1999 г. поднялось до 33,6 млн, а затем, после резкого падения (23,9 млн), из-за стихийных бедствий, до 44 млн к 2009 г., и после нового срыва в том же году (32,7 млн) – до рекордных 56 млн в 2015 г. (*Erdenesan* 2016: 23). Даже при последнем массовом падеже скота его численность оставалась более высокой, чем в лучшие социалистические годы. Это служит еще одним подтверждением преимуществ частной собственности на

скот, ведущей к росту производительности труда и продуктивности самого скотоводства. Но с другой стороны, общее поголовье скота в стране, по-видимому, уже достигло своего рационального предела или даже превысило его и дальнейший нерегулируемый рост приведет к еще большей деградации пастбищ.

Но есть и другая сторона медали. Реформы привели к возникновению многих новых и трудных проблем. Для монгольского правительства скотоводческий сектор экономики стал маргинальным. Основное внимание уделялось добывающей промышленности, сулившей быструю прибыль. Как и следовало ожидать, социальная структура монгольского скотоводства претерпела много изменений. Одни скотоводы выиграли от происходивших перемен, другие – проиграли. На одном полюсе мы имеем сейчас небольшую группу богатых скотоводов, наиболее приспособившихся к рыночной экономике. Но в 2012 г. доля крупнейших и крупных хозяйств составляла всего 1,7% среди всех остальных (NSO 2012: 223). Они устанавливают хорошие связи с местными администрациями, а иногда их члены даже сами становятся депутатами местных советов, они вкладывают часть прибыли в другие сектора национальной экономики и используют в своем хозяйствах наемный труд. Интересно, что, как и в Казахстане, богатые скотоводы избегают нанимать родственников, объясняя это тем, что они ленивы и требуют подарков (Murphy 2015: 1–11, 18). Наряду с чисто контрактными отношениями практикуется и передача части скота на выпас за часть приплода в качестве платы натурой. Помимо экономической, такая система приносит богатым скотоводам и социальную выгоду, устанавливая иерархические отношения между патронами и клиентами.

На другом полюсе сейчас имеется очень значительное количество бедных скотоводов (66,8% по статистике на 2012 г. – см.: NSO 2012: 223). Они не имеют возможностей для соблюдения регулярного цикла сезонных миграций и в основном ведут полунатуральное или натуральное хозяйство. Бедные скотоводы нередко разоряются и нанимаются на работу в богатых хозяйствах или же просто мигрируют в города. С чисто экономической точки зрения ничего страшного в этом быть не должно, потому что в Монголии, как и в странах Центральной Азии, в позднесоциалистический период существовало избыточное сельское население. Но возможности его занятости в других сферах экономики, особенно в настоящее время, когда экономический рост в Монголии существенно замедлился, остается актуальной и пока еще нерешенной проблемой. Даже монгольское руководство признает, что около 30% населения страны живет в бедности (Migeddorj 2012: 55).

Хозяйства, владеющие стадом от 500 до 2000 голов, монгольская статистика относит к категории средних. На их долю приходилось в 2012 г. чуть менее трети всех скотоводческих хозяйств. Но по сравнению с 2009 г. именно эта категория скотоводов показывала небольшую тенденцию к росту, с 30,4% до 32,6% (см.: NSO 2012: 223). К сожалению, я не располагаю достаточными данными о том, насколько скотоводческие хозяйства среднего размера вовлечены в рыночное производство. Но в принципе они в известной мере могли бы служить стабилизирующим фактором.

Другой серьезной проблемой остается вопрос о пользовании пастбищами. В принципе пастбища остаются государственной собственностью. Но старые законы, регулирующие доступ к ним, на практике перестали соблюдаться, а новое законодательство полностью еще не разработано и иногда весьма двусмысленно. Такая ситуация привела к нескольким негативным последствиям. Распространена практика

самозахвата. Богатые скотоводы используют свои связи в местных администрациях для монопольной утилизации лучших пастбищ даже за пределами отведенных им территорий. Нередко это приводит к конфликтам между различными скотоводческими хозяйствами (Murphy 2012; Murphy 2014). Неопределенность ситуации иногда приводит также к перевыпасу и деградации пастбищ (Himmelsbach 2012: 165).

Монгольские скотоводы предпочитают полагаться на неформальные, дружеские и особенно родственные связи, избегая каких-либо формальных организаций (Murphy 2012: 73). Негативный социалистический опыт и новая социально-экономическая дифференциация не способствуют кооперации. Бедные скотоводы зачастую исключены из возникающих неформальных групп (Tubach, Finke 2013:127 ff.). В стране работают много международных и западных неправительственных организаций, предлагающих различные проекты кооперации монгольских скотоводов, в основном для совместной утилизации пастбищ. Но особых успехов их усилия пока не достигли. Иногда богатые скотоводы выступают против любых форм кооперации с более бедными хозяйствами, иногда, напротив, бедные скотоводы не желают кооперироваться с богатыми для совместного использования пастбищ из-за большого количества их скота. Нередко скотоводы соглашались вступать в создающиеся иностранными донорами кооперативные группы ради выгод от их финансовой поддержки. Но как только эта поддержка прекращается, подобные группы распадаются (Batsaikhan et al. 2010).

Имеются и другие проблемы, затрудняющие интеграцию мобильного скотоводства в рыночную экономику, в частности, неразвитость инфраструктуры, маркетинга и пищеобрабатывающей промышленности. Не случайно, максимальное количество крупных хозяйств с поголовьем 1000 и более голов скота концентрируется в окружающем столицу Центральном аймаке (Erdenesan 2016: 25). Скотоводческие хозяйства, расположенные вблизи Улаан-Баатара (Улан Батора) и других городов, имеют возможность продавать свой скот весной, когда цены на него наиболее высоки, и закупать корма для поддержания его в зимнее время. Но скотоводческие хозяйства, расположенные вдали от городов, оказались в этом отношении в невыгодном положении. Поэтому в своих перекочевках они вынуждены учитывать близость к дорогам и поселениям городского типа, где они могут сбывать свою продукцию. Это, в свою очередь, нередко также ведет к перевыпасу и деградации соответствующих пастбищ.

В то же время монгольские скотоводы в полной мере испытали на себе риск, связанный с рыночно ориентированной экономики. Высокий спрос на кашемир на мировых рынках, привел к тому, что они резко увеличили количество коз в составе своих стад. В 1990 г. в Монголии было 5 млн коз, в 2009 г. – 19,7 млн (Гурова 2011: 159), а в 2015 – 23,6 млн, что составило 42% всего поголовья скота в стране (Erdenesan 2016: 23). Монголия стала вторым после Китая производителем кашемира в мире; на ее долю приходилось 28% мирового производства (www.EurasiaNet.org – Mongolia, June 6, 2012). Но затем цены на кашемир на мировых рынках рухнули со всеми вытекавшими из этого негативными последствиями для монгольских производителей. (Marin 2008: 84–86). Дело не только в том, что они лишились важного источника доходов. Чрезмерное увеличение коз в составе стада приводит к деградации многих пастбищ.

Развитие добывающей промышленности, на которую сделало ставку монгольское правительство в экономическом развитии страны, также сказалось на скотоводах неоднозначным образом. Для некоторых она обеспечила полную или частичную

занятость, правда в основном на неквалифицированных работах, и увеличила спрос на скотоводческую продукцию. Однако окружающая среда оказалась загрязненной, а многие пастбища попросту разрушенными. Кроме того, многие скотоводы не получили должной компенсации за пастбища, утерянные в результате подобного экономического развития.

Оценка реформ, произошедших в монгольском скотоводстве, как и в целом в стране, избравшей неолиберальную модель развития, дело нелегкое. Тут дело в принципиальной позиции отдельных исследователей. Автор этой статьи является убежденным сторонником капиталистической экономики просто потому, что все остальные оказались несостоятельными и только капитализм демонстрирует свою совместимость с либеральной демократией и гражданским обществом, а в развитых странах – также с очень существенным социальным обеспечением. То, что Монголия стала и пока остается демократической страной и это подтвердили выборы в Хурал летом 2016 г., вселяет определенный оптимизм. Другое дело, что переход от социализма к капитализму нелегко и далеко не все оказываются от него в выигрыше, особенно в переходный период.

Можно ли было в монгольских условиях, существовавших в начале 1990-х годов, как-то амортизировать те стороны реформ и их последствий, которые оказались негативными для многих монгольских скотоводов, я не знаю. История не имеет солагательного наклона. Для меня сейчас важнее подчеркнуть другое. Несмотря на много нерешенных проблем и трудностей, пример Монголии доказывает, что мобильное скотоводство вполне совместимо с капиталистической экономикой. Даже исследователи, критически относящиеся к темпу проведенных реформ, отмечают, что многие скотоводы в целом относятся к ним положительно, потому что скот снова стал их частной собственностью и они получили возможность работать на себя и самим решать свою судьбу (Marin 2008: 87; см. также Sabloff 2010). Более того, имеются возможности для определенной интенсификации монгольского скотоводства.

Однако капиталистический рынок – не базар. Для его успешного функционирования нужны многие условия: недвусмысленные и охраняемые законом права собственности и аренды любых ресурсов, в том числе и пастбищных, меры, направленные на предотвращение дальнейшей деградации пастбищ и их реабилитацию, рациональное регулирование общего поголовья скота в стране, развитый маркетинг, доступные кредит и страхование, развитая инфраструктура, приведение в порядок и надлежащее поддержание колодцев и многое другое. В этом отношении Монголии предстоит еще долгий и нелегкий путь. И все же представляется, что трудное, но положительное начало уже положено. Поэтому я закончу этот раздел выводом западного исследователя, сделанным на основании ее полевой работы в стране: «Монгольский пример напоминает нам, что есть люди, которые недавно выбрали свободу, предпочтя ее отсутствию (экономического) риска, и что в целом они счастливы сделанным выбором» (Sabloff 2012: 81).

Оленеводство на Севере Российской Федерации

Прежде чем перейти к сути дела, я по просьбе редакции хочу объяснить, почему я и многие другие ученые рассматриваем мобильное оленеводство как особый тип кочевого скотоводства, или в иной терминологии, нomaдизма (см., напр.: Paine

1972; Ingold 1980; Khazanov 1994: 15 ff., 41 ff.; Хазанов 2008: 83 сл.). Я рассматриваю кочевое скотоводство как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное и мобильное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки, связанные с круглогодичным содержанием скота на подножном корму (подр. об этом см.: Хазанов 2008: 60 сл.). Все эти характеристики полностью применимы и к крупностадному тундровому оленеводству. Но одно из его главных отличий от всех остальных типов кочевого скотоводства заключается в моноспециализации. В силу экологических условий олень является единственным домашним животным, приспособленным к существованию в Арктике.

Само по себе разведение оленей не обязательно связано с кочевым скотоводством. Далеко не у всех народов таежной и даже тундровой зоны оленеводство было основным видом хозяйственной деятельности. Но у некоторых оно стало именно таковым. Особая неустойчивость традиционного кочевого оленеводства, связанная с его моноспециализацией, приводила к тому, что хозяйственная стратегия была направлена на максимизацию поголовья скота. Помимо престижа и других социокультурных факторов, ее главной целью было не накопление капитала в виде скота, а своего рода страховка в специфической экологической и климатической обстановке, подверженной частыми и далеко не всегда благоприятными колебаниями.

А теперь – к современности. Очень информативная статья Л. Баскина весьма полно освещает современное состояние оленеводства в Российской Арктике. Она удачно дополняется более этнографической статьей П. Грей, моей бывшей аспиранткой, которая в общей сложности прожила несколько лет на Чукотке, проводя полевую работу среди оленеводов-чукчей (см.: Gray 2012). Не скрою, я очень горжусь Пэтти, потому что многие мои российские коллеги предсказывали, что эта молодая американская женщина не сможет пробыть более нескольких месяцев на суровой Чукотке, условия жизни на которой столь разительно отличаются от весьма комфортабельной жизни на живописном кампусе Университета Висконсин в Мэдисоне.

К чести российских этнографов и других ученых я хочу отметить, что как только это стало возможным, они стали бить тревогу, указывая на бедственное положение малочисленных народов Севера (см., напр.: Пика, Прохоров 1988; Савоскул, Карлов 1988; Соколова 1990; Vakhtin 1992 и др.). Из чтения этих и многих более поздних работ, а также иной информации, у меня создается впечатление, что во многих регионах Севера современное состояние мобильного оленеводства остается весьма неблагоприятным. Оленеводы северо-востока европейской части России и Западной Сибири в какой-то степени приспособились к новым условиям. Это в известной мере связано с лучшими возможностями сбыта оленеводческой продукции и тем, что в советский период они умудрились сохранить значительное количество оленей в личной собственности. Но ситуация в других регионах выглядит значительно хуже. В некоторых регионах Центральной и Восточной Сибири, особенно в таежной зоне, резкое сокращение поголовья оленей привело к тому, что аборигены превратились в маргинализированную прослойку оседлого поселкового населения.

Интересно, что среди тех, кто наиболее успешно адаптировались к новым экономическим условиям, выделяются коми-ижемцы, у которых еще до революции были развиты товарное производство и рыночные отношения (Конаков, Котов 1991). В то время как различного рода производственные кооперативы – пережиточные формы

совхозов советского времен, влачат сейчас жалкое существование, от половины до двух третей оленей сосредоточено в частных хозяйствах. К началу XXI века те оленеводы, которые не смогли приспособиться к новым условиям, увеличить поголовье своих оленей и наладить сбыт оленеводческой продукции, были полностью вытеснены из этой области экономики. Фактически оленеводческие хозяйства во многом снова стали частными и ориентированными на рынок. Все они обзавелись снегоходами, значительно облегчившими их труд, а продажа оленеводческой продукции составляет около двух третей их денежных доходов. Снегоходы значительно изменили способы надзора за оленями, сократили расстояния и частоту перекочевов и приблизили оленеводов к рынкам сбыта их продукции. Однако снижение мобильности повышает нагрузку на пастбища и увеличивает риск конфликтов с оседлым населением (Истомин 2015; Истомин и др. б/г).

Только высокий пастбищный налог мешает оленеводам стать независимыми фермерами. Коми-ижемцы не были включены в список малочисленных народов Севера и Сибири и поэтому не освобождены от его уплаты. Но членство в кооперативах позволяет оленеводам этого избежать. А кооперативы в свою очередь не платят налог, потому что считаются убыточными. Несколько лет назад директор кооператива «Большая Инта» публично жаловалась на то, что ей не удастся сделать его безубыточным, потому что кооператив не может конкурировать со своими собственными работниками, которые наполняют рынок мясом оленей по более низким ценам. Решение проблемы она видела в том, чтобы снова ограничить частное владение оленями (К. Истомин, личная информация).

В существующих ныне условиях такая курьезная ситуация является взаимовыгодной, хотя и по причинам, далеким от представлений о рациональной рыночной экономики. Кооперативное руководство в полном соответствии с принадлежащему Дизраэли определению статистики, как одного из видов лжи, в своих отчетах не делает различия между оленями, принадлежащим кооперативам, и теми, которые находятся в частной собственности. Тем не менее все кооперативы получают субсидии. Далеко не все, но часть этих субсидий доходит и до оленеводов, и может составлять до одной трети их годового дохода (К. Истомин, личная информация). В общем создается чисто кафкианская ситуация.

На Ямале в 2000-е годы также наблюдается значительный рост поголовья оленей, несмотря на то, что быстрое развитие нефтегазовой промышленности привело к сокращению и загрязнению многих пастбищных территорий. Количество оленей на Ямале по данным Баскина уже в 2010 г. достигло 700 тыс. голов, 70% из которых находятся в частной собственности. Оно уже превысило рациональные пределы и чревато перевыпасом (Головлев и др. 2014: 5). В настоящее время менее половины ненцев, проживающих на Ямале, занимаются мобильным оленеводством, и в целом молодежь не желает отказываться от этой профессии (Forbes et. al. 2009: 1). Не удивительно, что участились конфликты за пастбища (Квашнин 2009: 117).

Тем не менее ненцы не хотят сокращать поголовье своих стад, не без оснований полагая, что именно мобильное скотоводство способствует сохранению их языка и культуры (Головлев и др. 2014). Но в отличие от коми-ижемцев их производство не имеет товарной направленности. Ненцы относятся к продаже оленей как к неизбежному злу. Возможно, их отношение к рациональному количеству скота изменилось бы, если бы удалось наладить выгодное для них производство, рассчитанное на ры-

нок. Они уже практикуют продажу своих продуктов нефтяникам (Квашнин 2009: 121). Но пока перерабатывающая промасленность и рынок сбыта на Ямале остаются весьма неразвитыми. Этому способствует дисбаланс ценообразования. Закупочные цены на оленину в муниципальных убойных предприятиях по меньшей мере вдвое ниже ее рыночной цены.

Однако ситуацию на Ямале отнюдь не следует представлять в розовых тонах. Исследователи отмечают рост социальной и межнациональной напряженности на полуострове. Промышленные предприятия предпочитают нанимать на работу не аборигенов, а привозить их издалека. Нередко такие люди не знакомы с местными традициями и не стремятся их уважать и соблюдать, в лучшем случае рассматривая оленеводов ненцев как этнографический курьез. Поэтому очень странным кажется утверждение, что контакты ненцев с газовиками сделали их более «цивилизованными» (Квашнин 2009: 62). Если такое положение дел сохранится и в дальнейшем, то в недалеком будущем ненцы рискуют стать незначительным и неполноправным этническим меньшинством на Ямале (Forbes et al. 2009: 4 ff).

Далее, на восток от Ямала ситуация с мобильным оленеводством является еще более неутешительной. В Якутии поголовье оленей уменьшилось, и большинство их находится в собственности различных сельскохозяйственных формирований. Оленеводство утратило свою товарную значимость и доходность, а оленина не выдерживает конкуренции с другими, более дешевыми видами сельскохозяйственной продукции. Не удивительно, что лишь несколько сотен семей продолжают вести кочевой образ жизни (Винокуров и др. 2011). О ситуации на Чукотке я ничего существенного к статьям Грей и Баскина добавить не могу.

Я ни в коей мере не являюсь специалистом по северному оленеводству и аборигенным народам Севера. Тем не менее, я хочу сыграть роль адвоката дьявола и задать вопрос, который многим может показаться политически некорректным и даже провокационным. Поэтому сразу же оговорю, что я не имею на него однозначного ответа. Однако сам вопрос представляется мне вполне закономерным и актуальным. Если такой выдающийся знаток северного оленеводства, как Л. Баскин прав, и в большинстве регионов Крайнего Севера, от Скандинавии до Чукотки, мобильное оленеводство возможно лишь с помощью очень больших государственных дотаций и субсидий, то зачем оно нужно вообще? Если оленеводство на Чукотке выжило только за счет экстраординарных субсидий, а оленеводы, как и советское время, являются наемными работниками убыточных муниципальных предприятий, руководство которых принимают все решения, связанные с выпасом оленей, то не поощряет ли подобный патернализм отсутствие инициативы и пассивное отношение к труду?

Прежде всего не совсем ясно, насколько само понятие убыточности применимо к мобильному оленеводству. В социалистических экономиках с их искаженным ценообразованием, мало связанным с реальной себестоимостью, оно было весьма произвольным. В капиталистической экономике убыточными могут быть отдельные предприятия, фермы и т.п. Тогда они обычно становятся банкротами. Но целые отрасли промышленности или сельского хозяйства могут стать не убыточными, а неконкурентоспособными. Так случилось, например, с текстильной промышленностью в западных странах из-за наплыва более дешевых товаров, произведенных в азиатских странах. Но оленеводству в этом отношении ничего не грозит; оно уникально.

Ситуация в скандинавских странах с их сравнительно небольшим поголовьем

олений весьма далека от положения дел на российском Севере. К тому же, хотя и будучи значительно субсидированным, оленеводство там настолько зарегулировано и забюрократизировано, что о рыночных отношениях в этой области экономики можно писать лишь *cum grana salis*. Даже максимальное количество оленей в отдельных хозяйствах диктуется государством или местными администрациями, и они же поддерживают искусственно завышенные цены на оленеводческую продукцию.

Но в Российской Федерации пример коми-ижемцев показывает, что оленеводство может быть рентабельным и ориентированным на рынок и в наши дни. Государство могло бы способствовать этому путем соответствующей налоговой политики, созданием хорошей инфраструктуры, поощрением создания пищеperерабатывающих предприятий, повышению качества оленеводческой продукции, соответствующей высоким европейским стандартам и т. п.

На Ямале оленеводство пока остается в основном самообеспечивающим, а не ориентированным на рыночное производство. Но назвать его убыточным, по-видимому, тоже нельзя. Оно вполне адекватно поддерживает непосредственные нужды оленеводов.

Во многих других регионах Севера положение оленеводства в настоящее время представляется менее обнадеживающим. То, что на Чукотке оно было спасено от краха в результате меценатской деятельности миллиардера-губернатора Р. Абрамовича, кажется печальной иронией. Существующие в настоящее время муниципальные предприятия, во многом сходны с прежними совхозами. При таком положении дел нерентабельность оленеводства и необходимость больших субсидий становятся очевидными.

Но допустим, что мобильное оленеводство, если не во всех, то во многих случаях не может не быть убыточным. Зачем в таком случае стремиться к его поддержанию? Сильным аргументом в защиту поддержания крупномасштабного оленеводства, который приводят Л. Баскин и другие исследователи, является то обстоятельство, что именно оно препятствует растворению аборигенов в пришлом населении. Но ведь и в Норвегии лишь меньшинство саами занимаются сейчас оленеводством.

Не менее распространен и сходный аргумент: оленеводство нужно для сохранения традиционной культуры малочисленных народов. Однако традиционная культура – понятие весьма расплывчатое. Даже теоретические представления о традиционных культурах и тем более вопросы, связанные с желательностью, возможностями и способами их сохранения, являются гораздо более сложными и дискуссионными, чем это иногда кажется (Соколовский 2011). Отнюдь не ясно, что именно следует понимать под самим понятием традиционной культуры: те ее элементы, которые связаны с докапиталистической (в нашем случае с досоциалистической) экономикой, или комплекс верований, обрядов, празднеств, семейных и поведенческих правил и т. п., связанных с этническими особенностями и маркерами, а также язык как их носитель и символ, или же все это вместе взятое. Любая культура, в том числе индустриальная и постиндустриальная включает в себя элементы, унаследованные от прошлого.

Иногда под сохранением традиционной культуры подразумевается ее консервация, по возможности в неизменном виде. Именно за это в 1990-х годах ратовали многие лидеры различных движений малочисленных народов Севера. Однако показательно, что некоторые из них вскоре воспользовались благоприятными обстоятельствами, чтобы осесть в столицах, или хотя бы обзавестись квартирами в них, а в отдельных случаях даже за границей. Любопытно, как они нашли для этого необходимые немалые средства? Любая культура, в том числе и традиционная, является

не статичной, а динамичной, меняющейся во времени и пространстве под влиянием внутренних и внешних факторов. Так было в прошлом, так обстоят дела и сейчас, в наш век глобализации.

Даже производственная и тем более традиционная культура мобильных оленеводов претерпевают сейчас много изменений – укажу на распространение новых типов жилищ, снегоходов, генераторов, мобильных телефонов, GPS навигаторов, телевизоров, магнитофонов, ноутбуков и т. д. (Stammmler 2009; Головлев и др. 2014: 89; Usenyuk et. al. 2015; Istomin 2015a). Сетования на то, что ямальские оленеводы-ненцы в настоящее время предпочитают по вечерам смотреть кинофильмы вместо того, чтобы рассказывать друг другу длинные народные сказки (Головлев и др. 2014: 90), представляются мне нереалистичными, хотя и продиктованными самыми лучшим намерениями. Искусственную консервацию любой культуры, если такое вообще возможно, едва ли можно считать положительным явлением. Люди моего поколения еще хорошо помнят долгую, упорную, но безуспешную борьбу, которую вели советские власти с джинсами, мини-юбками, длинными прическами, джазом, роком, абстрактной живописью и многими другими проявлениями «растленной и упадочной западной культуры».

Если мобильное оленеводство в условиях рыночной экономики действительно всегда убыточно, в чем, повторяю, я отнюдь не уверен, а в будущем ему грозит сокращение пастбищной территории из-за глобального потепления и развития добывающей промышленности (Istomin, Habek 2016: 8), то стоит подумать об альтернативах. Не лучшие ли будет в таком случае, во-первых, приложить усилия, чтобы сделать его более товарным и уже поэтому менее убыточным, а во-вторых, направить хотя бы часть из выделяемых государством, местными администрациями и промышленными предприятиями средств, которые далеко не всегда доходят до самих оленеводов, на подготовку их к альтернативным профессиям?

Даже если оленеводство в некоторых регионах может быть ориентировано на товарное производство, то как и всюду в таких случаях, некоторые хозяйства станут нерентабельными, и их члены вынуждены будут перейти к другим занятиям. Поэтому не лучше ли обратить внимание на качественное улучшение общего образования аборигенов с учетом ошибок советского периода и сохранением их этнической специфики (например, на преподавание в школах национальных языков, фольклора и т. п.)? Также важны их профессиональное обучение и создание хорошо оплачиваемых рабочих мест, резервируемых за аборигенами (своего рода российский вариант американских affirmative actions).

Разумеется, какое-либо прямое или косвенное принуждение при этом должно быть полностью исключено. Речь может идти только о возможности реального выбора для самих аборигенов. К сожалению, часто это далеко не так. На Ямале местная администрация планирует в 2017 г. сократить поголовье оленей на 70 или даже на 250 тыс. А губернатор ЯНАО Дмитрий Кобылкин считает, что численность оленей не должна превышать всего 110 тыс. голов. Он даже предлагает сосредоточить оленей в загонах и перевести их на искусственные корма. Освободившиеся пастбищные территории должны пойти под промышленное освоение нефтегазовыми компаниями (Брицкая 2016). Трудно, даже невозможно делать предложения, направленные на улучшение жизни оленеводов и реформирование мобильного оленеводства, если они будут игнорироваться властями предрежащими.

На мой взгляд, для предотвращения деэтнизации малочисленных народов Севера очень важным было бы создание особых этнических территорий, наподобие американских резерваций, которые находились бы в исключительном владении соответствующих аборигенных групп. Грей и Баскин совершенно справедливо обращают внимание на главный недостаток российского законодательства в отношении малочисленных народов Севера. Оно не только подчас запутано, противоречиво, но и не всегда выполняется на практике (см также: *Новикова*: 2011: 104; *Novikova*: 2016: 103 ff). Оно рассматривает родовые, территориально-соседские общины и ассоциации общин малочисленных народов Севера, как форму самоорганизации тех их членов, которые ведут традиционные образ жизни и хозяйство. При этом подразумевается, что члены таких общин должны в основном довольствоваться жизнеобеспечивающим, но отнюдь не рыночным производством.

Но главное, законодательство не закрепляет за такими общинами право владения занимаемыми ими территориями и не предоставляет им права самим вести переговоры с промышленным предприятием и запрещать им работу на своих территориях, включая пастбища, если эти переговоры не приводят к взаимоприемлемому решению. Напротив, государство имеет право изъятия территорий, отведенных таким общинам, для своих или муниципальных нужд. Между тем, взаимоотношения малочисленных народов Севера с нефтедобывающими компаниями складываются нелегко и далеко не всегда в их пользу. Часто нефтяники не выполняют даже существующего, весьма несовершенного законодательства и предпочитают платить штрафы, а не вкладывать деньги в экологию (*Новикова* 2011). Недавно введенные правила еще больше ограничивают права аборигенов в их взаимоотношениях с индустриальными предприятиями (*Novikova* 2016: 107).

В этой связи стоит обратиться к ситуации, существующей в американских резервациях. О трагической истории американских индейцев, которых в США принято сейчас называть *Native Americans*, написано очень много. За годы своей жизни в США я имел возможность посетить довольно много резерваций и мои впечатления о них далеко не всегда положительные. Жизненный уровень во многих из них, ниже среднеамериканского, а уровень алкоголизма и безработицы выше. И все же я не могу не отметить, что территория резерваций находится во владении самих индейцев и что они пользуются в них очень значительным самоуправлением. Живущие в резервациях индейцы имеют также много льгот в налогообложении. Аренда их земель промышленными или иными предприятиями невозможна без их согласия и соответствующих платежей (*Getches et al.* 1993: 638–639). Интересно, что как отмечает Грей, в 1990-е годы некоторые руководители национальных движений малочисленных народов Севера добивались для них некоего подобия американских резерваций. Повторяю, я ни на чем не настаиваю, я всего лишь задаю вопрос для дискуссии. Но сама дискуссия о настоящем и будущем мобильного оленеводства, на мой взгляд, вполне назрела.

Заключение

Проблему скотоводов в посткоммунистических странах, несмотря на всю ее специфичность, можно и должно рассматривать в более широком контексте положения мобильных скотоводов в современном мире. Помимо политиков она уже несколько десятилетий привлекает внимание многих западных ученых – антропологов, эколо-

гов, экономистов и так называемых экспертов по развитию. Я тоже занимаюсь этой проблемой уже более двадцати пяти лет и мои взгляды за это время не оставались неизменными (ср.: *Khazanov* 1990; *Khazanov* 1994: XLII ff.; *Khazanov* 1998: 12 ff.; *Хазанов* 2008: 30 сл.; *Khazanov* 2013).

Все или почти все ученые согласны сейчас с тем, что мобильное скотоводство по-прежнему является оптимальной формой экономической утилизации большей части аридных и полуаридных зон ойкумены. И не только ученые. Даже многие политики, например в африканских странах, которые еще недавно считали мобильное скотоводство препятствием на пути прогресса и проводившие политику седентаризации и внедрения системы ранчо, признают теперь, что представление о нем как об архаической производственной системе, является неверным (*African Union* 2010). В то же время утверждения о том, что мобильное и более или менее экстенсивное скотоводство в самых разных странах и континентах мира сталкивается сейчас с многими трудностями, стали уже весьма тривиальными. Во многих случаях исследователи просто называют такое положение дел кризисным.

Определить проблему не составляет большого труда. Большинство ученых согласно с тем, что в настоящее время традиционное экстенсивное скотоводство, ориентированное в первую очередь на жизнеобеспечение, обречено и нуждается в модернизации. Значительно более дискуссионным является вопрос о том, в какой именно модернизации нуждается мобильное скотоводство и какими способами она может быть достигнута? Во избежание возможного недопонимания я хочу объяснить, что понимаю под модернизацией и глобализацией как ее современной стадии экономический рост, основанный на технологических изобретениях и инновациях, и соответствующие изменения социально-политических, экономических и культурных институтов. Я хочу также добавить, что, как снова и снова показывает мировая практика, долговременная и успешная модернизация, особенно в наш век информационной революции и глобализации производства и финансов, неразрывно связана с рыночной экономикой и товарными отношениями. Все другие пути модернизации неизбежно заводили ее в тупик.

Главный вопрос заключается в том, каким именно способом модернизировать мобильное скотоводство? Именно это и является предметом современных дебатов. Ясно только одно. Учитывая разнообразие социально-политической, экономической и экологической ситуации, существующей в различных регионах мира, и даже внутри этих регионов, общие рецепты невозможны.

Помимо многих политических, экономических и социальных трудностей, стоящих на пути превращения мобильных скотоводов в ориентированных на рыночное производство фермеров капиталистического типа, необходимо отметить еще одно обстоятельство. В сущности капиталистическое фермерство и связанные с ним такие качества, как определенный индивидуализм, личная инициатива, необходимость следить за новейшими технологическими достижениями и использовать их в своих хозяйствах, учитывать колебания рынка, гибкость в определении производственных приоритетов, родственные отношения, в производственной сфере не выходящие за пределы нуклеарных семей, и т. п., всегда были чужды центральноазиатским скотоводам, как и многим другим.

Следует не забывать, что ранчо в Северной Америке и некоторых других частях света отнюдь не были результатом трансформации традиционного мобильного ско-

товодства. Напротив, с самого начала они были нововведением; они возникли и оперировали в рамках развитой капиталистической системы, и их главной целью было получение прибыли. Владевшие ими скотоводы, несмотря на их романтический образ, навеянный голливудскими вестернами, были хорошими бизнесменами, обладавшими определенным капиталом, технологическими знаниями и соответствующими возможностями для определенной интенсификации производства (*Dale 1960; Atherson 1961; Bennet 1985; Jordan 1993; Starrs 1998*). Попытки внедрить ранчо в странах Африки и Среднего Востока провалились или в лучшем случае привели к противоречивым результатам, потому что стартовые социально-экономические условия были в них совсем иными (*Fratkin 1997; Chatti 2006; Khazanov 2013: 9 ff.*)

Мобильные скотоводы в посткоммунистических странах находятся в этом отношении в особом положении. Их опыт совершенно уникален. Сначала они испытали экономически нерациональную модернизацию, связанную с командной совхозно-колхозной системой, затем экономические трудности или даже кризис 1990-х годов, приведшие к определенной демодернизации, а затем новые попытки его реформирования. Как я уже отметил, в разных странах эти реформы приобрели весьма различный характер.

Я далек от мысли предсказывать будущее, которое ожидает мобильное скотоводство в посткоммунистических странах. Предсказание будущего вообще дело безнадежное и, по-моему, не является задачей социальных ученых. Будем довольны тем, если мы хоть в какой-то мере способны понять прошлое и объяснить настоящее. Поэтому я лучше представлю на суд читателей сценарий, который самому мне кажется наиболее оптимальным, трудным, но все же возможным, хотя бы в отдельных странах. И для этого я снова должен вернуться к проблеме модернизации и глобализации. В целом они представляется мне в высшей степени прогрессивным явлением. Но одновременно они являются безжалостным селективным процессом, неразрывно связанным с капиталистической рыночной экономикой. Они имеют своих победителей и побежденных, а также тех, кто еще ожидает выгод от них в будущем. Но альтернативы им нет. Это то, что традиционалисты и антиглобалисты не хотят или не способны понять.

О специфических проблемах оленеводства в тундровой зоне я уже упоминал и повторяться не буду. Но есть все основания полагать, что мобильное скотоводство может остаться важной и прибыльной отраслью экономики во многих аридных и полуаридных зонах. Иначе обширные территории, непригодные земледелию, выпадут из сельскохозяйственного использования. Только на части из них земледелие в принципе возможно, но требует очень больших капиталовложений, менее рентабельно, чем скотоводство, и к тому же приносит непоправимый экологический ущерб – печальная судьба Арала служит тому подтверждением.

Но для того, чтобы успешно продолжать заниматься скотоводством, скотоводы должны извлекать материальные выгоды из этого занятия. Для нас, антропологов, настало время сменить приоритеты. Вместо того, чтобы продолжать заботиться о сохранении традиционного образа жизни, который давно уже не является «традиционным», нам следует уделять больше внимания самим людям, жизнь которых весьма и весьма нелегка и которые вынуждены приспосабливаться к быстро меняющейся ситуации, во многом находящейся вне их контроля. (Прошу прощения у тех коллег, к которым моя критика не относится). Как Вебстер Роббинс, американский индеец из племени *омаха*,

сказал мне много лет назад: «Вы не получите настоящего экономического развития пока не позволите людям самим принимать в нем активное участие и решать каким именно оно должно быть». Мой собеседник имел в виду индейцев, живущих в резервациях штата Небраска, но я думаю, что его слова вполне применимы и к мобильным скотоводам в странах Третьего Мира и в посткоммунистических странах.

На мой взгляд, чтобы стать успешным, мобильное скотоводство в посткоммунистических странах должно стать коммерциализированным, ориентированным на рыночное производство, с использованием современных технологий и инноваций и *sine qua non* частной собственностью на скот. При этом, не бюрократам, а самим скотоводам должны принадлежать важные решения, связанные с их хозяйственной деятельностью. Это не означает, что соответствующие государства должны совершенно устраниваться от своих обязанностей по модернизации мобильного скотоводства. Они, а также международные агентства по развитию, могут делать больше для создания современной инфраструктуры, водоснабжения, ветеринарной службы, страхования скота, предоставления кредитов, создания хороших условий для сбыта скота и скотоводческих продуктов, разумной налоговой политики и многое другое. Это трудно, но при наличии соответствующего желания, отнюдь не находится в сфере невозможного.

Нет ничего вредного и в целенаправленных субсидиях, но таких, которые доходят до непосредственных производителей, а не оседают в карманах чиновников и менеджеров. В конечном счете во всех развитых странах, включая США, страны Европейского Союза, Японию и Израиль, сельское хозяйство прямо или косвенно является субсидированным. Но при этом всегда надо помнить об опасности подмены долговременной оптимизации производства его кратковременной максимизацией. История с кашемиром в Монголии служит этому наглядным примером.

Еще одной проблемой является вопрос о четком и недвусмысленном законодательстве в отношении собственности, владения и пользования пастбищами, а также возможности и условий их аренды. Хотя индивидуальную собственность на пастбища в принципе не следует исключать, в целом права на их утилизацию должны быть достаточно гибкими. Это особенно важно в природных условиях, в которых отсутствует эквilibrium (*non-equilibrium environments* в англоязычной литературе) и которые подвержены частым климатическим колебаниям.

При выполнении хотя бы части этих условий мобильное скотоводство вполне может стать рентабельным и прибыльным. Но не следует ожидать, что все индивидуальные скотоводы в равной степени выиграют от еще одной модернизации этой отрасли хозяйства. Неизбежно будут и проигравшие. Изменения могут привести и уже приводят к росту экономического неравенства и напряженности во взаимоотношениях между различными скотоводческими группами и хозяйствами. Некоторые скотоводы разорятся и станут наемными работниками в богатых хозяйствах или вообще мигрируют в города – процесс, уже сейчас заметный во многих странах. В целом описанный сценарий не может не быть весьма трудным и болезненным для многих скотоводов и наверняка вызовет много нареканий и протестов. Соответствующая государственная политика может как-то амортизировать его негативные коллатеральные последствия, но едва ли устранить их полностью. Но в конечном счете мобильное скотоводство станет более продуктивным, более конкурентоспособным и менее трудоемким, вполне совместимым с современной рыночной экономикой. Лучшей альтернативы для его развития и даже простого выживания я не вижу.

Источники и литература

- Абылхожисин* 1997 – *Абылхожисин Ж.Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Университет «Туран», 1997.
- Агробизнес-2000 – Агробизнес-2020. Программа по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013–2020 годы. Астана, Министерство сельского хозяйства, 2013
- Акимбекова* 2010 – *Акимбекова Г.* Сельскохозяйственная кооперация в Республике Казахстан: проблемы и пути решения // *The Economy of Agro-Industrial Complex*, 2010. № 9. С. 161–166.
- Алимаев* 1997 – *Алимаев И.* Основные проблемы утилизации пастбищ, производства и заготовки кормов в Казахстане // *Пасторализм в Центральной Азии* / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро. М.: Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр Стратегических и Международных Исследований, 1997. С. 156–167.
- Арипов* 1997 – *Арипов У.* Каракулеводство и аридное кормопроизводство в Узбекистане: состояние и проблемы развития / *Пасторализм в Центральной Азии* / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро. М., Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр Стратегических и Международных Исследований, 1997. С. 134–141.
- Аяган* 2012 – Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории / отв. ред. Б.Г. Аяган. Астана, Институт Истории государства, 2012.
- Бобокулов и др.* 2014 – *Бобокулов Н.А., Мукимов Т.Х., Рафиев Б.Х., Расулов А.* Пустынно-пастбищное животноводство в Узбекистане и рациональное использование кормовых ресурсов. Ташкент: ИКАРДА, 2014.
- Брицкая* 2016 – *Брицкая Т.* «Мы остались без оленей, и о нас забыли». Ямальцы, пострадавшие от сибирской язвы, могут лишиться последнего — исконного образа жизни // *Новая Газета*, Октябрь 5, 2016. № 111.
- Винокуров и др.* 2011 – *Винокуров И.Н., Мандаров А.Е., Алексеев Е.Д.* Современное состояние и перспективы развития домашнего оленеводства Республики Саха (Якутия) / *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2011. № 10. С. 144–146.
- Головлев и др.* 2014 – *Головлев А.Б., Лезова С.Б., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Институт истории и археологии Уральского Отделения РАН. Екатеринбург, 2014.
- Грайворонский* 1997 – *Грайворонский В.В.* Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980–1995 гг. М.: ИВ РАН, 1997.
- Гурова* 2011 – *Гурова О.Н.* Традиционное животноводство Монголии // *Вестник КрасГАУ*, 2011. № 11. С. 158–162.
- Джолдошев* 1997 – *Джолдошев К.* Состояние пастбищ и проблемы производства и заготовки кормов в Кыргызстане / *Пасторализм в Центральной Азии*. / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро. М.: Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр Стратегических и Международных Исследований, 1997. С. 168–178.
- Жамбакин* 1995 – *Жамбакин Ж.А.* Пастбища Казахстана. Алматы, Кайнар, 1995.
- Земельный Кодекс 2013 – Земельный Кодекс Республики Казахстан. 2013. Алматы, Юрист.
- Истомин* 2015 – *Истомин К.В.* Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // *Уральский Исторический Вестник*, 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Истомин* 2015а – *Истомин К.В.* Попытки построения стадияльной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций (на примере кочевых и полукочевых ненцев тазовской тундры) // *Этнографическое обозрение*, 2015. № 3. С. 41–57.
- Истомин, Попов, Ким б/г.* – *К.В. Истомин, А.К. Попов, Х.Ч. Ким.* Снегоходная революция и рыночная реставрация: изменение образа жизни и кочевой мобильности коми-ижемских оленеводов севера Республики Коми в первом десятилетии 21 века и их влияние на связь группы с окружающим социумом и природной средой, б./г. (рукопись).

- Квашинин 2009 – Квашинин Ю.В. Ненецкое оленеводство в XX – начале XXI века. Тюмень; Салехард: РНФ «Колесо», 2009.
- Кляшторный 1999 – Кляшторный С.Г. «Сельскохозяйственная революция» в Кыргызстане и предполагаемые тенденции дальнейшего развития (по результатам полевых исследований летом 1998 г.) / Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро, Д. Томас. М.: Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр стратегических и международных исследований, 1999. С. 60–70.
- Козыбаев 1998 – Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. / отв. ред. М. Козыбаев. Алматы, 1998.
- Конаков, Котов 1991 – Конаков Н.Д., Котов О.В. Этнокультурные группы коми: Формирование и современное состояние. М.: Наука, 1991.
- Наумова 2004 – Наумова О.Б. Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога) // М.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН, 2004. № 171.
- Наумова, Сагнаева, 2006 – Наумова О.В., Сагнаева С.К. Антропология постсоветских изменений в сельском Казахстане: жизнь в условиях кризиса // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука. 2006. Вып. V. С. 235–251.
- Новикова 2011 – Новикова Н.И. Взаимодействие коренных народов и промышленных компаний // Современное положение коренных малочисленных народов Севера. М.: Этномониторинг, 2011. С. 103–123.
- Пика, Прохоров – Пика Л., Прохоров Б. 1988. Большие проблемы малых народов / Коммунист, 1998 № 16. С.76–83.
- Савоскул, Карлов 1988 – Савоскул С.С., Карлов В.В. Туруханская ГЭС и судьба Эвенкии // Советская этнография, 1988. № 5. С. 166–168.
- Серебрянный 1999 – Серебрянный Л.П. Пастбища Казахстана: Опыт географического анализа / Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро, Д. Томас. М.: Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр стратегических и международных исследований, 1999. С. 154–169.
- Скрынникова 2009 – Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра ЦО РАН, 2009.
- Соколова 1990 – Соколова З.П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Сибири / История СССР, 1990. № 1. С. 155–166.
- Соколовский 2011 – Соколовский С. Бремя традиций: прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологический Форум, 2011. № 15. С. 205–220.
- Таджибаева 2015 – Таджибаева Д. Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства в Узбекистане // Проблемы современной экономики, 2015. № 3 (55). С.303–308.
- Терентьев 2015 – Терентьев В. Кочевники в городе // Азия и Африка Сегодня, 2015. № 3. С. 25–29.
- Хазанов 2008 – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.: Издание Санкт-Петербургского Гос. Университета, 2008.
- Хазанов, Наумкин, Шапиро, 1997 – Пасторализм в Центральной Азии / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро. М.: Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр Стратегических и Международных Исследований, 1997.
- Хазанов, Наумкин, Шапиро, Томас 1999 – Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям / отв. ред. А. Хазанов, В. Наумкин, К. Шапиро, Д. Томас. М., Университет Висконсина в Мэдисоне – Российский Центр стратегических и международных исследований, 1999.
- Холмирзаев 2013 – Холмирзаев И. Мониторинг состояния пастбищного животноводства в Узбекистане / Institutional Aspects of Rational Pasture Use and Conservation. Tashkent, National University of Uzbekistan, 2013.
- African Union – African Union. Department of Rural Economy and Agriculture. Pastoral Policy

- Framework in Africa: Securing, Protecting and Improving the Lives, Livelihood and Rights of Pastoralist Communities. Addis Ababa, 2010.
- Agriculture in Tajikistan. 2010 – Agriculture in Tajikistan. Statistical Yearbook. State Agency of Statistics. Dushanbe, 2010.
- Erdenesan* 2016 – *E. Erdenesan*. Livestock Statistics in Mongolia // Asia and Pacific Commission on Agricultural Statistics. Twenty-Sixth Session. Thimphu, Bhutan, 15–19 February 2016. Available at URL: http://www.fao.org/fileadmin/templates/ess/documents/apcas26/presentations/AP-CAS-16-6.3.5_-Mongolia_-_Livestock_Statistics_in_Mongolia.pdf. Last visited on 07.08.2016.
- FAOStats 2015 – FAOStats 2015. Food and Agriculture Statistics. United Nations, Rome, 2015. URL: <http://faostat.fao.org/site/573/default.aspx#ancor>.
- MSDSP, 2009. GBAO Household Income Survey 2008. Unpublished Report. Available from the correspondence with S. Robinson.
- NSO 2012. – National Statistical Office of Mongolia. National Statistical Yearbook. Ulaan Baatar, 2012.
- Turkmenistan 2012 – Agricultural sector review. FAO/EBRD, 2012.
- World Bank 1998 – World Bank. Project Appraisal Document on a Proposed Loan in an Amount of \$ 15 million Equivalent to the Republic of Kazakhstan for an Agricultural Post-Privatization Assistance Project. Washington, D.C., 1998.
- World Bank 2005 – *World Bank*. Kazakhstan's Livestock Sector: Supporting Its Revival. Washington, D.C., 2005.
- Zanca* 1999 – *Zanca R.* Report on Central Asian Livestock Project. The Uzbekistan Sector. Madison, WI, 1999. (Unpublished report of field research)

References

- Alimaev, Zhambakin, Pryanoshnikov* 1986 – *Alimaev I.I. Zhambakin A., Pryanoshnikov S.N.* Rangeland farming in Kazakhstan // Problems of Desert Development, 1986. No. 3. Pp. 14–19.
- Alymbaeva*, 2013 – *Alymbaeva A.A.* Internal Migration in Kyrgyzstan: A Geographical and Sociological Study of Rural Migration // Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. M. Laurelle (ed.). Leiden, Brill, 2013. Pp. 117–147.
- Anderson* 2000 – *Anderson, D.* Identity and Ecology in Arctic Siberia. The Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Atherson* 1961 – *Atherson I.* The Cattle Kings. Bloomington, University of Indiana Press, 1961.
- Batsaikhan, Binswanger-Mikhize, Himmelsbach, Schuler* 2010 – *Batsaikhan U., Binswanger-Mkhize H.P., Himmelsbach R., Schuler K.* Fostering the Sustainable Livelihoods of Herders in Mongolia via Collective Action. Ulaanbaatar: Swiss Agency for Development and Cooperation, 2010.
- Bawden* 1968 – *Bawden C.R.* The Modern History of Mongolia. London and New York, Kegan Paul, 1968.
- Behnke, Jabbar, Budanov, Davidson* 2005 – *Behnke R., Jabbar R, Budanov A., Davidson G.* The Administration and Practice of Leaseholding Pastoralism in Turmenistan // Nomadic Peoples, 2005. Vol. 9, 1–2. Pp. 147–169.
- Behnke, Robinson, Milner-Gulland* 2016 – *Behnke R., Robinson S., Milner-Gulland E. J.* Governing open access: Livestock distribution and institutional control in the Karakum desert of Turkmenistan // Land Use Polity, 2016. Vol. 52. Pp. 103 – 22.
- Bennet* 1985 – *Bennet J. W.* Range culture and Society in the North American West // Folklore Annual, 1985. Pp. 88–104.
- Brent* 2001 – *Brent L.* Food Production, Consumption, and Marketing in Kazakhstan. Madison, WI, University of Wisconsin Press, 2001.
- Breu, Hurni* 2003 – *Breu, T., Hurni, H.* The Tajik Pamirs. Challenges of Sustainable Development in an Isolated Mountain Region // Berne: Centre for Development and Environment, 2003.
- Bruun* 2006 – *Bruun O.* Eds. O. Bruun and Li Narangoa. Nomadic Herders and the Urban Attraction.. Mongols from Country to City. Floating Boundaries, Pastoralism and City Life in the

- Mongol Lands. Copenhagen: NIAS Press, 2006. Pp. 162–184.
- Bruun* 2006a – *Bruun O.* Precious Steppe: Mongolian Nomadic Pastoralists in Pursuit of the Market. Lanham: Lexington Books, 2006.
- Chatty* 2006 – Ed. D. Chatty. Nomadic Societies in the Middle East and North Africa. Entering the 21st Century. Leiden and Boston, Brill, 2006.
- Cobia* 1989 – Ed. D. Cobia. Cooperatives in Agriculture. Prentice Hall, Englewood Cliffs, N.J., 1989.
- Dale* 1960 – *Dale E.E.* The Range Cattle Industry: Ranching on the Great Planes from 1865 to 1925. Norman: University of Oklahoma Press, 1960.
- Dangal, Tiang, Lu, Pan, Pederzon, Hessi* 2016 – *Dangal R.S.S., Tiang H Lu C., Pan S., Pederzon N., Hessi A.* Synergistic effects of climate change and grazing on net primary production of Mongolian grasslands // *Ecosphere*, 2016. Vol. 7 (5). Pp. 1–20.
- Djanibekov* 2012 – *Djanibekov N.* Farm restructuring and land consolidation in Uzbekistan: New farms with old barriers // *Europe-Asia Studies*, 2012. Vol. 64, No. 6. Pp. 1101–1126
- Fernandes-Gimenez* 1999 – *Fernandes-Gimenez M.E.* Reconsidering the Role of Absentee Herd Owners: A View from Mongolia // *Human Ecology*, 1999. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–27.
- Forbes et al.* 2009 – *Forbes B.C., Stammler F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen D., Kaarlejärvi E.* High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberia, Arctic Russia. University of Lapland, Arctic Centre, Feature Article, 2009. Pp. 1–8.
- Fratkin* 1997 – *Fratkin E.* Pastoralism: Governance and Development Issues // *Annual Review of Anthropology*, 1997. Vol. 26. Pp. 235–261.
- Getches, Wilkinson, Williams* 1993 – Eds. *Getches D.H., Wilkinson C.F., Williams R.A.* Federal Indian Law: Cases and Materials. West Publishing Co, St Paul, Minnesota, 1993.
- Gilmanov* 1998 – *Gilmanov T.* Ecology of Rangelands in Central Asia and Modeling of Their Primary Productivity // *Assessment of Livestock Production in Central Asia. Workshop Proceedings*, 27 Feb.-1 March 1996 / Small Ruminant Collaborative Research Support Program of ICARDA and USAID. Tashkent, University of California in Davis, 1998.
- Glukhikh, Schwartz, Lerner* 2005 – *Glukhikh R., Schwartz M., Lerner Z.* Turkmenistan's New Private Farmers: The Effect of Human Capital on Performance // The Hebrew University of Jerusalem. The Department of Agricultural Economics and Management. Discussion Paper, 2005. No. 12.05.
- Glukhikh, Lerman, Schwartz* 2006 – *Glukhikh R., Lerman Z., Schwartz, M.* Vulnerability, and risk management among Turkmen leaseholders // Poster paper prepared for presentation at the International association of agricultural economists conference. Gold Coast, Australia, August 12–18, 2006.
- Gray* 2005 – *Gray P.A.* The Predicament of Chukotka's Indigenous Movements: Post-Soviet Activism in the Russian Far North. Cambridge, Cambridge University Press, 2005.
- Gray* 2012 – *Gray P.A.* 'I should have some deer, but I don't remember how many': Confused ownership of reindeer in Chukotka, Russia / Who Owns the Stock? Collective and Multiple Property Rights in Animals. Eds. Anatoly M. Khazanov and Günther Schlee. New York and Oxford, Berghahn Books, 2012. Pp. 27–43.
- Gray, Schweitzer, Vakhtin* 2003 – *Gray P.A., Schweitzer P. N. Vakhtin N.* Who owns Siberian Anthropology? Critical assessment of a re-internationalized field // *Siberia*, 2003. Vol. 3. No 3. Pp. 194–216.
- Griffin* 1995 – Ed. K. Griffin. Poverty and the Transition to a Market Economy in Mongolia. New York: St. Martin Press, 1995.
- Habeck* 2005 – *Habeck J. O.* What it Means to be a Herdsman. The Practice and Image of Reindeer Husbandry among the Komi of Northern Russia. Münster: Lit Verlag, 2005.
- Halimova* 2012 – *N. Halimova N.* Land tenure in Tajikistan: implications for land stewardship and social sustainability // *Rangeland Stewardship in Central Asia: Balancing Livelihoods, Biodiversity Conservation, and Land Protection*. Ed. Victor Squires. Springer, Dordrecht, 2012. Pp. 305–330.
- Himmelsbach* 2012 – *Himmelsbach R.* Collaborative Pasture Management. A Solution for Grassland Degradation in Mongolia / Change in Democratic Mongolia. Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining. J. Dierkes (ed.). Leiden, Brill, 2012. Pp. 165–193.
- Ilkhamov* 1998 – *Ilhamov A.* Shirkats, dekhon farmers and others: farm restructuring in Uzbeki-

- stan / Central Asian Review, 1998. No. 17, P. 531–560.
- Ingold 1980 – Ingold T. Hunters, pastoralists and ranchers. Reindeer economies and their transformations. Cambridge, Cambridge University Press, 1980.
- Isabaeva 2014 – Isabaeva E. Migration into the “Illegality” and Coping with Difficulties in a Squatter Settlement in Bishkek // Zeitschrift für Ethnologie, 2014. Vol. 138. Pp. 1–16.
- Istomin, Habeck 2016 – Istomin K, Habeck J.O. Permafrost and indigenous land use in northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry // Polar Science, 2016. No. XXX. Pp. 1–10.
- Jordan 1993 – Jordan T.G. North American Cattle-Ranching Frontiers: Origins, Diffusion, and Differentiation. Albuquerque, N. M.: University of New Mexico Press, 1993.
- Kalyuzhnova 1998 – Kalyuzhnova Y. The Kazakhstani Economy. London: MacMillan Press, 1998.
- Kasten 2002 – People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. E. Kasten (ed.). Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002.
- Kasten 2005 – E. Kasten (ed.). Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005.
- Kerven 2003 – C. Kerven (ed.). Prospects for pastoralism in Kazakhstan and Turkmenistan. From state farms to private flocks. London and New York: RoutledgeCurzon, 2003.
- Kerven et al 1996 – Kerven C., Channon J., Behnke R. Planning and Policies on Extensive Livestock Development in Central Asia // Overseas Development Institute / Working Paper, 1996. No. 91.
- Kerven et al. 2011 – Kerven C., Steinmann B., Ashley L., Chad D., Rahim I. ur. Pastoralism and Farming in Central Asia's Mountains // A Research Review. Bishkek, MSRC Background Paper, 2011. No. 1.
- Kerven et al. 2016 – Kerven C., Robinson S., Behnke R., Kushenov K., Milner-Gulland E.J. A pastoral frontier: From chaos to capitalism and re-colonization of the Kazakh rangelands // Journal of Arid Environments, 2016. No. 127. Pp. 106–119.
- Kerven et al. 2016a – Kerven C., Robinson S., Behnke R., Kushenov K., Milner-Gulland R. J. Horseflies, wolves, and wells: biophysical and socio-economic factors influencing livestock distribution in Kazakhstan's rangelands // Land Use Policy, 2016. No. 52. Pp. 392–409.
- Khazanov 1990 – Pastoral Nomads in the Past, Present, and Future: A Comparative View / Ed. P. Olson. The Struggle for the Land. Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World. Lincoln: The University of Nebraska Press, 1990, Pp. 81–99.
- Khazanov 1994 – Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. 2nd ed. Madison The University of Wisconsin Press, 1994.
- Khazanov 1998. – Pastoralism in Contemporary World: The Problem of Survival. J. Ginat and Anatoly M. Khazanov (eds). Changing Nomads in a Changing World. Brighton: Sussex Academic Press. Pp. 7–23.
- Khazanov 2012 – Pastoralism and Property Relations in Contemporary Kazakhstan. Anatoly M. Khazanov and Günter Schlee (eds). Who Owns the Stock? Collective and Multiple Property Rights in Animals. New York & Oxford: Bergham Books, 2012. Pp. 141–157.
- Khazanov 2013 – Khazanov A.M. Modern Pastoralism and Conservation. Old Problems, New Challenges. T. Sternberg and D. Cha (eds.). Cambridge: The White Horse Press, 2013. Pp. 5–23.
- Khazanov, Shapiro 2005 – Khazanov A.M., Shapiro K. Contemporary Pastoralism in Central Asia. R. Amitai and M. Biran (eds). Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leiden-Boston, Brill. Pp. 503–534.
- Lattimore 1962 – Lattimore O. Nomads and Commisars: Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962.
- Lerman 2004 – Lerman, Z. Politics and institutions for commercialization of subsistence farms in transitional countries. Journal of Asian economics, 2004. No. 15. Pp. 461–472.
- Lerman 2008 – Lerman Z. Agricultural Development in Uzbekistan: The Effect of Ongoing Reforms. The Hebrew University of Jerusalem. The Center for Agricultural Economic Research. Discussion Paper. Rehovot, 2008. No. 7.08.
- Lerman 2008a – Lerman Z. Agricultural recovery in the former Soviet Union: an Overview of

- 15 years of land reform and farm recovery // *Post Soviet Economics*, 2008. Vol. 20. No. 4. Pp. 392–412
- Lerman 2011 – Lerman Z. Tajikistan's vulnerability to climate change. The Hebrew University of Jerusalem. The Center for Agricultural Economic Research. Discussion Paper. No. 7. 11, 2011.
- Lerman 2013 – Lerman Z., 2013. Cooperative Development in Central Asia // *FAO Regional Office for Europe and Central Asia. Studies on Rural Transition*, No. 4.
- Lerman, Brooks 2001 – Lerman Z., Brooks K. Turkmenistan. An Assessment of Leasehold-Based Farm Restructuring // *World Bank Technical Paper*, No 500, 2001, Washington, D. C.
- Lerman, Sedik 2009 – Lerman Z., Sedik D. Sources of Agricultural Productivity Growth in Central Asia: The Case of Tajikistan and Uzbekistan // *The Hebrew University of Jerusalem. The Center for Agricultural Economic Research. Discussion Paper. No: 13. 09. Rehovot*, 2009.
- Lerman, Sedik 2014 – Lerman Z., Sedik D. Agricultural Cooperatives in Eurasia // *FAO Regional Office for Europe and Central Asia. Policy Studies on Rural Transition*, 2014. No. 3. Pp. 1–19.
- Lerman, Stanchin 2003 – Lerman Z, Stanchin I. New contract arrangements in Turkmen agriculture: impacts on productivity and rural incomes. The Hebrew University of Jerusalem. The Center for Agricultural Economic research. Discussion Paper, 2003. No. 11.03.
- Lunch 2003 – Herders and the state: effects of decollectivization on livestock management / Ed. Carol Kerven. Prospects for Pastoralism in Kazakhstan and Turkmenistan. From State Farms to Private Stock. London, RoutledgeCurzon, 2003. Pp. 171–193.
- Marin 2008 – Marin, A. Between Cash Cows and Golden Calves: Adaptations of Mongolian Pastoralism in the “Age of the Market” // *Nomadic Peoples*, 2008. Vol. 12. No. 2. Pp. 75–101.
- McGuire 2014 – McGuire G. By Coin or by Barter: Barter and Pastoral Production in Kazakhstan // *Ethnos*, 2014. Vol. 81. Issue 1. Pp. 1–22.
- Migeddorj 2012 – Migeddorj B. Mongolian Economic Background and Political Destiny. B.M. Knaft, R. Taupier (eds.). *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar, Admon Press, 2012. Pp. 33–60.
- Mirzabaev, Ahmed, Werner, Pender, Louhaichi – Mirzabaev M., Ahmed M., Werner J., Pender J., Louhaichi M. Rangelands of Central Asia: challenges and opportunities // *Journal of Arid Lands*, 2016. No. 8 (1). Pp. 93–108.
- Munkh-Erdine 2012 – Munkh-Erdine L. Mongolia's Post-Communist Transformation: A Great Neoliberal Transformation. B.M. Knaft, R. Taupier (eds.). *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press, 2012. Pp. 61–66.
- Murphy 2012 – Encounter the Franchise State: Dzud, Otor, and Transformations in Pastoral Risk. B. M. Knaft, R. Taupier (eds.). *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar, Admon Press, 2012. Pp. 67–79.
- Murphy 2014 – Murphy D. J. Booms and Bust: Assets Dynamics, Disasters, and the Politics of Wealth in Rural Mongolia // *Economic Anthropology*, 2014. Vol. 1, No 1. Pp. 104–123.
- Murphy 2015 – Murphy D. J. From kin to contract: Labor, work and the production of authority in rural Mongolia // *Journal of Peasant Studies*, 2015. Vol. 42. Issue 2. Pp. 1–27.
- Novikova 2016 – Novikova N. I. Who is responsible for the Russian Arctic? Co-operation between indigenous peoples and industrial companies in the context of legal pluralism / *Energy Research & Social Science*, 2016. No. 16. Pp. 98–110.
- Paine 1972 – Paine R. The herd management of Lapp reindeer pastoralists // *Journal of Asian and African Studies*, 1972. No. 7. Pp. 76–87.
- Robinson, Milner-Gulland, Alimaev 2003 – Robinson S., Milner-Gulland E.J., Alimaev I. Rangeland degradation in Kazakhstan during the Soviet era: re-examining the evidence. *Journal of Arid Environments*, 2003. No. 53. Pp. 419–439.
- Robinson, Higginbotham, Guenther, German 2008 – Robinson S., Higginbotham I., Guenther T., German A. Land reform in Tajikistan: Consequences for tenure security, agricultural productivity and land management practices. R. Behnke (ed.). *The Socio-Economic Causes and Consequences of Desertification in Central Asia*. Springer, Dordrecht, 2008. Pp. 171–203.

- Robinson, Whitton, Biber-Klemm, Muzofirshoev* 2010 – *Robinson S., Whitton M., Biber-Klemm S., Muzofirshoev N.* The Impact of Land-Reform Legislation on Pasture Tenure in Gorno-Badakh: From Common Resource to Private Property // *Mountain Research and Development*, 2010. No. 31 (1). Pp. 4–13.
- Robinson, Wiedemann, Michel, Zhumabayev, Singh* 2012 – *Robinson S., Wiedemann C., Michel S., Zhumabayev Y., Singh N.* Pastoral Tenure in Central Asia: Theme and Variation in the Five Former Soviet Republics. V. Squires (ed). *Rangeland Stewardship in Central Asia: Balancing, Improved Livelihoods, Biodiversity Conservation and Land Protection*. Springer, Dordrecht, Netherlands, 2012. Pp. 239–279.
- Rossabi* 2005 – *Rossabi M.* Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Sabloff* 2010 – *Sabloff P. L. W.* Capitalist Democracy Among Mongolian Herders: Discourse or Ideology? // *Human Organization*, 2010. Vol. 69. No. 1. Pp. 86–96.
- Sabloff* 2012 – *Sabloff P. L. W.* Democracy and Risk: Mongolians' Perspectives. Julian Dierkes (ed.). *Change in Democratic Mongolia. Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining*. Leiden, Brill, 2012. Pp. 55–82.
- Shigaeva et al.* 2016 – *Shigaeva J., Hagerman S., Zerriffi H., Hergarten C., Isaeva A., Hamadaliyeva Z., Foggin, M.* Decentralizing Governance of Agropastoral System in Kyrgyzstan: An Assessment of Recent Pasture Reforms // *Mountain Research and Development*, 2016. Vol. 36 (1). Pp. 91–101.
- Sneath* 2006 – *Sneath D.* The Rural and the Urban in Pastoral Mongolia. O. Bruun and Li Narangoa (eds.). *Mongols from Country to City. Floating Boundaries, Pastoralism and City Life in the Mongol Lands*. Copenhagen: NIAS Press, 2006. Pp. 140–161.
- Stammler* 2005 – *Stammler F.* Reindeer Nomads Meet the Market. Culture, Property and Globalization at the 'End of the Land. Berlin: Lit Verlag, 2005.
- Stammler* 2009 – *Stammler, F.* Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change among Russian Reindeer Nomads // *Folklore*, 2009. No. 41. Pp. 47–78.
- Starrs* 1989 – *Starrs P. F.* Let the Cowboy Ride: Cattle Ranching in the American West. Creating the North American Landscape. Baltimore: John Hopkins University Press, 1998.
- Strong, Squires* 2012 – *Strong P. J. H., Squires, V. R.* Rangeland-based livestock: A vital subsector under threat in Tajikistan. Victor Squires (ed.). *Rangeland Stewardship in Central Asia: Balancing Livelihoods, Biodiversity Conservation, and Land Protection*. Springer, Dordrecht, 2012. Pp. 213–238.
- Trevistani* 2007 – *Trevistani, T.* After the Kolkhoz: Rural elites in competition // *Central Asian Survey*, 2007. Vol. 26. No. 1. Pp. 85–104.
- Trevistani* 2009 – *Trevistani, T.* The shaping of inequality in Uzbekistan: reforms, land and rural incomes. M. Spoon (ed.). *The Political Economy of Rural Livelihoods in Transitional Economies. Land, Peasants and Rural Poverty in Transition*. London: Routledge, 2009. Pp. 122–137.
- Tuback, Finke* 2013 – *Tuback, L., Finke, P.* Pastoralism in Western Mongolia: current challenges and coping strategies. *CASCA*, 2013. No. VI. Pp. 123–131.
- Usenyuk, Dudeck, Garin* 2015 – *Usenyuk S., Dudeck S., Garin N.* 2015. The making of a home in a changing northern context: An ethnographic account of contemporary housing practices among Russian reindeer nomads. *The Polar Journal*. Vol. 5. No. 1. Pp. 170–202.
- Vakhtin* 1992 – *Vakhtin N.* Native Peoples of the Russian Far North. London: Minority Rights Group, 1992.
- Van Berkhum, Van Dijk* 1997 – *Van Berkhum, O., Van Dijk G.* Agricultural Cooperatives in the European Union. Van Gorcum, Assen, 1997.
- Vansellov, Kraudzun, Sammi* 2012 – *Vansellov, K. A., Kraudzun T., Sammi C.* (ed.) *Land Stewardship in Practice: An Example from the Eastern Pamirs of Tajikistan*. V. Squires. *Rangeland Stewardship in Central Asia: Balancing Improved Livelihoods, Biodiversity Conservation and Land Protection*. Springer, Dordrecht, 2012. Pp. 71–90.
- Veldwish* 2008 – *Veldwish G. J. A.* Authoritarianism, Validity, and Security. *Researching Water*

- security in Khorezm. Uzbekistan. C. R. L. Wall, P. P. Mollinga (eds.). *Fieldwork in Difficult Environments: Methodology as Boundary Work in Development Research*. Berlin, Lit Verlag, 2008. An author version: 1-16. <http://www.lit-verlag.de/isbn/3-8258-1282-9>.
- Veldwisch, Spoor 2008 – Veldwisch G. J. A., Spoor M. Contesting rural resources: Emerging forms of agrarian production in Uzbekistan // *Journal of Peasant Studies*, 2008. Vol. 35, No. 3. Pp. 424–451.
- Weinthal 2002 – Weinthal E. 2002. *State Making and Environmental Cooperation. Linking Domestic and International Politics in Central Asia*. Cambridge: MIT Press, 2002.
- Yesenova 2005 – Yesenova S. Routes and Roots of Kazakh Identity: Urban Migration in Postsocialist Kazakhstan // *The Russian Review*, 2005. Vol. 64. No. 4.
- Ziker 2000 – Ziker J. 2000. *Peoples of the Tundra. Northern Siberians in the Post-Communist Transition*. Prospect Heights, IL, Waveland Press, 2000.

Список сокращений

- ГБАО – Горно-Бадахшанская автономная область.
- РАН – Российская Академия Наук.
- ЯНАО – Ямало-Ненецкий Национальный Округ.
- CASCA – Centre for Anthropological Studies on Central Asia. Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle (Saale).
- EBRD – European Bank for Reconstruction and Development.
- FAO – Food and Agricultural Organization of the United Nations.
- ICARDA – International Center for Agricultural Research in the Dry Area.
- MSRC – The Mountain Societies Research Center, University of Central Asia.
- MSDSP – Mountain Societies Development Support Programme.
- USAID – United States Agency for International Development.

A.M. Khazanov. After Socialism: The Fates of Pastoralism in Central Asia, Mongolia, and Russia.

The paper discusses contemporary pastoralism in post-communist countries. Its transformation varies in individual countries, as well as in different regions of Russia. In some countries, the state still maintains an excessive and detrimental control over the pastoralist sector. In other countries, the stock has become the private property of individual households. However, their production far from always is market oriented. The author claims that pastoralist farms of capitalist type are the most perspective for utilization of the desert and semi-desert zones, as well as some regions of the tundra zone.

Keywords: *contemporary mobile pastoralism, decollectivization, privatization of stock, Central Asia, Buryatia, Mongolia, Russian North.*

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 572

© Д.В. Веселкова, Н.Н. Гончарова, А.С. Абрамов

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЦА И
ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Разработка инструментов, повышающих точность идентификации, не теряет своей актуальности. Применительно к этой задаче, морфологическая типология лиц, созданная нами с применением метода главных компонент, позволяет учесть закономерности взаимной изменчивости признаков лица, что делает его описание более объективным. Типология представляет собой систему трёх координат (первых трёх главных компонент), в которых положение любого индивида легко рассчитывается по готовым уравнениям. В данной статье мы рассмотрели возможность применения типологии для сужения круга поиска изображений с помощью указания границ значений для каждой координаты. Кроме того, предложен метод определения частоты встречаемости определённого сочетания признаков и выявления редких/частых сочетаний для двумерного и многомерного пространства.

Ключевые слова: типология лица, идентификация личности, метод главных компонент.

Введение

В экспертной практике нередко встает проблема работы с большими массивами информации, когда необходимо максимально сузить круг поиска или уменьшить количество объектов, например, для краниофациальной идентификации. В частности, это касается работы с изображениями, т.к. сейчас возможности для фото- и видеосъёмки очень широки. Для поиска и анализа изображений используется в числе прочих антропометрический алгоритм, предполагающий использование определенного набора точек и параметров лица, на основе которых производится сравнение. При этом выбор признаков чаще всего обусловлен точностью их определения в автоматическом режиме, но не способностью лучше описывать изменчивость лица.

Веселкова Дарья Владимировна – аспирантка кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: daria.veselkova@yandex.ru.

Гончарова Наталия Николаевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: 1455008@gmail.com.

Абрамов Алексей Сергеевич – кандидат медицинских наук, старший эксперт, отдел медико-биологических исследований, управление организации экспертно-криминалистической деятельности, Главное управление криминалистики, Следственный комитет Российской Федерации. Эл. почта: idenfac@gmail.com.

Нами была разработана типология (Веселкова и др. 2016), которая позволяет учесть закономерности взаимной изменчивости некоторых признаков лица. Использование такого подхода при поиске изображений может сделать его более объективным, т.к. учитывается не только величина признака, но и его связь с другими параметрами лица, следовательно, в качестве наиболее близких будут выделяться индивиды с действительно схожим строением лица, а не просто с близкими размерными характеристиками. Типологический подход здесь обусловлен его удобством – при типологизации, или выделении типов, из множества признаков, по которым можно описать человека, выбираются только наиболее важные, что значительно упрощает восприятие и понимание информации. В частности, типологическое описание морфологии лица широко применяется в антропологической и криминалистической практике (см. напр.: Герасимов 1955; Снетков и др. 1970; Балуева, Лебединская 1997; Веселовская 2015). Другой известный вид типологий – морфологические конституциональные схемы. Наша схема была разработана по аналогии с одной из таких схем – конституциональной схемой В.Е. Дерябина (Дерябин 2006). Им был сформулирован подход (Дерябин 1986; Дерябин 2008), позволяющий с помощью методов многомерной статистики учесть непрерывную изменчивость количественных признаков, коими являются измерительные признаки тела и лица человека, и найти место каждого индивида в общем ряду изменчивости. Иными словами, классифицировать индивида на основании целого набора измерительных признаков. Типология, построенная по этому принципу, является, по сути, системой координат, в которой отдельные типы выделяются лишь условно, для удобства использования, фактически же для каждого индивида вычисляются три координаты, определяющие его положение в типологической схеме.

При построении морфологической типологии лица подход В.Е. Дерябина был впервые применен М.А. Негашевой (Negasheva 2000) для описания связи признаков лица с соматическими признаками. Наша типологическая схема в целом повторяет выявленные закономерности изменчивости, однако базируется на ином наборе признаков и уделяет больше внимания центральной части лица. Также мы опробовали её для поиска близких индивидов и частых/редких сочетаний признаков с целью создать ещё один инструмент анализа изображений.

Материалы и методы

В работе использованы фотографии анфас 680 человек (таблица 1).

Таблица 1

Поло-возрастное распределение индивидов в исследуемой выборке

Возрастная группа/Пол	Мужчины	Женщины
16– 25 лет	444	106
26– 45 лет	108	22
Всего	552	128

Примечание. Границы интервалов выбраны в соответствии с ранее установленным возрастом смены общегражданского паспорта, т.к. большая часть выборки была классифицирована по этому принципу.

– следственные и паспортные фото (453) из базы данных МВД, предоставленные ООО «БАРС Интернешнл»;

– антропологические фотографии из коллекций кафедры антропологии и лаборатории реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (227).

Поскольку основной объем выборки составляют фото из базы данных МВД, разнесенные в две возрастные группы, оставшаяся часть фотографий делилась по этому же принципу.

Поскольку нашей целью было создание универсальной типологии, в дальнейших исследованиях выборка не разделялась на возрастные группы.

Измерения проводились в программе «Барс Поиск 4.1», в модуле «Барс Эксперт 1.1». Статистическая обработка данных выполнена в программе «STATISTICA 8».

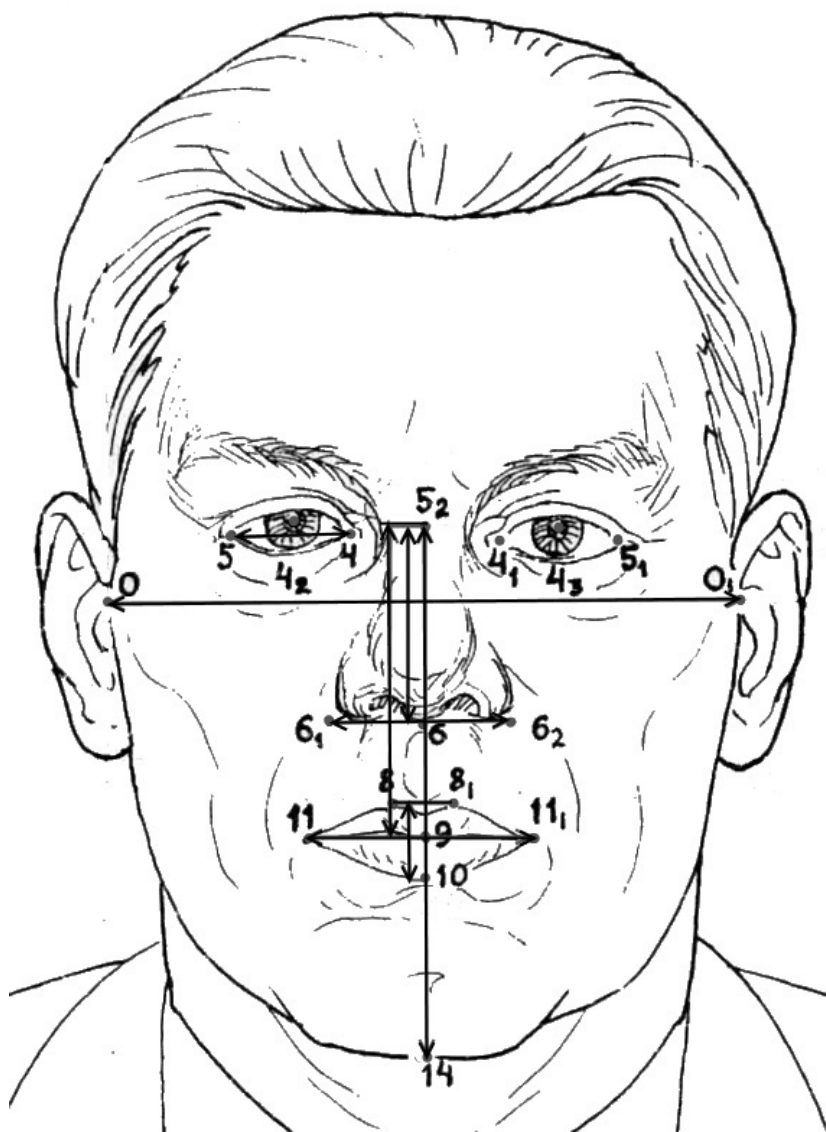

Рис. 1. Размеры, используемые в программе «Барс Поиск».

Программа «Барс Поиск» предназначена для поиска в заданной пользователем базе данных тех фотографий, которые наиболее близки по параметрам к исследуемому изображению. Алгоритм антропометрического сравнения использует 18 точек и 8 размеров лица. Антропометрические точки и размеры, задействованные в программе (таблицы 2 и 3, рис. 1), взяты из методики А.М. Зинина (Зинин 2006), которая часто называется габитоскопической. В ее основе лежит классическая антропометрическая методика измерений В.В. Бунака (Бунак 1941), адаптированная к портретной экспертизе, т.е. к расстановке точек на фотографии.

Таблица 2

Точки, используемые в программе «Барс Поиск»

Наименование точек	Место размещения точек на изображении
0 (0_1) – Надкозелковые	точки, находящиеся на границе козелка и начального завитка
4 (4_1) – Внутренние глазные (углы глаз)	точки слияния внутреннего края верхнего и нижнего века в области переносья
4_2 (4_3) – Зрачки глаз	центральные точки зрачков глаз
5 (5_1) – Наружные глазные (углы глаз)	точки слияния внутренних краев верхнего и нижнего века в области висков
5_2 – Наружноглазная вспомогательная	точка в области переносья, находящаяся на пересечении срединной вертикальной линии с горизонтальной, проходящей через точки 5 и 5_1
6_1 (6_2) – Нижненокосовые	крайние точки крыльев носа, находящиеся на пересечении касательных вертикалей к крыльям носа с линией, соединяющей нижние точки слияния крыльев носа с верхней губой
6 – Нижненокосовая вспомогательная	точка пересечения срединной вертикали с линией, соединяющей точки 6_1 и 6_2
8_1 (8_2) – Верхнегубные	наиболее выступающие точки верхней линии каймы верхней губы
9 – Ротовая	точка на срединной вертикали, разделяющая каймы верхней и нижней губ
10 – Нижнегубная	наиболее опущенная вниз точка линии каймы нижней губы
11 (11_1) – Крайнегубные (углы рта)	крайние точки видимой части каемок губ
14 – Подподбородочная	наиболее низко расположенная (под костной частью) точка на контуре подбородка

Таблица 3

Размеры, используемые в программе «Барс Поиск»

Габитоскопические размеры	Используемые точки
Высота лица	$(5_2-14)/(4_2-4_3)$
Ширина лица	$(0-0_1)/(4_2-4_3)$
Ширина глазной щели	$(5-4)/(4_2-4_3)$
Ширина носа	$(6_1-6_2)/(4_2-4_3)$
Ширина рта	$(11-11_1)/(4_2-4_3)$
Высота носа	$(5_2-6)/(4_2-4_3)$
Высота рта*	$(5_2-9)/(4_2-4_3)$
Толщина губ	$((8+8_1)/2-10)/(4_2-4_3)$

Все размеры выводятся в отношении к межзрачковой ширине ($4_2 - 4_3$). Это сделано с целью избавиться от размерности – на фотографиях, как правило, нет масштабирующих элементов, как следствие, нет возможности перейти к абсолютным величинам, и в таком случае использование относительных размеров позволяет анализировать любые изображения, делает программу более универсальной. Межзрачковое расстояние легко размечается на фотографии, что делает его подходящей единицей форматирования.

Суть метода главных компонент, использованного для построения морфологической типологии, состоит в создании новых признаков – главных компонент – на основе набора исходных данных. Новые признаки получаются в результате суммирования исходных признаков, домноженных на определённые коэффициенты, так называемые нагрузки признаков на главные компоненты, которые наилучшим образом отражают вклад каждого исходного признака в новый. По сути, каждый новый признак аккумулирует в себе исходные, поэтому для описания большей части изменчивости достаточно проанализировать меньшее количество новых признаков.

Типология лиц по результатам многомерного анализа

Подробно разработанная нами типология описана в статье (Веселкова и др. 2016), здесь мы лишь кратко излагаем её основные принципы.

Типологическая схема представляет собой систему трёх координат (отдельно для мужчин и для женщин) – первых трёх главных компонент, которые суммарно описывают 68,2% и 69,1% изменчивости для мужчин и женщин соответственно. Первая главная компонента учитывает тотальные размеры лица, разделяя всю выборку по вектору микро-/макросомии таким образом, что на одном полюсе нового признака (первой главной компоненты) оказываются крупные лица, причем большую значимость для разделения лиц оказывают высотные размеры лица. Вторая главная компонента разделяет всю выборку на основании соотношений высоты и ширины лица, третья учитывает соотношение размеров рта и носа, т.е. центральную часть лица. Наглядно представить типологию помогает рисунок 2 (рис. 2). Для упрощения кар-

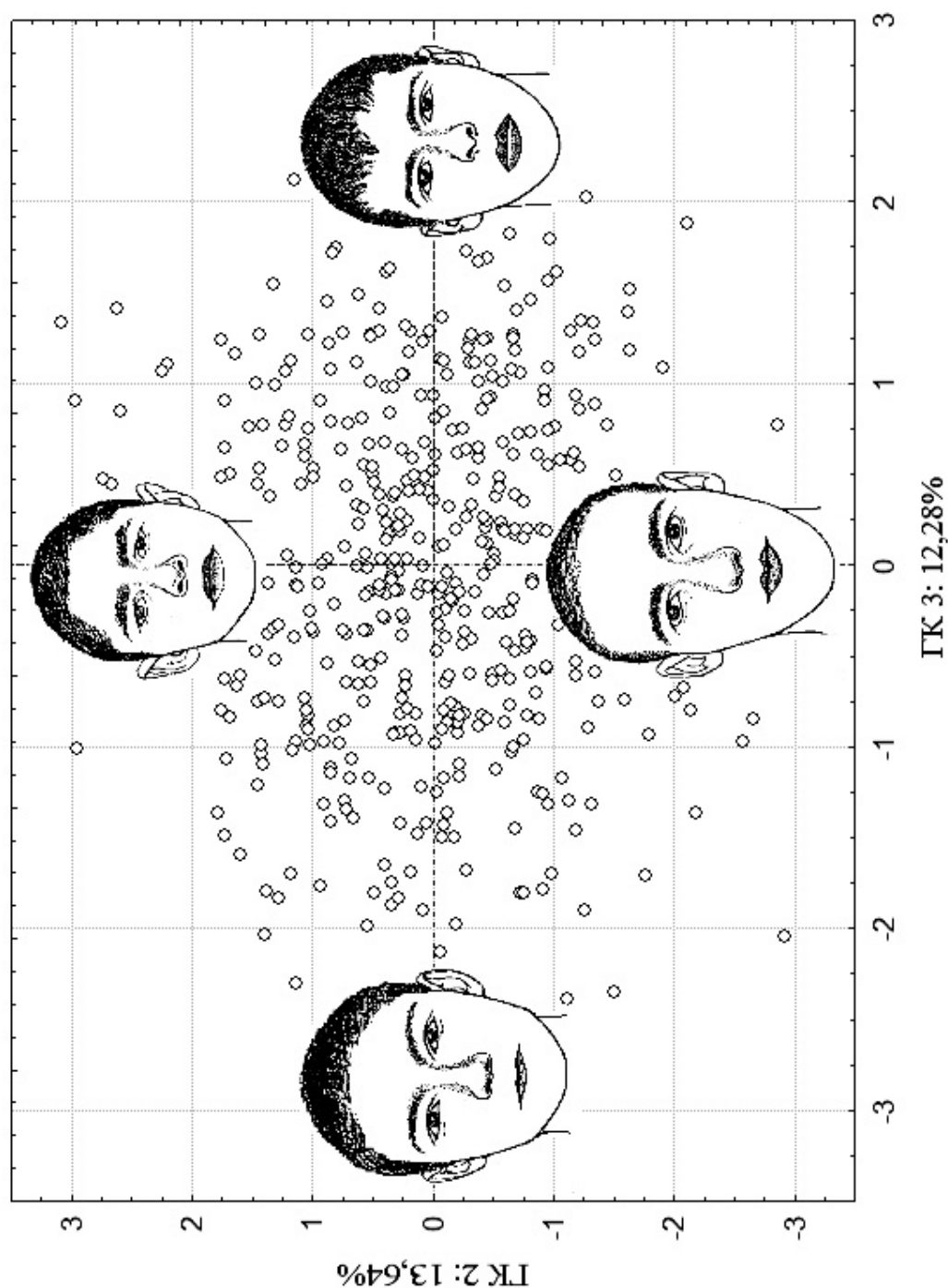

Рис. 2.
Распределение
индивидов в
пространстве
второй и
третьей главных
компонент
(мужчины).

тины здесь рассматривается распределение индивидов в пространстве только второй и третьей главных компонент.

По второй главной компоненте на одном полюсе оказываются индивиды с широким в целом лицом, широкими носом и ртом, но небольшой верхней высотой лица и, соответственно, небольшой высотой носа; на другом полюсе помещаются индивиды с вытянутым, относительно узким лицом, высоким и узким носом и нешироким ртом. По третьей главной компоненте выделяются люди с невысоким носом, но толстыми губами, и люди с высоким носом и тонкими губами. Закономерности изменчивости признаков в женской выборке аналогичны.

Определение положения индивида в пространстве главных компонент

Индивидуальные значения первой, второй и третьей главных компонент для любого индивида (в том числе не входившего в исходную выборку, на основе которой получены предложенные уравнения) можно получить по готовым формулам, рассчитанным на основе метода В.Е. Дерябина (Дерябин 2008):

1. для мужчин

- $y_{1j} = -0,2280X_{1j} - 0,1919X_{2j} - 0,4712X_{3j} - 0,4180X_{4j} - 0,2811X_{5j} - 0,2865X_{6j} - 0,3439X_{7j} - 0,2410X_{8j} - 41,55;$
- $y_{2j} = -0,0997X_{1j} + 0,2159X_{2j} - 0,1443X_{3j} + 0,6791X_{4j} + 0,4499X_{5j} - 0,2612X_{6j} - 0,2439X_{7j} - 0,2466X_{8j} + 8,2732;$
- $y_{3j} = 0,0670X_{1j} - 0,0702X_{2j} - 0,1583X_{3j} - 0,2001X_{4j} - 0,0176X_{5j} - 0,2992X_{6j} - 0,0970X_{7j} - 0,9705X_{8j} - 1,1293.$

2. для женщин

- $y_{1j} = -0,2390X_{1j} - 0,2034X_{2j} - 0,3774X_{3j} - 0,3745X_{4j} - 0,2622X_{5j} - 0,3180X_{6j} - 0,3406X_{7j} - 0,3919X_{8j} - 41,4849;$
- $y_{2j} = -0,1298X_{1j} + 0,0918X_{2j} + 1,2301X_{3j} + 0,5581X_{4j} + 0,4945X_{5j} - 0,0111X_{6j} - 0,2214X_{7j} - 0,4793X_{8j} + 15,6956;$
- $y_{3j} = 0,0194X_{1j} + 0,0552X_{2j} - 1,3023X_{3j} + 0,7573X_{4j} + 0,2483X_{5j} - 0,3600X_{6j} - 0,1270X_{7j} + 0,4332X_{8j} - 1,5114.$

Здесь X_1 – высота лица, X_2 – ширина лица, X_3 – ширина глазной щели, X_4 – ширина носа, X_5 – ширина губ, X_6 – высота носа, X_7 – высота губ, X_8 – толщина губ. Коэффициенты уравнения учитывают значения собственных векторов главных компонент и условия нормировки исходных признаков.

Полученные значения показывают степень отклонения индивида от центральной точки распределения всех индивидов в пространстве новых признаков.

С помощью этих уравнений можно не только вычислить положение индивида в пространстве главных компонент и тем самым точно определить, к какому типу он относится, но и отсеять заведомо отличающихся индивидов, задав нужные границы величин главных компонент. Например, ограничив значения второй и третьей главных компонент $\pm 0,5$ сигмы от координат выбранного индивида, что отмечен красной точкой (рис. 3), мы получаем 9 близких по типу лиц (одно изображение не отражено на рисунке удобства ради).

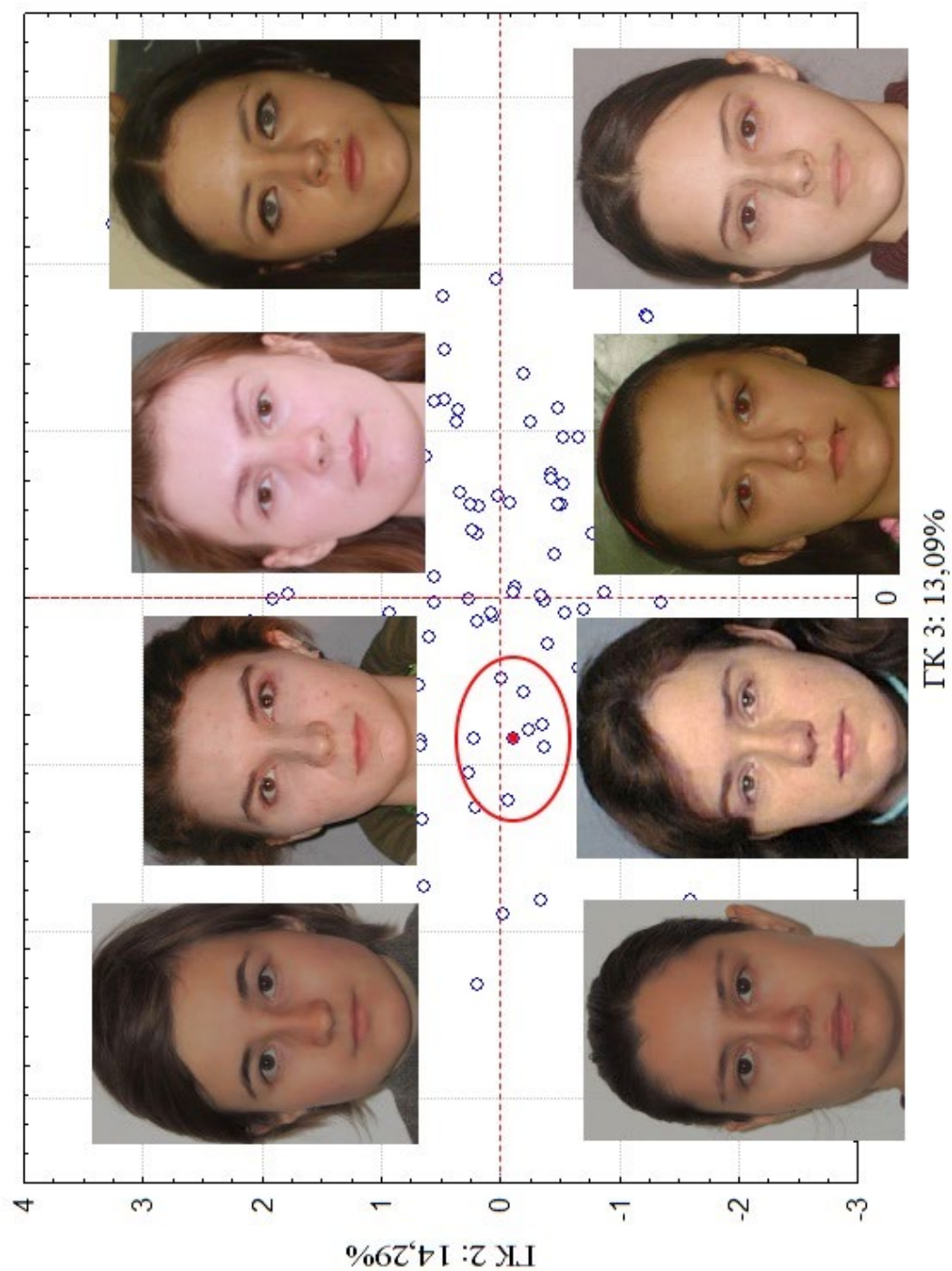

Рис. 3.
Выделение
индивидов,
близких по типу
к исследуемому.
Красный эллипс
ограничивает
область $\pm 0,5$
сигмы от
координат
выбранного
индивида).

Методы определения места индивида в многомерном пространстве признаков – инструменты для выделения редких и частых сочетаний

Для этой цели мы реализовали с помощью программы «Microsoft Office Excel» математический аппарат, предложенный В.Е. Дерябиным (Дерябин 2008) для определения места индивида в двумерном/многомерном корреляционном эллипсе/эллипсоиде и в пространстве главных компонент. В первую очередь его применяют для выделения заметно отличающихся наблюдений. Используя этот подход, можно также определить, попадает ли индивид по набору измеренных признаков в число редких/средних вариантов, задав заранее границы таковых.

Для двумерного случая рассчитывается величина C – доля всех наблюдений, попадающих в корреляционный эллипс заданной вероятности.

$$C^2 = \frac{1}{1-r^2} \left[\left(\frac{X_{1i} - \bar{X}_1}{s_1} \right)^2 + \left(\frac{X_{2i} - \bar{X}_2}{s_2} \right)^2 - 2r \left(\frac{X_{1i} - \bar{X}_1}{s_1} \right) \left(\frac{X_{2i} - \bar{X}_2}{s_2} \right) \right]$$

$$C^2 = \frac{1}{1-r^2} \left[\left(\frac{X_{1i} - \bar{X}_1}{s_1} \right)^2 + \left(\frac{X_{2i} - \bar{X}_2}{s_2} \right)^2 - 2r \left(\frac{X_{1i} - \bar{X}_1}{s_1} \right) \left(\frac{X_{2i} - \bar{X}_2}{s_2} \right) \right] \quad (1),$$

где r – коэффициент корреляции двух выбранных признаков, S_1 и S_2 – стандартные квадратичные отклонения для данных признаков, X_{1i} и X_{2i} – значения признаков для конкретного индивида, $\bar{X}$ – средние значения соответствующих признаков.

С помощью показателя C можно рассчитать долю наблюдений, которые оказываются ближе к центру корреляционного эллипса, чем заданная исследователем граница. Например, при необходимости можно рассчитать границы узкой нормы (50% наблюдений, $P=0,5$) и определить, попадает ли изучаемое наблюдение в эти границы.

Показатель C связан с соответствующей ему вероятностью P .

$$P = 1 - e^{-\frac{C^2}{2}} \quad P = 1 - e^{-\frac{C^2}{2}} \quad (2).$$

Выражение для C является уравнением корреляционного эллипса. Определить место индивида в нем можно двумя способами: графически или рассчитав значение величины P . В первом случае строятся несколько концентрически расположенных эллипсов с заданной вероятностью, отделяющих средние и редкие значения (например, включающие 50% и 90% наблюдений). В зависимости от того, в какую зону попадает индивид, можно судить, насколько редким/частым является характерное для него сочетание признаков. В качестве примера приведен корреляционный эллипс для признаков, наиболее значимых по результатам компонентного анализа – толщина губ и высота носа (рис. 4). Легко определяются индивиды с редкими сочетаниями признаков.

Более простым (при наличии готового модуля для вычислений), но менее наглядным является расчет индивидуальных значений P . Подставив в готовые уравнения индивидуальные значения выбранных признаков, исследователь на основе величины P может сделать вывод, являются ли параметры данного индивида типичными/редкими.

В случае, если изучаемое наблюдение попадает в границы узкой или широкой нормы, можно говорить, что оно является в той или иной степени типичным. В каком-то смысле P – вероятность «вылета» конкретного индивида из выборки.

Например, если рассчитанное по исходным признакам значение P для конкретно-

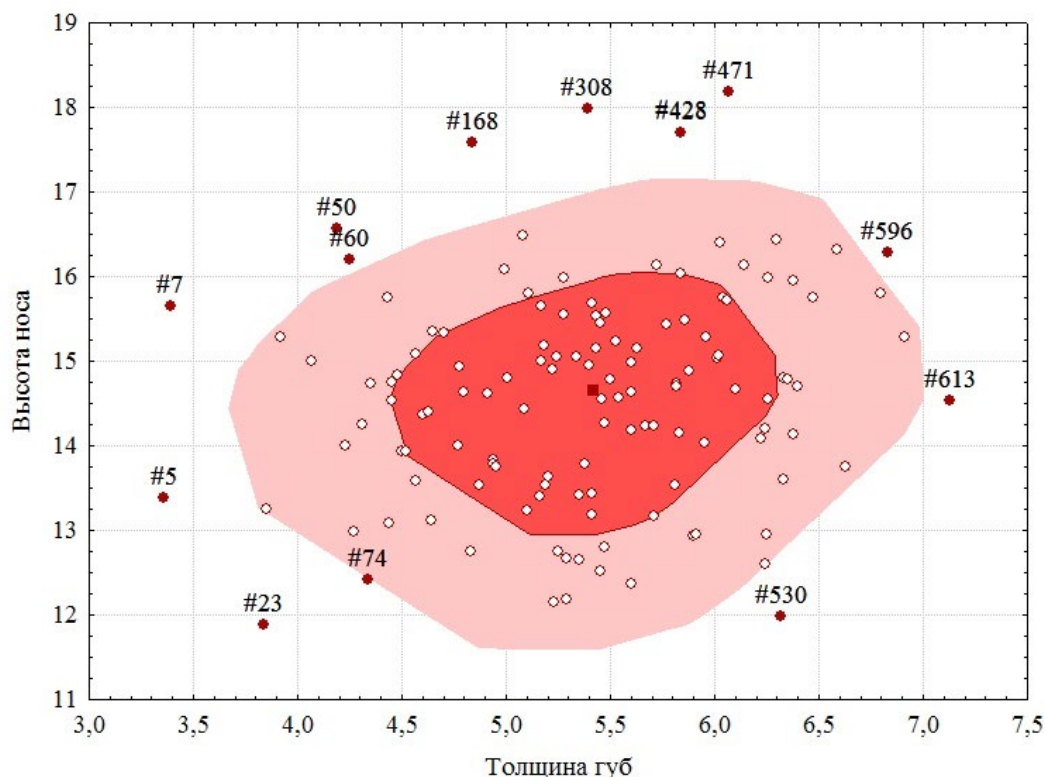

Рис. 4. Распределение индивидов в корреляционном эллипсе для признаков «толщина губ» и «высота носа» (женщины).

го индивида превысило заданное исследователем значение 0,9, это будет означать, что изучаемый индивид имеет такое сочетание признаков, которое относится к числу редко встречаемых для данной выборки.

В многомерном случае аналогом величины S является так называемое расстояние Махаланобиса (D_m^2), которое характеризует расстояние от индивида до центра многомерного корреляционного эллипса (Дерябин 2008).

Данная величина имеет распределение χ^2 с числом степеней свободы ν равным m – числу признаков (в нашем случае оно равно восьми). Тогда определить, какая доля P всего распределения χ^2 оказывается внутри корреляционного эллипсоида, определяемого соответствующим значением D_m^2 , можно с помощью таблиц распределения или с применением соответствующих компьютерных программ.

Заключение

Морфологическая типология лиц, разработанная с применением анализа главных компонент, позволяет не только объективно определять положение индивида в пространстве её координат, но и с успехом производить отсев заведомо отличающихся изображений. Причём степень точности отбора задаёт сам исследователь. Методы определения положения индивида в пространстве отдельных признаков, являясь инструментами вычисления частоты встречаемости конкретного сочетания признаков, также могут найти своё применение. Это может быть полезно в случае, когда

нет возможности измерить полный набор параметров. Необходимые вычисления с успехом проводятся в программе «Microsoft Office Excel», однако для экспертного использования необходимо создание отдельного программного аппарата.

Благодарности

Авторы статьи глубоко признательны ООО «Барс Интернешнл» в лице Александра Михайловича Банникова, Елизавете Валентиновне Веселовской и Надежде Ивановне Павловой за любезно предоставленные для работы материалы.

Литература

- Балуева, Лебединская 1997 – Балуева Т.С., Лебединская Г.В. Взаимосвязь между морфологическими признаками лица и черепа // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Бунак 1941 – Бунак В.В. Антропометрия. Практический курс. М.: Наркомпрос РСФСР, 1941.
- Веселкова и др. 2016 – Веселкова Д.В., Гончарова Н.Н., Абрамов А.С. Морфологическая типология лиц. Опыт применения анализа главных компонент в краниофациальной идентификации // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2016. № 3. С. 4–16.
- Веселовская и др. 2013 – Веселовская Е.В., Абрамов А.С., Долгов А.А., Бобрецов И.В. «Программа краниофациального соответствия» при проведении антропологических исследований и практический случай ее использования // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития. Под ред. В.А. Клевно. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию МКО БСМЭ Московской области. М.: ГБУЗ МО «Бюро СМЭ», 2013. С. 116–123.
- Веселовская 2015 – Веселовская Е.В. Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение, 2015. № 2. С. 83–98.
- Герасимов 1955 – Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Дерябин 1986 – Дерябин В.Е. Построение морфологической типологии у мужчин методом главных компонент // Вопросы антропологии, 1986. Вып. 79. С. 3–20.
- Дерябин 2006 – Дерябин В.Е. Курс лекций по общей соматологии. Часть II. М., 2006. Деп. в ВИНТИ № 1219- В2006.
- Дерябин 2008 – Дерябин В.Е. Курс лекций по многомерной биометрии для антропологов. М.: ООО «Петроуш», 2008.
- Зинин 2006 – Зинин А.М. Руководство по портретной экспертизе: учебное пособие. М.: Эксмо, 2006.
- Снетков и др. 1970 – Снетков В.А., Зинин А.М., Виниченко И.Ф. Типы и элементы внешности (ТЭВ). М.: изд. ВНИИ МВД СССР, 1970.
- Negascheva 2000 – Negascheva M.A. Erfahrungen mit dem Aufbau der morphologischen Typologie des Gesichtes // Anthropologischer Anzeiger. September, 2000. Vol. 58. No 3. Pp. 299–308.

References

- Balueva T.S., Lebedinskaia G.V. Vzaimosviaz' mezhdru morfologicheskimi priznakami litsa i cherepa // Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda. Moscow: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii RAN, 1997.
- Bunak V.V. Antropometriia. Prakticheskii kurs. Moscow: Narkompross RSFSR, 1941.
- Deriabin V.E. Postroenie morfologicheskoi tipologii u muzhchin metodom glavnykh komponent // Voprosy antropologii, 1986. Vol. 79. Pp. 3–20.

- Deriabin V.E. Kurs lektsii po obshchei somatologii. Vol. II. Moscow, 2006. Dep. v VINITI No. 1219- B2006.
- Deriabin V.E. Kurs lektsii po mnogomernoi biometrii dlia antropologov. Moscow: OOO "Petrorush", 2008.
- Gerasimov M.M. Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyi chelovek). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955.
- Negasheva M.A. Erfahrungen mit dem Aufbau der morphologischen Typologie des Gesichtes // Anthropol. Anz. Sept., 2000. Vol. 58. Pp. 299–308.
- Snetkov V.A., Zinin A.M., Vinichenko I.F. Tipy i elementy vneshnosti (TEV). Moscow: izd. VNII MVD SSSR, 1970.
- Veselkova D.V., Goncharova N.N., Abramov A.S. Morfoloicheskaia tipologiya lits. Opyt primeneniia analiza glavnnykh komponent v kraniofatsial'noi identifikatsii // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 23. Antropologiya, 2016. No. 3. Pp. 4–16.
- Veselovskaia E.V. Kraniofatsial'nye proporsii v antropologicheskoi rekonstruktsii // Etnograficheskoe obozrenie, 2015. No. 2. Pp. 83–98.
- Veselovskaia E.V., Abramov A.S., Dolgov A.A., Bobretsov I.V. "Programma kraniofatsial'nogo sootvetstviia" pri provedenii antropologicheskikh issledovaniy i prakticheskii sluchai ee ispol'zovaniia // Aktual'nye voprosy mediko-kriminalisticheskoi ekspertizy: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu MKO BSME Moskovskoi oblasti, ed. V.A. Klevno. Moscow: GBUZ MO "Biuro SME", 2013. Pp. 116–123.
- Zinin A.M. Rukovodstvo po portretnoi ekspertize: uchebnoe posobie. Moscow: Eksmo, 2006.

D.V. Veselkova, N.N. Goncharova, A.S. Abramov. A morphological typology of a face and its applicability for identification.

Development of tools to improve the accuracy of identification does not lose its relevance. For this task, the morphological typology of faces we created using principal component analysis, allows to take into account the regularities of mutual variation of face characteristics that makes its description more objective. This typology is a system of three coordinates (the first three principal components) in which the position of any individual is easily calculated by the developed equations. In this article, we considered the possibility of its application to narrow down the search range of images by specifying the boundaries of the values for each coordinate. In addition, the method of determining the frequency of occurrence of a particular combination of characteristics and identification of rare/common combinations for two-dimensional and multidimensional space was proposed.

Key words: face typology, personal identification, principal component analysis (PCA).

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 39

© В.Ц. Головачев

**ПУТЕШЕСТВИЕ П.И. ИБИСА НА ТАЙВАНЬ В 1875 г.:
ТЕМАТИКА, МЕТОДИКА И ИНСТРУМЕНТАРИЙ
ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В январе-феврале 1875 г. прапорщик корпуса морских штурманов П.И. Ибис (1852–1877) совершил беспрецедентное этнографическое путешествие по Тайваню. После безвременной смерти имя молодого исследователя было незаслуженно забыто на целое столетие. Однако его уникальный вклад в этнологическое изучение острова заслуживает широкого признания и специального изучения. В статье рассмотрены инструментарий, методы и тематика, оценивается уровень полевых научных исследований российского морского офицера, посвятившего себя, казалось бы, далеким от моря и военной службы «сухопутным» исследованиям.

Ключевые слова: Ибис, корвет «Аскольд», путешествие, Тайвань, Формоза, этнография, этнология.

В 1860–1870-х годах Тайвань (Формоза) представлял собой далекую захолустную окраину китайской империи. Принудительное открытие границ Китая после двух Опиумных войн (в 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.) сделало доступным для иностранцев и этот малоизученный, лишь частично освоенный китайцами остров. Одними из первых россиян, воспользовавшихся возможностью регулярно посещать Тайвань с техническими, разведывательными и научными целями, были крейсировавшие в Тихом океане военные моряки.

В 1874 г. японское правительство отправило на юг Тайваня военную экспедицию, поводом для которой стал «Муданьский инцидент» (по названию деревни Мудань; по-японски – Ботан) – истребление в 1871 г. аборигенами 54 из 66 рыбаков с островов Рюкю, потерпевших кораблекрушение у южных берегов Формозы. 12 рыбаков были спасены китайцами и возвращены в Японию. Японские власти потребовали от Пекина покарать аборигенов, а затем решили сделать это своими силами, поставив под вопрос суверенные права Китая над Тайванем.

Военная экспедиция 1874 г. спровоцировала дипломатическую войну между Пекином и Токио, из-за которой остров внезапно попал в фокус внимания всей мировой общественности. Одним из россиян, с особым вниманием наблюдавшим (видимо, по приказу командования) за развитием событий на Тайване, был прапорщик корпуса морских штурманов Павел Иванович Ибис – (Пауль Юган [Иоганн] Ибис,

Головачев Валентин Цунлиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра тайваньских исследований Института востоковедения РАН. Эл. почта: valliu@complat.ru.

* Автор благодарит общественную организацию «Победа» (г. Севастополь) за спонсорскую поддержку исследования.

1852–1877), участник кругосветного плавания на корвете «Аскольд» (1872–1876 гг.).

В январе 1875 г., всего через месяц после вывода японских войск, Павел Ибис прибыл на Тайвань из Гонконга и совершил в одиночку путешествие из порта Гаосюн (Такао) на юг, а затем прошел пешком на самый север острова, до порта Цзилун. Подробный отчет об итогах почти пятисоткилометрового двухмесячного путешествия он опубликовал в виде двух статей: на русском языке в журнале «Морской сборник» (*Ибис* 1876а, 1876b) и на немецком языке в журнале «Globus» (*Ibis* 1877). Эти статьи почти одинаковы по содержанию, но статья 1877 г. заметно доработана: дополнена новыми фактами, деталями и общими сведениями, наблюдениями и выводами, серией из 11 рисунков, картой и сравнительной таблицей слов из разных формозских языков и тагальского языка.

После безвременной смерти П.И. Ибиса из-за болезни весной 1877 г. его статьи¹ были забыты в России на сто с лишним лет. Но сегодня его имя возвращено из забвения, а его вклад в этнологическое изучение острова общепризнан², достаточно велик и заслуживает специального изучения. Для объективной оценки этого вклада необходимо, в частности, рассмотреть инструментарий, методы и тематический спектр полевых этнографических исследований российского путешественника, а также оценить общий научный уровень его работ.

Главной целью Ибиса, как военного офицера, безусловно, была разведка: сбор общих и военных сведений об острове и его жителях, о его портах, оборонительных укреплениях, гарнизонах и китайском военно-морском флоте. Но наряду с тщательными описаниями военных объектов, Ибис уделил особое внимание именно научной части своей экспедиции, что доказывает и название статьи в «Глобусе» – «На Тайване: этнографическое путешествие Павла Ибиса». Этнографическое исследование заявлено главной целью и в статье Ибиса «Экскурсия на Формозу», изданной годом ранее в «Морском сборнике». Вот как пишет об этом сам Ибис: «Экспедиция японцев на Формозу и следующие за нею несогласия между Китаем и Японией обратили всеобщее внимание на этот остров. Зная, что внутренность его еще мало исследована, особенно в этнографическом отношении, мне пришла мысль предпринять туда путешествие, чтобы познакомиться с жизнью и нравами его обитателей. Возможность дать об них какие-либо новые сведения еще больше подкрепила мое намерение»³ (*Ибис* 1876а: 111).

И далее, в конце статьи в «Глобусе» Ибис скромно подчеркивает: «Каким бы малым ни оказалось мое сообщение, тем не менее, все то, что мне удалось сделать за два месяца, имеет единственную цель повысить осведомленность научно мыслящих путешественников об этом прелестном и столь малопосещаемом регионе Восточной Азии...» (*Ibis* 1877: 234).

Исходя из названной цели (путешествие ради этнографических исследований), Ибис наметил план экспедиции, куда включил такие задачи: пройти весь остров с юга на север, посетить и «познакомиться» с некоторыми туземными племенами, раньше не посещаемыми европейцами, собрать этнографические, антропометрические и лингвистические сведения, провести сравнительное исследование и уточнить выводы о происхождении туземцев. Ибис также надеялся проверить предания о существовании в глубине Формозы «папуасского племени», принадлежавшего к некоей «темной расе»: «Соображаясь с данным мне временем, я составил себе следующий план: пройти весь остров с юга на север, посетить, возможно, большее число туземных племен,

собирать слова их языков и заниматься телоизмерениями. Так я надеялся прийти к более определенному выводу относительно происхождения туземцев Формозы, которые будучи раздроблены на множество мелких и самостоятельных племен, живущих под особыми местными условиями, отличаются друг от друга в образе жизни, в языке и даже в наружности. <...> А во-вторых, ответить на вопрос о том, существует ли во внутренней Формозе темная раса, папуасское племя, как это утверждал Фр. Мюллер в его этнографии (Novara-Reise), или нет...» (*Ibis* 1877: 149).

Выполнение этого амбициозного плана было сопряжено с множеством трудностей и крайне высокими рисками, что признает сам исследователь. Эти риски и трудности были связаны с нездоровым «лихорадочным» климатом и сложным ландшафтом острова, неразвитостью дорог и транспорта, кратким сроком путешествия, враждебностью ряда аборигенных племен, известных традицией «охоты за головами», и даже с частыми для острова землетрясениями. В итоге, как признает Ибис, «Выполнить эту программу было конечно труднее, чем сначала казалось. Пришлось всегда ходить пешком, так как на Формозе нет ни лошадей, ни мулов, а паланкины, кроме того что дороги, ходят только по известным совершенно безопасным дорогам. Также препятствовала мне во многом трусость моих китайских кули. Китаец ни за что не решается идти в территорию горцев; слово “кал ё” (дикарь) для него однозначущее со смертью. Это обстоятельство разрушило мой план – пройти на север по восточному берегу острова, где потребовались бы большие запасы и носильщики посмелее китайцев (*Ибис* 1876а: 112).

Будучи военным моряком, Ибис не имел специальной подготовки в области этнологии и потому сам прямо именует себя исследователем-дилетантом. Основные практические и теоретические знания были приобретены им накануне и в ходе экспедиции, а также при последующей обработке полевых материалов с целью их публикации. Какие же ресурсы (средства, инструментарий, методики и знания) были задействованы Ибисом для реализации целей и задач своих этнографических исследований? Попробуем рассмотреть ниже все названные аспекты.

Покинув Гонконг с позволения командира Тихоокеанского отряда судов контр-адмирала Ф.Я. Брюммера, Ибис прибыл на остров с небольшим багажом, включавшим личные вещи и рабочие инструменты, а также лекарства, оружие и деньги, предоставленные флотским командирами. При Ибисе была и пачка рекомендательных писем от гонконгских знакомых «к тамошним миссионерам и агентам торговых домов, которым много обязан за их полезные советы, гостеприимство и искреннее сочувствие, которое они выказали к моему предприятию» (*Ибис* 1876а: 112).

Скромный набор инструментов, захваченных Ибисом для ведения полевой работы, включал блокноты, пишущие принадлежности для записей и рисунков, кронциркуль, линейку, карту и, вероятно, ручной компас (*Ibis* 1877: 149).

Приведенные в статьях Ибиса подробные описания людей, местности и событий свидетельствуют о том, что по дороге он вел путевой дневник. Если ведение рабочих записей было малоприметным рутинным занятием, то ситуативные зарисовки местности, поселений, строений и людей привлекали повышенный, обычно благожелательный интерес формозцев, многие из которых, увидев умелые рисунки Ибиса, охотно позировали ему.

Куда более сложную реакцию вызывал стальной штурманский кронциркуль, которым Ибис производил антропометрические измерения. Кривые «лапы» этого неведомого орудия неизменно ужасали формозцев. С присущей ему живостью и мягкой

иронией Ибис так описал инцидент с кронциркулем при первой встрече с туземцами в деревне Лам-сио: «На рыночной площади суежилась пестрая толпа – китайцы и китайки, громко о чем-то рассуждавшие; полунагие туземцы, вооруженные длинными ножами, пиками, ружьями, и женщины с яркими бусами и цветами в волосах. “Кале!” – вскрикнули от испуга мои кули, указывая на дикарей, и сердце мое забилося от радости, – это были действительно туземцы Формозы, малайцы, для которых я приехал сюда. При моем приближении женщины-туземки разбежались по хижинам, а мужчины спрятались за китайцев. Однако самшу (китайская рисовая водка), порох и разные безделушки привлекли их мало помалу ко мне, так что удалось записать несколько слов из их языка и даже срисовать двух-трех человек, телоизмерения же, которые я надумал делать, никак не ладились, – голову одного я кое-как вымерил, но железный крумциркуль привел его в такой ужас, что он в первый свободный момент убежал и больше уже не показывался» (Ибис 1876а: 127–128).

Рис. 1. Художник-иностранец рисует портрет формозского аборигена (Illustrated London News 1859: 294).

Позднее казус с кронциркулем повторился на дороге, по пути на самый юг острова: «Милях в четырех от Гон-Конга я внезапно встретился с несколькими туземцами из племени Кваян или Кай-уан, грязными, плохо одетыми и очень подозрительными на вид молодцами <...> я вовсе не чувствовал себя в игривом настроении духа; их грязные отталкивающие физиономии далеко не внушали к себе доверия, кроме того, не могли же они знать, враг ли я им или нет, тем более, что я шел с китайцами, прямыми их врагами. Но эта обоюдная напряженность постепенно улеглась, особенно когда я, для лучшего доказательства своих миролюбивых тенденций, пустил свой табак в ход. Кончилось тем, что я одного субъекта срисовал, даже принялся вымеривать его, но несчастный крумциркуль испортил опять все дело» (*Ибис* 1876а: 141–142).

В дальнейшем, для выполнения замеров Ибис придумал целую процедуру, описанную в статье 1877 г. Приступая к работе он заранее выкладывал возле себя подарки (водку, табак, бетель, порох или другие приятные мелочи), которые обещал отдать, если туземец спокойно вытерпит всю процедуру. Если тот все еще колебался (что бывало редко, так как водка выглядела слишком заманчиво), Ибис объяснял, что он – врач, а врач должен изучать (измерять) людей, чтобы хорошо лечить их. Обычно эта тактика срабатывала. Сначала Ибис осторожно обмеривал измерительной лентой руки, ноги, тело и голову. И лишь под конец доставал кронциркуль, при виде которого некоторые туземцы сбегали даже несмотря на обещанные водку и порох. (*Ibis* 1877: 182)

При переходах по острову, ориентировании на местности и описаниях ландшафта Ибис пользовался картой, что подтверждает регулярное указание координат поселений и районов обитания туземных племен, а также одно упоминание того, что на юге острова есть реки, не нанесенные на английскую карту Формозы (*Ибис* 1876b: 128). Это замечание порождает вопрос о том, какую карту использовал для путешествия по острову Ибис? Вероятно, это была профессиональная морская карта из набора рабочих штурманских карт с корвета «Аскольд», а именно, обнаруженная нами в фондах РГАВМФ «Карта острова Формоза и Пролива» (FORMOSA I^d. and STRAIT. CHINA SEA), основанная на съемке 1867 г. с дополнениями и уточнениями данных в 1868 г., 1870 г. и последующих годах (РГАВМФ: Ф. 1331, оп. 7, ед. хр. 1478). Предварительное сравнение с путевыми записями Ибиса вполне однозначно показывает, что он использовал аналог именно этой карты, на которой были указаны примерные районы обитания разных туземных племен, что во многом облегчало осуществление планов Ибиса.

Выполнению миссии Ибиса, безусловно, способствовало прекрасное образование, полученное им в петербургском Морском училище, где кадетам преподавали, помимо навигации, астрономии и физической географии, еще и историю, иностранные языки, «ситуативное черчение» и другие полезные для исследовательской работы дисциплины.

Знакомясь с общей обстановкой на острове и ходом японской военной экспедиции 1874 г. Ибис собирал статьи из англоязычных газет, выходивших в Японии и Китае. В своих работах он ссылается на японскую газету *Rising Sun* («Асахи»), данные из *Customs gazette* и статьи бывшего американского консула в Амое генерала Лежандра (*Ибис* 1876а: 115, 145; *Ибис* 1876b: 123; *Ибис* 1875с: 121–122). Краткий экскурс в историю правления голландцев на острове в XVII в. (1624–1662 гг.) составлен Ибисом на основе старинной голландской книги «Потеря Формозы» (*Verwaerloos de Formosa of Warachtig Verhaer t' Amsterdam* 1675), а основой для постановки и изучения языковых проблем стала книга профессора восточной лингвистики Венского университета

Фридриха Мюллера, исследовавшего малайско-полинезийские языки⁴ (Muller 1867). Очевидно, Ибис был знаком и со статьями о странах Азии из журналов «Живописное обозрение» и «Globus», которые неоднократно публиковали его собственные статьи.

Говоря об инструментарии и методиках путешественника, следует особо остановиться на способах его коммуникации с островитянами. В свои 23 года Ибис хорошо владел немецким, эстонским, русским и английским языками. Так как в ту пору на острове жили, по большей части, англоязычные иностранцы (среди них было лишь двое русских и несколько немцев), главным средством общения Ибиса с местным населением стал английский язык. В статье 1876 г. путешественник шесть раз упоминает сопровождавшего его переводчика. При этом в первом случае сообщает, что один из его носильщиков говорил немного по-английски и мог служить переводчиком. Поскольку языковые познания носильщика были заведомо скудны, в разделе о племени *санрэк* Ибис сетует, что вынужден собирать сведения «без знания языка и с плохим переводчиком». Как правило, при общении с туземцами «толмач» переводил с английского на китайский, после чего кто-то из туземцев переводил речь с китайского на свои языки. Можно лишь удивляться настойчивости, терпению и таланту Ибиса, собравшего подробные расспросные сведения при помощи подобного «двойного перевода». В ряде случаев, чтобы восполнить дефицит и даже полное отсутствие вербального общения, Ибис объяснялся с аборигенами жестами, рисунками или просто слушал их музыку и песнопения, участвовал в трапезах и охоте, созерцал праздничные действия и аккуратно фиксировал даже самые мельчайшие визуальные наблюдения, звуки, запахи и пр.

Для ведения намеченных этнолингвистических изысканий Ибис составил небольшой словарь местных языков и с его помощью сравнивал отдельные слова из языков аборигенов острова с языком жителей филиппинских островов. Благодаря сравнительной таблице, помещенной в журнале «Глобус», Ибис выявил их большое сходство с тагальским языком и высказал гипотезу о малайско-филиппинских корнях части тайваньцев: «Взяв напр. 60 тагальских слов, я только на 16 не нашел соответствующих в формозских диалектах, в остальных 44-х ясно виден один и тот же корень и некоторые даже одинаковы. Ближе всех подходят к тагальскому – наречия племен Катсаусан, Бантауранг и Пилам. Из этого я вывожу, что Формоза заселена с Филиппинских островов, именно с Люссона тагальскими переселенцами» (Ибис 1876b: 140).

Не ограничившись этой смелой гипотезой о происхождении формозцев и путях заселения Формозы с Филиппинских островов, а также с юга на север в пределах острова, Ибис не менее смело высказывает мнение и о возможном времени этих переселений в первые века «нашего летоисчисления». Свою гипотезу он аргументирует ссылкой на различия в «степени развития» тагалов и коренных формозцев и при этом указывает на необходимость ее проверки путем дальнейших палеолингвистических исследований: «Из этого я вывожу, что Формоза заселена с Филиппинских островов, именно с Люссона тагальскими переселенцами. Это переселение не могло быть позже первых столетий нашего летоисчисления, когда тагалы, вступая в сношения с индийцами, стояли уже на некоторой степени развития, следов которого на Формозе не заметно. Я думаю, что подробное лингвистическое исследование языка формозцев, относительно богатства слов и грамматического строя, покажет время этого переселения» (Ибис 1876b: 141).

Хотя современные ученые (этологи, палеолингвисты и др.) расходятся в отношении направлений и датировки древних миграций (многие из них доказывают, что

заселение Австронезии шло из Тайваня, а не наоборот), версия Ибиса о тесной связи аборигенных языков Тайваня с другими австронезийскими языками является корректной и по-прежнему интересна с точки зрения истории лингвистики.

Таким образом, использованные Ибисом материалы помогли четко определить теоретические и эмпирические цели и задачи его этнологического исследования. Солидная самоподготовка (вопреки трудным условиям кругосветного плавания) позволила ему освоить и грамотно применить комплексные методы полевых этнологических исследований, включавшие изучение всех доступных письменных источников, сбор расспросных сведений у местных жителей и иностранных резидентов, а также личные наблюдения, зафиксированные в записях и рисунках.

Хотя Ибис ставит главной целью изучение туземных племен, тематика его статей более обширна и содержит историко-этнографические описания всех основных этнических групп населения острова: китайцев (в т. ч. народности *хакка*), китайзированных равнинных аборигенов *пепо* и независимых горных племен из разных аборигенных народностей. Описания каждой из этих групп и предпринятые Ибисом попытки их предварительного сравнения, безусловно, заслуживают отдельного профессионального исследования. Для наглядности приведем ниже краткие описания народностей *пепо* и *хакка*: «Теперешние Пепо-Уан, встречающиеся на протяжении с лишком сорока миль (от Банкимтсынга до Ка-ги) происходят, вероятно, от нескольких отдельных племен, особенности которых изгладились под влиянием принятой ими китайской цивилизации и взаимным смешением. Можно предположить, что в них есть и частица китайской крови. Цвет кожи у Пепо светлее, чем у прочих горцев, и они выше их ростом, но не такого крепкого сложения, и черты лица мягче. Учение Конфуция, китайская культура и костюм приняты ими почти повсюду; только женщины сохранили еще некоторые особенности в одежде (громадные чалмы, короткие кофточки и большие черные платки); но эти особенности встречаются только в гористой местности – в Банкимтсынге, напр., кроме обычая обвязывать волосы красными лентами, все остальное – китайское. По словам миссионеров, характер Пепо добрый и миролюбивый» (Ибис 1876b: 128–129).

Знаменитая китайская народность (субэтнос) *хакка* выглядят в кратком описании Ибиса таким образом: «Восточная часть этих гор обитаема народом Пепо, а западная – преимущественно китайцами, между которыми видел я нескольких субъектов с большими прямыми глазами, большой бородой и чертами лица почти индогерманской правильности; но цветом кожи они темнее обыкновенных китайцев. Их называют Хакка. Происхождение их, кажется, еще не определено; некоторые говорят, что они обкитаевшиеся цыгане, другие – что аборигены южно-китайских гор, переселившиеся издавна на Формозу. Женщины Хакка не уродуют своих ног» (Ибис 1876b: 131–132).

Значительно более подробные сведения о *хакка* и *пепо* приведены в статье 1877 г. В целом, в описаниях всех объектов этнографических наблюдений Ибиса заметна хорошо продуманная, четко применяемая методика. Основной порядок изложения, которому Ибис следовал при описании встреченных им племен, наглядно отражен в аннотации к IV главе его русскоязычной статьи: «Племя Сапрэк: наружность, характер и костюм. Деревня и хижины. Занятия Сапрэк, умственное их развитие, нравы и общественное устройство. Торговля» (Ибис 1876a: 131).

При описании формозцев Ибис тщательно фиксирует их расовые признаки, антропометрию («телоизмерения»), половозрастные особенности (мужчины и женщи-

ны, молодежь, взрослые, дети и старики). Он тонко подмечает социальные различия (водители, воины, рядовые соплеменники), положение и поведение женщин, физические, умственные и психические особенности, характер и нравы формозцев, описывает обычаи и традиции, условия обитания (природа и ландшафт, план поселений, устройство жилищ и храмов), быт (обстановка жилищ, пища) и повседневную хозяйственную деятельность (добыча пищи, торговля и пр.), оценивает уровень общественно-экономического и культурного развития, а также особенности межнациональных отношений жителей острова.

При описании внешности формозцев (китайцев, хакка, аборигенов) Ибис отмечает их расовые признаки (цвет кожи, волосистой покров, тип лица и черепа), рост и сложение фигуры (голова, руки, ноги, мускулатура, пропорции частей тела и пр.), татуировки, одежду и украшения, фиксирует особенности поведения и оценивает степень внешней привлекательности. Показательно в этом плане приводимое Ибисом описание людей из племени *пилам* (племя *пуюма*, принадлежащее к народности *бинань*): «Племя Пилам среднего роста, крепкого телосложения, с хорошо развитыми мускулами. Цвет кожи светло-бронзовый. Образование головы и тип лица малайские: лоб прямой, невысокий, скулы выдающиеся и нижняя челюсть особенно широка; глаза лежат прямо, достаточно углублены, но несколько узки и не совсем чистого коричневого цвета; взгляд выразительный; нос широкий, несколько приплюснутый, иногда с небольшим горбом, ноздри немного вздернуты; рот широкий, губы мясисты, но красиво и выразительно обрисованы; уши собственно небольшие, но мочки чрезвычайно расширены вдетыми в них круглыми кусками фарфора, диаметр которых часто больше дюйма; волосы черные с коричневым оттенком, прямые и грубые; борода чрезвычайно редкая; брови красивы, но редко густые. Выражение всей физиономии задумчивое, серьезное, часто мечтательное, даже мрачное. Женщины также, относительно, среднего роста, но некрасивы, — черты лица очень неправильны, шея коротка и плечи слишком высоки для женщины; бюст и таз однако образованы недурно» (Ибис 1876а: 128–129).

Далее Ибис переходит к столь же детальному описанию одежды, причесок и украшений мужчин, стариков и женщин. Вот как он, например, описывает внешность женщин *пилам*: «Татуировки, как у Пилам, так и у всех племен южнее, я никакой не заметил. Женщины, которых я видел здесь, были все одеты, как китайки, в белые широкие штаны и синие блузы с короткими рукавами и разрезами по бокам. Гладко причесанные и завязанные на затылке волосы были разукрашены рядами красных лент и крупных желтых бус, которые обвивают всю голову. У иных было до десяти и более проволочных браслет на руках и множество колец на пальцах» (Ибис 187а: 129).

Как военный человек Ибис уделяет особое внимание описанию примитивного холодного и огнестрельного оружия *пилам* и других племен: «Оружие Пилам составляют прямой нож в два фута с деревянной рукояткою; пика, состоящая из бамбукового шеста фут в 10 длины и прикрепленного к нему острого ножа в 6 или 9 дюймов; простой лук из крепкого дерева с кожаной тетивой и бамбуковые стрелы с железными (не отравленными) оконечностями; и, наконец, фитильное ружье, ствол которого длиною в четыре, а приклад только в один фут...» (Ибис 1876а: 130).

Как молодой мужчина Ибис несколько раз не удерживается и выходит за рамки строго академических описаний женщин, вполне естественно подмечая не только недостатки, но и все природные достоинства аборигенов: «Между женщинами есть

положительно красавицы с темными огненными глазами и роскошными волосами. Лицо у Бантауранг овальнее, чем у прочих племен, очертания носа и рта правильнее, и скулы мало выдаются... Женщины (Катсаусан) также не дурны и с большими выразительными глазами. Они среднего роста, но уже слишком полны. Цвет кожи светло-бронзовый» (*Ибис* 1876b: 129, 120).

Рис. 2. П. Ибис. Девушка из племени Катсаусан (*Globus* 31 1877: 215).

«Жена и хорошенькие дочки его (вождя деревни Сапрэк – В.Г.) были одеты не менее нарядно, особенно последняя. Неуклюжее платье китайнок, которое они с некоторыми изменениями приняли, сидело удивительно ловко и превосходно обрисовывало их полные формы; волосы были слегка прихвачены на затылке и кокетливо обвязаны узким полосатым платком; выбор цветов и умеренность в украшениях свидетельствовали о тонком вкусе и умении одеваться красиво и просто, не скрывая и не теряя при этом ни одной из своих природных прелестей: кроме белого фарфора в ушах и металлических браслетов, других украшений у них не было...».

«Женщины этого племени хорошо сложены, и хорошенькие личики попадаются нередко между ними. Веселый шаловливый вид, лукавый взгляд и наивное кокетство, проглядывающее в costume и во всех их движениях, показывает, что они вовсе не равнодушны

к своим преимуществам и отлично знают себе цену. Положение их, однако, совсем не легкое, – на них лежат все домашние обязанности, обработка огородов и уход за детьми, между тем как мужчины занимаются только охотой и торговлею. Но мужчины обращаются с ними ласково и не ставят своих жен на степень рабынь, как это часто бывает у диких и полудиких народов» (*Ибис* 1876a: 133–138).

Посетив многие районы южной, центральной и северной части острова, вступив в контакты с представителями разных туземных племен и собрав сведения о них, Ибис делает разноплановые предварительные сравнения этих племен и племенных групп. При этом он не просто отмечает локальные расовые и этнокультурные различия, но и дает собственные гипотетические трактовки этих различий, связывая их с внутриостровными миграциями туземцев: «Хотя обитатели южной оконечности, вышеупомянутые 7 племен, можно считать лишь одним племенем <...> – Пилам и Сапрэк не сможет спутать ни с одним из них даже самый равнодушный наблюдатель, так сильна разница в их наружности. Первые на самом деле в среднем некрасивы, с тощими фигурами и грязно-желтой кожей, тогда как вторые, в особенности Пилам, сильны, имеют хорошее сложение и красивую бронзового цвета кожу. В их языках существует такая же разница, хотя те и другие, как все наречия на Формозе,

могут быть прослежены к своим прошлым корням в Тагалоге... Пилам отличаются от Сапрэк лишь тем, что бывают выше ростом и имеют более темные лица. Их женщины в целом непривлекательны и носят на теле больше предметов одежды. В целом эти два племени можно рассматривать как переход от уроженцев южной Формозы к племенам центральной Формозы» (*Ibis* 1877: 200).

Не стесняя себя рамками искусственной академичности и социальных предрассудков, Ибис многократно приводит самые позитивные отзывы о добрых нравах простых формозцев, как китайцев, так и аборигенов. Сравнивая аборигенов он открыто отдает свои личные симпатии племени Сапрэк из народности *пайвань*⁵: «Из всех туземных племен, встреченных мною на Формозе, племя Сапрэк понравилось мне больше всех. Это народ добрый и простодушный, с честным, открытым характером. Имея мало потребностей, удовлетворяемых легким трудом и частью самою природою, они ведут свободную и беззаботную жизнь и, по-видимому, вполне счастливы и довольны своим положением. Это довольство, отражающееся вместе с остальными хорошими качествами в их открытой наружности, придает им ту привлекательность, которая иногда располагает нас к людям и внушает им доверие, несмотря на невзрачную, быть может, их наружность. Сапрэков, впрочем, нельзя называть некрасивыми. Они, правда, малого роста, но сложены хорошо. Черты лица у большинства крупные и неправильные, но спокойное, осмысленное и сдержанное выражение облагораживает их. Кожа темного, но чистого бронзового цвета. Они одеваются опрятно и красиво, отдавая преимущество ярким цветам, особенно желтому и красному — любимым цветам, как кажется, всего малайского племени» (*Ибис* 1876а: 137–138).

Сопоставляя особенности внешности, языка, поведения, материальной и духовной культуры, уровня развития и прочие аспекты, Ибис высказывает собственные предположения о родственных и культурных связях различных племен и народностей острова: «Итак, я сталкивался здесь со следующими туземными племенами: Сабари, Туасок, Вангчут, Бакурт, Кускут, Кантанг и Лионг-руан... Все эти племена более или менее схожи между собою и, по-видимому, говорят на одном диалекте» (*Ибис* 1876а: 115–116).

Отмечая разную степень аккультурации и ассимиляции аборигенов, он оценивает степень их китаизации по китайским элементам одежды, причесок и украшений, бытовой утвари, пище, использованию китайского языка и традиций духовной культуры Китая. Воспользовавшись тем, что его путешествие пришлось на новый год по лунному календарю, Ибис живо описал увиденные празднования китайского нового года, в том числе пение и танцы аборигенов *непо*. Особое внимание он также уделил описанию религиозных служб и обрядов в китайских даоских и буддийских храмах, в христианских миссионерских церквях и в первобытных туземных святилищах.

Таким образом, несмотря на ограниченность технических средств, времени и на многочисленные трудности, возникавшие по ходу экспедиции, П.И. Ибис максимально эффективно воспользовался известными в его время справочно-информационными данными, научными теориями и методиками, что позволило ему достигнуть поставленных целей и позитивно оценить итоги своего путешествия: «Каждый раз, когда ситуация и время позволяли это, я делал вылазки в отдаленные районы, чтобы исследовать местных жителей на их территориях, и они обычно принимали меня очень доброжелательно. Таким образом я вступил в контакты с тринадцатью племенами, измерял их, зарисовывал их, наблюдал их манеры и обычаи, и собирал слова из их языков. Короче, я удовлетворен тем, что достиг своих целей» (*Ibis* 1877: 149).

Вероятно, в данном случае правильнее говорить, что Ибис посетил 13 селений, в которых жили отдельные племена из нескольких народностей острова: *пайвань*, *амэй*, *рукай*, *бинань* (*пуюма*), *бунун*, *пинпу* и др. (Чигринский 1982: 61; Ибис 1876(2): 115). Упомянутые «13 племен» требуют особой локальной и этнокультурной идентификации с известными аборигенными народностями, что может стать предметом отдельного научного поиска. Собранные и систематизированные Ибисом этнографические данные, в том числе детальные описания внешности туземцев, типов жилищ, храмов, погребений и пр., делают вполне возможным проведение подобной идентификации. Так, при описании жилищ в деревнях аборигенов Ибис обычно упоминает их привязку к местности, внешний вид, строительный материал, конструкцию, внутреннюю планировку и убранство, предназначение жилых и дворовых помещений и прочие детали. Например, Ибис указывает, что жилища народности *пайвань* в деревне Сапрэк построены из бамбука и соломы, а в деревнях племени Катсаусан – построены из аспида (черного слоистого камня), что в обоих случаях соответствует реальности. Приведем для наглядности оба описания:

Рис. 3. П. Ибис. Деревня Сапрэк (*Globus* 31, 1877: 182).

«Деревня Сапрэк состоит из 15–20 хижин, расположенных по тропинке саженях в 50 друг от друга. Весь лес около деревни выжжен, исключая небольшого клочка на самой вершине горы, где, как мне объяснили, в случае неприятельского нападения, все скрываются. Хижины выстроены из соломы на бамбуковых основаниях и скреплены снаружи бамбуковыми шестами. Передний фасад не забран, только верхняя его часть закрыта крутою крышею, спущенною навесом, образующим таким образом широкий и низкий вход. Внутренность хижины разделена перегородкою на две половины: в передней светлой занимаются днем, в задней, темной – сидят

по вечерам и спят в холодное время года. По стенам хижины развешена различная посуда и оружие на оленьих рогах. Вблизи жилой хижины находится кладовая и свиной хлев, служащий вместе с тем и отхожим местом. Домашняя утварь, как-то: чашки, чайники, котлы, сковороды и проч., приобретается у китайцев; собственного произведения только корзины, циновки для спанья, табуретки, служащие и вместо подушек, и разнообразная посуда из тыквы» (*Ибис* 1876а: 138–139).

«Деревня Тау-сия выстроена на крутом и обнаженном склоне горы на значительной высоте. Все дома сделаны исключительно из аспиды, – стены, крыша, задвижные двери и ставни – все из этого камня. Дома упираются заднею стороною в гору. Стена переднего фасада всего фута 4 вышиною, но крыша идет высоко, так что внутри просторно. Внутренность разделена перегородкой на маленькую переднюю и на собственно жилую комнату, где стоит и очаг. Кругом стены низкие лавки, покрытые туземными циновками; на них спят, сидят и едят; другой мебели в доме нет. В посуде встречаются и китайские произведения. Перед каждым домом есть небольшой двор, в середине которого стоит кладовая – высокий соломенный шалаш, поддерживаемый сваями на высоте 4-5 фут от земли; сваи эти закрыты сверху круглыми плитами аспиды от крыс. Около домов огороды с бананами и арекою. Остальные деревни, говорят, совершенно такие же» (*Ибис* 1876b: 119).

Указанные материалы дают возможности для исторической реконструкции разных аборигенных народностей и дальнейших сравнительных исследований в сфере островной этнологии. Признавая неполноту и, в ряде случаев, невозможность проверить достоверность добытых сведений, Ибис прозорливо рекомендует научные сферы и методы (сравнительная лингвистика, кросс-культурный подход и пр.), новые географические районы, пути и организационные способы дальнейших исследований: «На этом мои путешествия через Формозу и мое знакомство с туземцами завершилось. Однако для путешественников и натуралистов там остается еще много работы... Фактический центр острова, высокие горы, до сих пор не исследованы, и потребуются еще много времени для того, чтобы это случилось, так как подобные мне дилетанты и все прочие, кто до сих пор путешествовал через Формозу, не имели ни времени, ни должных знаний для изучения этой части острова с наибольшим успехом. ... В то же время я бы рекомендовал не проникать внутрь с запада, но, вместо этого, начать путешествие с восточной части острова – с бухты Су-Ао или Пилам – так, чтобы не вступать в контакт с китайским правительством. Более того, не следует брать китайских проводников и носильщиков; их трусость способна разрушить многое. Во многих отношениях вам будет безопаснее пребывать в руках туземцев» (*Ibis* 1877: 234).

Таким образом, не будучи профессиональным ученым, Ибис готовился к проведению экспедиции со всей основательностью, насколько это позволяли условия многолетнего кругосветного плавания. Успеху этой самоподготовки способствовали блестящее образование и выдающиеся личные качества российского военного моряка, с энтузиазмом посвятившего себя, казалось бы, далеким от моря и военной службы «сухопутным» исследованиям. Уникальные сведения, умело добытые в ходе беспримерного «этнографического путешествия» на Формозу при помощи комплексного научного подхода, методов и методик, а также смелые и глубокие выводы, сделанные П.И. Ибисом на основе лично собранных полевых этнографических материалов, имеют высокую научную и культурную ценность и 140 лет спустя, в XXI столетии.

Примечания

- ¹ Ибис опубликовал пять статей в трех журналах, в т. ч. интересную статью про айнов. (*Ибис* 1875a, 1875b, 1875c).
- ² Статьи Ибиса переведены на английский и китайский языки. (*Ibis* 1877 eng; *Curious investigations* 2006; Гун Фэй-тао 2013). Их исследованию посвящен ряд работ на русском языке. (*Чигринский* 1982, 1984; *Хохлов* 1993: 30–32; *Головачев* 2012: 167–168; *Головачев, Молодяков* 2014: 15–24).
- ³ В цитатах сохранено правописание Ибиса.
- ⁴ Фр. Мюллер продвигал гипотезу о заселении Австронезии первобытными народами из Южной Азии и прилегающих островов.
- ⁵ *Пайвань* (Paiwan, Páiwán). Вторая крупнейшая коренная народность Тайваня (более 99 000 чел. в 2017 г.). Обитают на юге и юго-востоке острова. Принадлежат к австронезийской языковой семье.

Источники фотографий:

1. Рис. 1. Художник-иностранец рисует портрет формозского аборигена – *Illustrated London News*, 1859. Vol. 35. No. 995 (24 September 1859). URL: http://www.reed.edu/Formosa/gallery/image_pages/LondonNews/ln35p294artist_B.html
2. Рис. 2. П. Ибис. Девушка из племени Катсаусан – «*Mädchen aus dem Stamm Katsausán*». Maiden from the tribe Katsausán. *Globus*, 1877. No. 31. URL: http://www.reed.edu/Formosa/gallery/image_pages/Ibis/MaidenKatsausan_B.html.
3. Рис. 3. П. Ибис. Деревня Сапрэк – «*Dorf der Saprek*». Village of the Saprek. *Ibis, Globus*, 1877. No. 31. URL: http://www.reed.edu/Formosa/gallery/image_pages/Ibis/Saprek_B.html

Источники и литература

- РГАВМФ – Российский Государственный Архив ВМФ. Ф. 406, 410, 1212.
- Ибис* 1875a – *Ибис П.* Аины (Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки) // Живописное обозрение. 1875. № 5. С. 74–76.
- Ибис* 1875b – *Ибис П.* Заметки об острове Иезо // Живописное обозрение. 1875. № 6. С. 90.
- Ибис* 1875c – *Ибис П.* Формозский вопрос между Китаем и Японией (Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки) // Живописное Обозрение. 1875. № 8. С. 120–124.
- Ибис* 1876a – *Ибис П.* Экскурсия на Формозу // Морской сборник / Ред. Н. Зеленой. 152-I (1876): неофициальный отдел. СПб: Типография Морского министерства, 1876. С. 111–149.
- Ибис* 1876b – *Ибис П.* Экскурсия на Формозу // Морской сборник / Ред. Н. Зеленой. 152-II (1876): неофициальный отдел. СПб: Типография Морского министерства, 1876. С. 111–141.
- Ibis* 1877 – *Ibis P.* Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis (На Формозе. Этнографическое путешествие Павла Ибиса) // *Globus* 31 (1877). Pp. 149–152, 167–171, 181–187, 196–200, 214–217, 230–235. URL: http://www.archive.org/stream/bub_gb_s47lAAAAAAJ#page/n551/mode/2up
- Ibis* 1877 eng – Ibis, Pavel. «Ekskursiia na Formozu». URL: <http://www.reed.edu/Formosa/texts/Ibis1876.html>.
- Curious investigations* 2006 – *Curious investigations: 19th-century American and European impressions of Taiwan*. Ed. by Douglas L. Fix, Charlotte Lo. 看見十九世紀台灣：十四位西方旅行者的福爾摩沙故事. (Взгляд на Тайвань XIX века – Формозские истории 14 западных путешественников). Тайбэй, 2006. Перевод статьи П.И. Ибиса см.: Гл. 7. С. 153–198.
- Гун Фэй-тао 2013 – Путешествие на Тайвань молодого Ибиса 青年Ibis的台灣之旅 (перевод с англ. на кит. статьи Excursion to Formosa). Блог доктора Гун Фэй-тао 龔飛濤. URL: <https://ting-tau.blogspot.ru/2013/01/ibis.html>.
- Головачев 2012 – Головачев В.Ц. Этническая история Тайваня в трудах российских

путешественников и ученых (конец XVIII – первая треть XX в.) // Этнографическое обозрение, 2012. № 2. С. 165–174.

Головачев, Молодяков 2014 – Головачев В.Ц., Молодяков В.Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

Хохлов 1993 – Хохлов А.Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.) / Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 1993. С. 123–138.

Чигринский 1982 – Чигринский М.Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // Советская этнография. 1982. № 2. С. 60–64.

Чигринский 1984 – Чигринский М.Ф. Российский офицер П.И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. М., 1984. Вып. XXIV. С. 56–64.

Muller 1867 – Muller, Friedrich, Dr. Reise der osterreichischen Fregatte Novara, linguistischer Theil. Wien. 1867.

References

Golovachev V. Ts. Etnicheskaya istoriya Taivanya v trudakh russkikh puteshestvennikov i uchenykh (konets XVIII – pervaya tret' XX veka). Etnograficheskoye obozrenie, 2012. No. 2. Pp. 165–174.

Golovachev V. Ts., Molodyakov V.E. Taivan v epokhu yaponskogo pravleniya: istochniki i issledovaniya na russkom yazike. Analiticheskiy obzor. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2014. Pp. 18–24.

Ibis P. Ainy (Pis'mo v redaktsiyu Zhivopisnogo obozreniya iz Nagasaki). Zhivopisnoye obozrenie, 1875. No. 5. Pp. 74–76.

Ibis P. Zametki ob ostrove Iezo. Zhivopisnoye obozrenie, 1875. No. 6. P. 90.

Ibis P. Formozskiy vopros mezhdu Kitaem i Yaponiey. (Pis'mo v redaktsiyu Zhivopisnogo obozreniya iz Nagasaki). Zhivopisnoye obozrenie, 1875. No. 8. Pp. 120–124.

Ibis P. Ekskursiya na Formozu. Morskoy sbornik. Zelenoy N. (ed.). Vol. 152-I (1876): unofficial part. St. Petersburg: Navy Press, 1876. Pp. 111–149.

Ibis P. Ekskursiya na Formozu. Morskoy sbornik. Zelenoy N. (ed.). Vol. 152-II (1876): unofficial part. St. Petersburg: Navy Press, 1876. Pp. 111–141.

Puteshestvie na Taivan molodogo Ibisa. 青年Ibis的台灣之旅 (Perevod s angliyskogo na kitayskiy stat'y Excursion to Formosa). 龔飛濤. URL: <https://ting-tau.blogspot.ru/2013/01/ibis.html>.

Khokhlov A.N. Istoricheskiye svyazi Rossii s Taivanem (do 1917). Problemy i perspektivy razvitiya nepravitelstvennykh svyazey mezhdu Rossiey i Taivanem. Moscow, 1993. Pp. 123–138.

Chigrinskiy M.F. Puteshestviye Paulya Ibisa na Taivan. Sovetskaya etnografiya, 1982. No. 2. Pp. 60–64.

Chigrinskiy M.F. Rossiyskiy officer P.I. Ibis i ego zapiski o puteshestvii po Taivaniy v 1875. Strany i narody Vostoka. Vol. XXIV. Moscow, 1984. Pp. 56–64.

Curious investigations: 19th-century American and European impressions of Taiwan. Ed. by Douglas L. Fix, Charlotte Lo. 看見十九世紀台灣：十四位西方旅行者的福爾摩沙故事. Taipei, 2006. Translation of Ibis' article in Ch.7. Pp. 153–198.

Ibis Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis (In Formosa. Ethnographic walk of Paul Ibis). Globus 31 (1877). S. 149–152, 167–171, 181–187, 196–200, 214–217, 230–235.

Ibis Pavel. Ekskursiia na Formozu. URL: <http://www.reed.edu/Formosa/texts/Ibis1876.html>.

RGAVMF – Rossiyskiy Gosudarstvennyy Arkhiv VMF. F. 406, 410, 1212.

V.Ts. Golovachev. A Trip by Pavel Ibis to Taiwan in 1875: subjects, techniques, and research tools of the ethnological studies.

The article describes the research tools, techniques, subjects and academic value of the unprecedented study by Pavel Ibis (1852–1877), the Naval Navigator Corp ensign, who came to the Formosa Island for a solo ethnographic trip in January 1875, crossing it on foot in two months. After his death, Ibis was forgotten in Russia for more than a century. It wasn't until the early 1980s that M. Chigrinsky published the two articles reestablishing Ibis' story along with a brief summary of the German language article. Nowadays, the name of Ibis has been brought from obscurity in Russia, Taiwan and the rest of the world. Nevertheless, his actual contribution to the Taiwan ethnologic studies is still waiting for special scientific assessment.

Key words: *Ibis, «Askold» corvette, ethnology, ethnographic trip, Formosa, Ibis, Taiwan.*

НАУКОВЕДЕНИЕ

УДК 39+ 159.923.2

© М.Н. Губогло

**«ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ»
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Источником формирования этнической идентичности в ее инфантильной («наивной») форме в пору нарастающего общественного интереса к происхождению (этногенезу) своего народа, на рубеже 1960–1970-х годов, служила атрибуция (переживание) культурного наследия (элементов этнической идентификации). На втором этапе рационального выбора («деинфантилизации») и стихийной систематизации нескольких новообретенных внеэтнических идентичностей, этническая идентичность наполняется практической значимостью и функциональной целенаправленностью, осваивая роль катализатора этнической мобилизации. Наконец, на третьем этапе по мере индоктринации в общественное сознание и в гуманитарное знание концепции российской нации источники этнической идентичности, сохраняя свою интенцию, дополняются и подпитываются энергетикой укрепляющейся российской нации. Трем источникам этнической идентификации на рубеже XX и XXI веков соответствуют три составные части из идейного арсенала – примордиализма (теории этноса), конструктивизма (теории этничности) и концепции (теории) российской нации.

Ключевые слова: элементы этнической идентификации, инфантильный рациональный выбор, интраэтнические, интерэтнические, внеэтнические ресурсы этнической идентичности, индоктринация концепта российской нации

Мейнстрим обновляемой этнографии

Незначительный по историческим меркам период с конца 1960-х годов вплоть до развала Советского Союза по справедливости считается «Золотым веком» советской этнографии, исследовательских проектов с целью анализа этнических общностей и этнических явлений и в первую очередь проблем происхождения народов. В эти десятилетия, не теряя традиционных приоритетов, советская этнография с ее классическим наследием дополняется нововведениями и перевоплощается в этнологию, а на заре нового тысячелетия делает крутой разворот в сторону антропологизации своей предметной области, вступая на тропу внимательного отношения к человеку (этнофору) – носителю этнических особенностей своего народа.

Концептуальное обновление и совершенствование методико-инструментального аппарата, в том числе за счет междисциплинарных направлений, было вызвано ра-

стущим многообразием жизни, усложнением форм социальных, этнокультурных и этнополитических процессов, в том числе новыми трендами развития востребованной личностной и групповой идентичности (Губогло 1999: 7–11; Тишков 1999: 12–28).

Так, например, в рамках общей темы III Конгресса этнографов и антропологов России (1999 г.) «О глобализации этнологии на рубеже тысячелетий» обсуждались этнические итоги XX века и задачи этнологической науки. Постановка и уточнение задач по изучению этничности, идентичности, этнической мобилизации и места и роли этнических явлений в трансформационных процессах вытекала из необходимости освоения новой реальности, возникшей в связи с распадом Советского Союза, подъемом национального и этнического самосознания, взаимообуславливающих друг друга шовинизма и сепаратизма, стремления малочисленных этнических групп к самоопределению ради сохранения самобытности.

Исторически важным брендом III Конгресса прозвучал призыв к повороту этнологии к изучению человека с точки зрения социально-культурной антропологии, изучающей человека во всем многообразии создаваемых им сообществ на основе этнографического метода и методов смежных наук гуманитарного профиля. На заре XXI века следовало преодолеть упущенные возможности «этнографии советскости» и одновременно сосредоточить внимание на «социальной инженерии», «сплохах прошлого», «повседневной жизни» и «доверия» (Тишков 1999: 12–28).

Относительная либерализация идеологической атмосферы, ослабление скреп, сдерживающих расширение проблематики и предметной области отечественной этнографии с ее глубокими корнями и традициями, открывала дорогу появлению ряда междисциплинарных научных направлений – сначала этнодемографии, этносоциологии, этнической социолингвистики, этнопсихологии, чуть позднее – этнополитологии (Междисциплинарные исследования 2005; Тишков, Шабаетов 2011; Тишков 2016: 5–22).

Традиционную этнографическую проблематику обогатили новые направления, связанные с теоретическим и эмпирическим освоением этничности, идентификации идентичности, социальной и политической обусловленности этнических явлений (Губогло 2003; Арутюнов 2012; Тишков 2013). Однако, несмотря на мощный поток исследовательских проектов, дискуссий и публикаций, мало кому удалось предложить общепринятые концепции или теории смещения акцентов от изучения этнических общностей к изучению этнических лиц (этнофоров) и далее – этнической текучести. Этнографы/этнологи пока еще мало продвинулись от изначального понимания «этноса» как совокупности людей к этничности, как зыбкой, постоянно меняющейся совокупности свойств этих людей, а идентичности – как реальной и воображаемой связи конкретного человека со своим народом и его ценностями.

Реализация новаторского исследовательского проекта «Современные этнические процессы», результаты которого увидели свет в виде коллективной монографии двумя изданиями в 1975 г. и 1977 г., явилась знаменем времени в освоении и осмыслении сущности этнического фактора и в обновлении концептуально-понятийного аппарата советской этнографической науки. Вершинным проявлением традиционной советской этнографии и, вместе с тем, стартовым ориентиром перехода от статического к динамическому пониманию развития этнографической реальности стало знаменитое учебное пособие Сергея Александровича Токарева «Этнография народов СССР» (1958 г.) с характерным подзаголовком, вынесенным в название «Исторические основы быта и культуры». По поводу энциклопедической грамот-

ности и неисчерпаемой эрудиции С.А. Токарева, влиятельный в те времена академик Б.А. Рыбаков говаривал: «В Советском Союзе есть два института этнографии: «Институт этнографии АН СССР и профессор С.А. Токарев». Фундаментальные труды С.А. Токарева по историографии русской и зарубежной этнографии, о религии в истории народов мира, о ранних формах религии внесли огромный вклад в формирование кадров советских этнографов, в развитие советской этнографии, ориентированной скорее на историческое и статичное описание народов и культур, как структур, чем на осмысление динамичного развития и на социологическое освоение функциональной стороны дела (Токарев 1958; Токарев 1965; Токарев 1966).

Обновление предметной области этнографии, начатое с исследования современных этнических процессов, одновременно сопровождалось разработкой теории этноса, в том числе динамических трендов и форм его развития (Бромлей 1973; Бромлей 1983), реализацией ряда новаторских проектов по этнодемографии (В.И. Козлов, С.И. Брук), этносоциологии и социологии села (Ю.В. Арутюнян), социологии личности (И.С. Кон), социологии города (О.И. Шкаратан), этноэкологии (В.И. Козлов, Н.А. Дубова), психологии межэтнических отношений (Л.М. Дробижева), этнопедагогики и этнографии детства (Г.А. Комарова), этнической идентичности и социолингвистики (М.Н. Губогло), этностатистики (В.В. Пименов).

Соответствующие теории возникли на волне их противостояния гегемонии традиционного для отечественной этнографии эволюционистского подхода, в котором, в соответствии с его названием, внимание концентрировалось преимущественно на исследовании статичных (устоявшихся) форм развития народов и культур.

Искушение пограничными подходами

Новые междисциплинарные (гибридные) научные направления – этносоциология, социология села, социология города, этносоциология языка и межэтнических отношений – в центр внимания выводили, наряду с группой или их системой, индивида (этнофора), его установки, поведение и его отношение к реальности. Соответственно объектом и предметом анализа становился человек, выбор им поведенческих стратегий, социально и политически обусловленные мотивы такого выбора, цели и их конфликты.

Парадокс модернизации советской этнографии заключался в том, что ее переориентация на анализ и осмысление усложняющихся социальных процессов, в том числе под воздействием научно-технической революции и глобализации, происходила в годы брежневского застоя. Ускоренное социальное вызревание (консолидация) некоторых этнических общностей было вызвано успешной деятельностью многих звеньев советской системы образования и воспитания. Брендом социального и культурного роста стала номинация народов СССР «самым читающим народом мира». Мало кто подозревал, что первые накаты грядущей идеологии гедонизма вместе с призраками и приливами индивидуализма станут со временем тяжким балластом духовного обогащения и профессиональной карьеры.

Качественные изменения методологии и методики сопровождались возрастанием количества публикаций, диссертаций и численности специалистов по этносоциологии и другим новым научным направлениям. И хотя идеологический корсет официальной доктрины национальной политики сдерживал развитие науки, появились публикации, в которых этносоциологи, прибегая к эзоповскому языку, указывали в осторожной форме

на социальные болячки позднесоветской действительности. Исключительно смелым, в частности, стала публикация легендарной статьи Ю.В. Арутюняна в журнале «Вопросы философии» почти за четверть века до распада СССР, о двух опасных типах национализма – «сельском» и так называемом «интеллигентском», раскрывающих истоки межэтнических противоречий и проявлений национализма (Арутюнян 1969: 129–130).

Развитие новых направлений, и, прежде всего, исходящих из привнесения в науку парадигмы этничности, заменяющей собой классовый подход, хотя и порой соседствующей с ним, еще не было торжествующим прорывом. Не посягая на рационализм, социально-экономическую обусловленность, некоторые исследователи этничности и этнической идентичности обходили стороной субъективно-эмоциональную, «душевную» сторону бытия человека.

Общее состояние и развитие исследований этничности, как в зеркале, отражается в исследовательских практиках по анализу этнической идентичности. Мне представляется возможным, как будет показано ниже, условно выделить три источника и три составные части этнической идентичности в процессе ее социального и этнокультурного вызревания.

В основе этого «вызревания» лежало последовательное смещение механизмов идентификации от наивного освоения (присвоения) и отражения элементов культурного наследия, как сопричастности к достоянию своего народа в качестве «культуры для себя», в новую форму «культуры в себе» при активном участии в приумножении опыта прошлых поколений собственным индивидуальным опытом.

Обращение к исследованию идентичности, и, в первую очередь, к отождествлению себя со своим народом, к причислению себя к нему, было обусловлено вызовами глобализации, потребностью социальной деинфантилизации и глокализации, которые и составили три источника, подобно внешним раздражителям, навалившимся на людей в ходе модернизации. Словом, все три источника идентификации шли от вызовов внешней среды, в том числе от утверждающейся в самосознании идентичности россиянина (Тишков 2013).

Составными частями (источником) формирования этнической идентичности в ее наиболее простейшей форме служили интраэтнические (в рамках родного народа) события, явления, факты, обычаи и ритуалы. Механизмом ее поддержания выступало осмысленное, а порой и неосознанное отражение реальных интраэтнических артефактов в сознании людей. Эти процессы хорошо зафиксированы, прошкалированы и документированы в исследовательских проектах этносоциологов на рубеже 1970–1980-х годов. На втором этапе, на закате XX века, в ходе трансформационных процессов, к интраэтническому добавились интерэтнические (межэтнические) вливания. Ответы на эти вызовы внешней среды были получены в ряде исследовательских проектов, в которых предпринимались попытки систематизации множества идентичностей и их состыковки с этнической (Губогло 2003). Наконец, на заре нового тысячелетия, в первом и втором десятилетии актуализировалась задача рационализации всех форм идентичностей и приведение их в соответствие с общегражданской (государственной) идентичностью.

Потребность этой рационализации была вызвана на заре нового тысячелетия потребностями укрепления единства российской нации, главным идеологом которой выступил академик В.А. Тишков. Аналогичная задача по «согласованию» этнической идентичности с другими типами идентичности человека в той или иной форме и мере стоит и перед бывшими союзными республиками СССР.

В основу этносоциологического подхода была положена изначальная идея социальной обусловленности этничности (этнических факторов) и этническое многообразие социальных явлений, поведенческих практик и социально-профессиональных групп (Арутюнян 1973; Тишков 2016).

Основу «этноидентологии» (Губогло 2013), базирующейся на симбиозе отражения реальности и ее чувственно-художественного приумножения, составляет личностная мотивация, формируемая и подпитываемая смыслом. К этому выводу я пришел не без влияния теории идентичности, предложенной известным американским политологом Дэвидом Лейтиным. Он, в частности, считает, что «Идентичность – это категория членства, которая базируется на различных типологиях: гендерных, расовых, классовых, персональных, кастовых. <...> нам нужно лучшее понимание социальной идентичности, понимание, совмещающее в себе и ее конструируемую природу и силу того факта, что для носителей идентичности она воспринимается как естественная, врожденная» (Лейтин 1999: 81, 79).

Сближение этносоциологии и этноидентологии восходит корнями к феноменологии Эдмунда Гуссерля, структурно-функциональной теории Талкота Парсонса, а также их последователя – автора теории социальной системы («общество общества») Никласа Лумана.

Первое пилотажное этносоциологическое исследование этнической идентичности по анкете, разработанной одной из основоположниц этносоциологии как приоритетного научного направления Л.М. Дробижевой, было проведено в 1965 г. под руководством М.Н. Губогло в южных районах Молдавской ССР – в болгарском селе Твардица и гагаузском – Бешалма. Исключительно важное значение для становления предметной области этносоциологии имело, как уже отмечалось, обращение к человеку. Ключевая роль при этом принадлежала исследованиям идентичности в контексте этничности и этнического многообразия социальных слоев и страт. И хотя в первых монографиях, созданных по материалам крупномасштабных этносоциологических исследований, проведенных москвичами под руководством основоположника этносоциологии Ю.В. Арутюняна, прямо не говорилось о соотношении истины и правды, в самой концепции эта идея, можно сказать, присутствовала (Социальное и национальное 1973; Опыт этносоциологического 1980; Социально-культурный облик 1986).

Предтеча

Возникает вопрос о времени и причинах возникновения запросов и задач по изучению идентичности как одной из важнейших проблем этносоциологии. Вместе с вопросом – задача типологизации и периодизации основных направлений постижения идентичности. В основе формирования общественного интереса к проблеме индивидуальной и групповой идентичности лежат социально-экономические процессы, начавшиеся в Советском Союзе после победы над фашистской Германией и после смерти И.В. Сталина. Хрущевская оттепель 1950-х годов стала следствием и одновременно катализатором национального достоинства народов Советского Союза, как страны-победительницы. Интерес к личности человека, как и ранее к происхождению своего народа, был ответом на вызовы НТР, демократизации и открытости закрытого до этого советского общества.

Ярким и праздничным проявлением невиданной в прежние десятилетия открытости стал VII Всемирный фестиваль молодежи, состоявшийся в августе 1957 г. в Москве. Его запоминающимся символом доверительного миролюбия и авансом миротворчества стала ромашка с лепестками различных цветов. Она олицетворяла, или, как сказали бы нынешние этнологи/антропологи, склонные к антропогеографизации и брендизации территорий, пространств и крупномасштабных событий (Тишков 2012; Малькова 2009; Маликова, Громов) связь пространств, континентов и различных народов.

Международный конгресс этнографов и антропологов (МКАЭН) 1964 г.

В академической сфере символом открывающегося советского общества стал VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве, в котором приняли участие 1940 делегатов из 58 стран. Его историческое значение выразилось не только в нескольких десятках томов, изданных на русском и европейских языках, докладов и материалов дискуссий, но и в установлении контактов советских этнографов с исследовательскими центрами Запада, знакомство с практикой зарубежных коллег из многих стран мира. Установленные личные контакты способствовали расширению мировоззренческого кругозора, продуктивному ознакомлению с достижениями гуманитарного знания в зарубежных странах, формированию антропологического интереса к личности и идентичности. Условно говоря, медленно начинался процесс смещения исследовательских проектов от изучения обезличенной культуры целого народа к культуре отдельных его составных частей – социальных, внутриэтнических, межэтнических, религиозных, клановых.

Важную роль в оздоровлении и обновлении проблематики социологических и этнографических исследований сыграла Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная социальной структуре и социальным отношениям в советском обществе. Он состоялась в 1965 г. в Минске, но ее влияние выплеснулось далеко за пределы белорусской столицы. На ней была выработана новая стратегия исследований, как альтернатива господствовавшему в гуманитарных науках классовому подходу. Она имела радикально-революционный характер как призыв к переходу от исследований межклассовых к внутриклассовым различиям и отношений. Революционность заключалась в подрыве идеологических устоев ряда гуманитарных дисциплин от философии до истории и от социологии до этнографии. Советская идеология лимитировала изучение общественных процессов только на уровне межклассовых отношений и различий между рабочим классом и колхозным крестьянством и так называемой прослойкой – интеллигенцией.

В соответствии с разработанным по специальному заказу «Моральным кодексом строителей коммунизма», повторяющим ряд библейских заповедей, исследователи избегали каких-либо эмпирических измерений, объективных основ и субъективных мотиваций той или иной формы идентичности советского человека. Поэтому первые этносоциологические «замеры» мотивов и импульсов идентичности, как будет показано ниже, были прорывом, уникальным, хотя и не лишенным наивности подходом, в постижении этого явления.

Этногенетические страсти

Пассивность первой формы личностной идентичности в известной мере вытекала из ожиданий отдельного человека ясного и четкого ответа от ученых об идентичности своего народа. В 1960-е годы, накануне прихода Ю.В. Бромлея и Ю.В. Арутюняна в Институт этнографии (1966 г.), наблюдался широчайший общественный, художественный и научный интерес к корням своего народа. Этнографы и, особенно, поэты, публицисты и писатели, буквально «болели» этногенезом. Страстью этногенетической идентификации представители гуманитарной и политической элиты были настолько глубоко озабочены и охвачены, что дело доходило до умопомрачения и психушек.

На разных этапах истории этническая идентичность востребовалась по-разному. Иногда она выдвигалась на роль весьма активного вида социальной энергии. Таковой, в частности, была полемика между славянофилами и западниками, которых без риска ошибиться, можно считать соответственно предками современных примордиалистов и конструктивистов. Подобно периодам религиозной экзальтации и повышения агрессивности и воинственности такое же обострение случается с восприятием этничности и идентичности, подобно тому как поэзия, поэтические стихи иногда выдвигаются на роль самого активного и знаменитого вида искусств (Ю. Поляков). Этой парадигме по сути посвящены нижеследующие рассуждения, задача которых состоит в раскрытии движения этнической идентичности от наивысшей формулы: «я – русский, потому что есть русский этнос» к рациональной формуле, согласно которой «Я и мы русские, потому существует русский этнос».

В известной мере это упущение было вызвано недостаточным обращением к историческому опыту России. Не соглашаясь с теми авторами, которые усматривали в этнической мобилизации элементы возрождения и ренессанса, их критики не принимали во внимание учение, идеологемы классического славянофильства на самом деле еще в середине XIX века славянофилы ставили задачи «пробуждения русского в русских и возвращение русским русского» (Аксаков 1889: 25).

Нашлось немало графоманов, взявшихся в дополнение к уже высказанным гипотезам о происхождении народа («правдам») добавить еще одну «свою правду». Однако даже на закате XX в., ни один из авторов не смог опровергнуть истину, заключавшуюся в смешанном составе большинства народов.

Так, например, сторонники двух основных теорий происхождения гагаузов – «тюркской» и «болгарской» – мотивировали свою «правду» различными представлениями об этнокультурной ориентации и об этнополитических воззрениях гагаузского народа. Первые были убеждены в исключительной важности русского языка и культуры, открывающих путь гагаузам в тюркский мир на обширном евразийском пространстве. Из среды тюркофилов вышли лидеры этнической мобилизации, возглавившие движение за легитимизацию Буджака как среды обитания и за создание условий по сохранению этнокультурной самобытности и функционирующего гагаузско-русского двуязычия. «Болгаристы» же настойчиво приписывали гагаузов к болгарам, в ходе османской ассимиляции воспринявшими тюркский язык, но сохранившими православную веру. В идеологическом плане они опирались на теории болгарских националистов, преследующих цели увеличения численности болгар, во имя укрепления демографических и этнополитических основ болгарской социалистической нации. Кроме открытых и скрытых русофобов «болгарскую» теорию («свою правду») поддерживали некоторые специалисты, вышедшие из среды мест-

ных священников или симпатизирующих культурам и историям автохтонных балканских народов сильнее, чем истории тюркских кочевников.

Если имевший место исторический факт (событие, явление, личность, образ) принимать за истину, остающуюся вне душевного мира человека, то осмысление и интерпретация представляют собой достояние человека, корнящееся в нем самом, или выявляющимся из него. Подобным образом понимание правды как антитезиса истины, которая в одних случаях подтверждает, в других опровергает, в третьих искажает, в конечном счете истину, служит показателем личностной или групповой идентичности. Порой «правда» того или иного исследователя, политика или общественного деятеля позволяет определить способ существования этнической, гендерной, религиозной или региональной идентичности. Репрезентацией своей «правды» могут служить желтые пиджаки, галстуки с пальмами и редкими животными, в недавние советские времена – брюки в дудочку, в настоящее время заштопанные джинсы, а чаще дырявые в сочетании с массивной золотой цепью на шее.

Вслед за Н.Д. Арутюновой я считаю, что религиозная истина достигается откровением и ощущается сердцем. Рациональная истина постигается открытием с помощью понятий и слов, судебная – раскрытием в «споре» между адвокатом и прокурором. Этническая истина гнездится и в голове, и в душе человека и постигается переживанием и соучастием. В отличие от религиозной истины, которой проникаются и в которую верят, не требуя доказательств, и от рациональной (эпистемической), которую узнают и открывают, этническую истину постигают в сравнении с другой этнической истиной. Истина и правда – различны по природе. Правда – это отраженная истина, преломившаяся во многих ее гранях. Под правдой народа, например, «разумеют те его характеристики, которые определяют и оправдывают роль, наполняемую им на мировой сцене. О правде народы обычно говорят в связи с ее выражением в художественном произведении» (Арутюнова 1999: 552). Сдвиг от «наивной» к рациональной форме идентичности означает, во-первых, тот факт, что «Золотой век» учений о происхождении народов ушел в прошлое, стал достоянием истории. Не исключено, что он может вернуться. Во-вторых, он оставил в наследство такое понимание этничности, когда она есть, люди могут не замечать ее, но когда ее нет, люди могут задыхаться, как будто нет воздуха. Урок множества теорий об этногенезе (происхождении) народов состоит в прояснении того факта, что с помощью многих частных «правд» происходит «умножение сущностей». В самом деле, теорий, учений, гипотез, даже убеждений может быть сколько угодно, но истина, адекватная реальности – только одна.

Элементы этнической идентификации

Совокупность реализованных за полвека исследований по идентичности сотрудниками ИЭА РАН и специалистами других академических и университетских центров дает основание говорить об относительно устоявшейся предметной области – идентологии. В проблематике этого нового научного направления выделяется три отличающиеся друг от друга, но тесно взаимосвязанные вехи и три различные по структурной сложности формы идентичности. На первом этапе, не лишенном методологической и методико-инструментальной уязвимости, идентичность изучалась через «элементы этнической идентификации». В основу этого подхода была положена идея, однажды высказанная В.И. Козловым в его докторской диссертации и в

его книге «Динамика численности народов» о том, что «Этническое самосознание представляет собой как бы субъективную равнодействующую объективных элементов этнической общности» (Козлов 1969: 50).

Для измерения глубины и интенсивности «этничности» этнической идентичности в разных исследовательских коллективах в 1970-е годы были разработаны шкалы с охватом от одного до двух десятков признаков. Отвечая на вопрос, «Что роднит человека с людьми своего народа?», респонденты в разных республиках, социально-этнических группах и этнокультурных средах обитания избирали (по нисходящей) язык, общность судьбы, традиционную культуру своего народа, землю, где родился, этническую идентичность родителей, национальную одежду, пищу, образ жизни, обряды и ритуалы, память о предках и т.д. Едва ли не повсеместно первое место на шкале урожаев ответов уверенно занимал язык, независимо от того, когда, о чем, с кем, как часто разговаривал человек на одном или попеременно, например, на двух языках при двуязычии. Однако бывали исключения. Едва ли не самый характерный случай с корейцами Сырдарьинской области Узбекистана.

В сохранении корейской капусты, как материализованного этнического бренда корейскости – корейской этнической идентичности корейского населения Сырдарьинской области Узбекской ССР, вплоть до недавнего времени можно было убедиться на основе неубывающего спроса покупателей на Алайском базаре в Ташкенте, посетителей в ресторанах Москвы или клиентов небольших лавчонок поблизости от некоторых станций московского метро. Этносоциологический опрос, проведенный по анкете, разработанной в Институте этнографии АН СССР, стал неожиданным сюрпризом для исследователей идентичности и этнического самосознания. Из числа 17 «этнических» признаков, по которым представители корейской национальности самоопределялись со своей этнической принадлежностью, большинство респондентов назвали «национальную пищу», и в первую очередь «особым способом приготовленную корейскую капусту». Это был знак корейской этнической идентичности, бренд «корейскости».

Истина выступала в примордиалистском духе для носителей этнической идентичности. Однако «правда» аспиранта состояла в том, что он поверил в «правду» респондентов, приближающейся к истине этого народа в его исторически нарабатанных навыках и традиционной системе питания.

Суть «наивного» представления о личностной идентичности в ее пассивной форме состояла в «психологизации» путем «приписывания» человеком (этнофором) себе готовых признаков, свойств из арсенала традиционной культуры своего народа. Увлеченность этносоциологов социальной основой этничности и ее социальной обусловленности, мешало введению в дискурс важных проблем, связанных с этикой, моралью, нравственностью и другими составляющими внутреннего пространства человека (этнофора).

Пионеры этносоциологических измерений функциональной роли того или иного объективного или субъективного признака в формировании устойчивой или размытой этнической идентичности в 1970-е – 1980-е годы оказывались вынужденными по инерции рефлексировать одновременно и на идеологические послылы «морально-го кодекса», и на ход и итоги этносоциологических опросов.

Хотя социологию иногда называют наукой «мучительно пережевывающей общеизвестные истины», велико было мое удивление, когда несколько дней тому назад в ответ

на клик «туршу» поисковик выдал несколько десятков сайтов с подробной характеристикой методики квашения овощей по-гагаузски – туршу. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что этнографам давно был известен консервативный характер традиционного питания, как индикатор (как объективный признак) этнической идентичности.

Модель идентичности «пассивного типа»

Суть изначального этапа исследований «первой» формы этнической идентичности (1970 – 1980-е гг.) состояла в относительно наивной вере в вышеупомянутую метафору о «субъективной равнодействующей объективных показателей этничности». Выходило, что субъект – советский человек – пассивно воспринимает импульсы внешней среды, т. е. отражает созданные до него ценности материальной и духовной культуры. При возникновении пассивной по форме осознания идентичности принимается на веру наделенность предметов и событий «этническим» качеством, свойством или этнической окраской. Поистине недостатки являются продолжением достоинств. Такой подход послужил удобной мишенью для обвинения первых авторов этнической идентичности и этнической идентификации в кондовом примордиализме со стороны конструктивистов. Ретивые сторонники Бенедикта Андерсона резонно усмотрели в нем отсутствие активного начала думающей, рефлексирующей и оценивающей творческой личности.

Иными словами, пассивная по происхождению, по форме и по сути этническая идентичность, опирающаяся на информацию, идущую «извне», а не из внутренней (душевной) системы мировоззренческих устоев и этнических принципов человека, тем не менее, на рубеже 1980 – 1990-х годов сыграла важную роль в этнической мобилизации. Даже в «пассивном» виде этническая идентичность сыграла подвижническую роль в деинфантилизации граждан, послужив толчком в поддержке примордиальной истины основ этнической истории народа и его культурного достояния.

Идентификационные накаты рационального выбора

Современный человек, задумавшись о своей этнической идентичности, не может оставаться равнодушным к включенности во множество различных социальных и институциональных взаимоотношений и потому оказывается обязанным разделять соответствующие профессиональные и социокультурные ценности и предпочтения, пристрастия, фобии, те или иные модные течения. Множество социальных ролей и позиций вело к множественности идентичностей (Губогло 2003).

Итоги первого (пилотажного) исследовательского проекта по проблеме этнической идентичности были доложены в 1971 году и опубликованы в материалах «Всероссийской научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований» (Губогло 1971), а также в 1973 г. в докладе «Языковые контакты и элементы этнической идентификации», опубликованном на русском и английском языках.

Материалы нескольких широкомасштабных проектов, проведенных с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья в 1990 – 2000-е годы отражены в монографии «Идентификация идентичности» (М., 2003 г.) и в трехтомнике «Развивающийся электорат России» (М., 1996 г.).

На формирование новых подходов к пониманию одновременного наличия множества идентичностей значительное влияние оказали теоретические идеи ряда западных социальных и культурных антропологов о синтетической природе идентичности, отражающей как реальности внешнего мира, так и одновременно «продукты» своей деятельности. Первые экспериментальные «замеры» элементов этнической идентичности с целью распознавания смысловой нагрузки идентичности были проведены по программе, сочетающей элементы примордиалистской и конструктивистской теории этничности. В основе примордиалистски понимаемой наивной формы идентичности лежит механизм отражения реальных особенностей и этнически выраженных или окрашенных явлений в сознании воспринимающего их субъекта, который таким образом соотносит себя со своим народом, овладевая его реальными материальными ресурсами, виртуальными или символическими духовными ценностями.

Образы и символы артефактов и ментифактов всплывают и отражаются в сознании (самосознании) благодаря рациональному выбору (Д. Лейтин), который служит выражением и обоснованием тех или иных потребностей, в том числе для решения тех или иных задач (Лейтин 1999; Тишков, Шабаетов 2011: 48). Попутно отмечу крылатую формулу Д. Лейтина: «Строительство и выбор более чем кровь и наследственность» как самую краткую и самую емкую дефиницию идентичности (Лейтин: 1999, 68).

Следовательно, идентичность как истина и как рефлексивная правда исследователя в конечном счете программируется исходя из конечной цели. В отличие от художника или артиста, которые не сопровождают «опредмеченные продукты своей деятельности» (Э. Маркарян) дополнительным сообщением об их «неповторимости» и «прекрасности», носитель той или иной идентичности внутренним ощущением или внешней манифестацией декларирует их отличие от человека с иной идентичностью.

Феномен этничности, например, русскости, татарскости, гагаузскости и т. п., как объект этнологического/антропологического познания и самопознания представляет собой, подобно концептам и картинам импрессионистов, переменчивую мерцающую реальность. Правда в ней изменчива и в немалой мере зависит от ситуации диалога и от личности коммуникантов. При этом идентичность не только объект правды, но и ее носитель. Осмысление этничности и идентичности предполагает их интерпретацию, к которой не всегда предъявляется условие единственности, т.е. истинности. Правда об этничности множественна, во-первых, как множественны сами формы идентичности (этническая, религиозная, гражданская, региональная, гендерная и т. п.), во-вторых, по той причине, что факты об этничности имеют разных интерпретаторов, а сама интерпретация мотивирована разными целями.

При оценке тех или иных граней или аспектов этничности всплывают оценочные суждения «истинного» и «ложного». При этом, как замечено в литературе, асимметрия в механизмах формирования адекватности суждений, в том числе об этничности, объясняется позитивностью «истины», с которой носитель этнической идентичности ассоциирует с собой и своим речевым поведением и «ложью» – с не своим речевым поведением. Таким образом проблема бинарной оппозиции (Губогло, 2016), своего и чужого проявляется не только в реальности, но и в отражении реальности с речевым поведением.

Попытка достижения полноты, или по крайней мере подобия полноты правды о народе, была предпринята в двухтомнике «Гагаузы в мире и мир гагаузов» (Кишинев-Комрат, 2012).

Сочетание непереводаемых с русского на гагаузский язык категорий «гагаузство» и «гагаузскость», подобно сочетанию «правда о народе» и «правда народа» имели различную коннотацию. В первом случае при взгляде на правду со стороны – речь шла о фактической информации о гагаузах в различных странах мира, позволяющей составить правильное представление об их численности и расселении, во втором случае – при взгляде со стороны – «правда народа» отражала осмысление жизнедеятельности народа, оправдание его культуры и его истории.

Смысловая нагрузка и степень ощущаемости индивидуальных идентичностей в конце последнего десятилетия XX века отмечалась подвижностью, зависимостью от трендов этнополитической атмосферы в республиках Российской Федерации, растерянностью от недавно распавшегося Советского Союза. Так, например, под данным совместного Российско-американского этносоциологического опроса молодежи в столицах 16 республик РФ, по проекту «Этнополитические представления молодежи»* полностью или в значительной мере считали себя гражданами России более, чем каждые четверо из пяти представителей русской и каждые трое из четверых представителей титульной молодежи. Напротив, сопринадлежность (сопричастность) к «своей» республике для титульной молодежи была выражена на 12,4% сильнее, чем сопричастность российскому государству. Понятно, что это было следствием от эйфории этнической мобилизации и недавно обретенного суверенитета в рамках Российской Федерации.

Политизированную республиканско-гражданскую идентичность титульной молодежи подпитывали этническая и религиозная идентичности, которые у титульной молодежи были выражены сильнее, чем среди русской молодежи.

Таблица 1

Три идентичности русской и титульной молодежи в столицах 16 республик Российской Федерации (в % по итогам опроса, n = 16 000)

Идентичность	Национальность	
	Русские	Титульные
Гражданская:		
а) общероссийская	87,6	75,1
б) республиканская	69,9	91,3
Этническая	54,5	66,9
Религиозная	35,5	46,2

Таблица составлена по: Губогло 2003: 243.

Новейшие исследования идентичности, и их результаты нашли отражение в работе постоянно действующей секции в рамках программ нескольких конгрессов этнографов и антропологов России (сопредседатели секции М.Н. Губогло, М.Н. Жигонова) ИЭА РАН. Хотя исследования проводились по несколько видоизмененным программам, по сходной методике, полученные результаты позволили «измерять» тренды как устойчивости, так и изменчивости конфигурации (материальной и виртуальной основы) идентичности.

Мне показался несколько странным подход, точнее призыв к такому анализу идентичности в современных трансформационных процессах, когда за точку отсче-

* Авторы проекта Джерри Хафф, Сьюзен Лейман, при участии и под руководством М.Н. Губогло.

та надо принимать «потрясение основ», что в переводе означает, попросту говоря, отказ от ретроспективного взгляда. По мнению наших коллег, такой подход «теряет свой смысл, поскольку культурные коды, символы и процессы исследуются сегодня вне зависимости от исконного содержания, которым они были когда-то наполнены, то есть сами основы перестают быть основами» (Холлер 2016: 116).

Попытка объяснить представленное скептическое отношение к «основам», т. е. к итогам «традиционных этнологических изысканий» тем, что во-первых, «ведущие вузы страны уже не справляются с подготовкой достаточного числа потенциальных научных сотрудников» и, во-вторых, «с несомненно растущим интересом к этнологической тематике со стороны молодежи, обучающейся в непрофильных вузах» (Чешко, 2015: 135), мне кажется требует некоторого дополнительного пояснения. Дело не только в модели и в качестве подготовки молодых специалистов, но в самой атмосфере либерализма, характерной для постсоветского периода истории России. Атмосфера, пропитанная идеями западной демократии, свободной конкуренции («человек человеку волк») свободы и прав человека («свобода, братство, равенство»), нередко оказывается сопоставимой с идеями большевизма («мы старый мир до основания разрушим», а затем «мы наш, мы новый мир построим»). Привлекательность разрушительной ценности вытекает из желания соединить несоединимое, отказаться от оптимального сочетания традиций и инноваций, от их, как отмечал С.А. Арутюнов, «взаимодополнительности» (Арутюнов 2012: 279–301) и номинировать «основы», как это делается в либеральной среде (Гудков 2007: 23).

Адресуя молодым сотрудникам упрек в «отрицании основ», А.Н. Кожановский, как авторитетный теоретик и знаток этнополитической и этнопсихологической ситуации в Испании, доверяет тем своим информаторам испанцам, которые «прекрасно помнят, и отсылки к франкистскому прошлому, рассуждения о нем и сопоставление с ним постоянно присутствуют в общем дискурсе и ощутимо окрашивают политическую жизнь страны» (Кожановский 2016: 108).

Бывшие и нынешние сотрудники Института этнологии и антропологии внесли значительный вклад в исследование этничности и лабиринта идентичностей на примере народов Испании, в том числе «сквозь призму истории». В одном случае источники, питающие этнические идентичности, представляются «как потрясение основ, как крушение “старого мира” во многих его существенных аспектах и утверждение на его обломках нового, зачастую совершенно иного <...>» (Кожановский 2016: 107). В обоснование приводится «поколенческий фактор», согласно которому «глубина разрыва с прошлым не ощущается» («более молодыми коллегами») так же остро, как и старшими коллегами, поскольку они включились в социальную жизнь тогда, когда мира, сформировавшего их предшественников, уже не существовало в прежнем виде» (Там же).

В другом случае, напротив, бывшая сотрудница ИЭА РАН считает, что «Одна из особенностей Испании заключается в том, что далекое прошлое не исчезло, но продолжает сохраняться в настоящем и влиять на него. В современном контексте «ретро» ссылки используются для обоснования демократических достижений и преобразований, соответствующих децентрализации и наиболее полному соблюдению прав человека и автономных сообществ» (Коваль 2016: 57).

Не пытаясь установить точно хронологические рамки каждого из трех периодов и моделей изучения идентичности укажем, что для второго этапа наиболее характерной чертой стало обращение исследователей не к одной, а к нескольким идентич-

ностям и исследование взаимоотношений между ними. Едва ли ни приоритетными стали поиски взаимоотношений между этнической, с одной стороны, и религиозной, гражданской, гендерной, имущественной – с другой. Важные результаты, в частности, были получены в освоении и усвоении тесных связей между этнической и региональной идентичностями, хотя в целом единство порой представлялось уравнением с двумя неизвестными (*Губогло 2015; Губогло 2016: 245–274*).

Официальная социальная роль, а вместе с нею и идентичность, например, ректора Ташкентского университета, узбека по национальности, предписывала ему в советские времена зачислять в студенты абитуриентов, показавших необходимые знания. Однако идентичность «дяди» обязывала его, как близкого родственника, «помогать» слабо подготовленному племяннику из далекого аула непременно поступить в университет независимо от плохо сданных вступительных экзаменов.

Этническая и религиозная идентичности

«Братание» православной, самодержавной («государственнической») и народной идентичности, хорошо известное с времен Уваровской триады, было прервано мощной пропагандой атеизма в советское время. Государственная, гражданская (гражданская ли?) идентичность вытеснила религиозную идентичность как стабилизирующий фактор, позитивно действующий на сохранение важнейших этнических признаков, идущих из глубины веков со времен Притчей Соломоновых. И хотя в постсоветский период церковь была отделена от государства, предпринимаются серьезные попытки придать «гражданский» привкус религиозной идентичности, порой вместе с этнической. Со студенческих лет вспоминаю парадигму выдающегося советского этнографа С.А. Токарева, считающего, что «нет истории религии, а есть религия в истории народов мира» (*Токарев 1965*).

Этническая и региональная идентичности

Анализ взаимосвязи этнической и гендерной идентичности выявил более устойчивый консерватизм женщины в самосохранении этнической идентичности по сравнению с мужчинами. Некоторые русские женщины, выходящие замуж за мужчин из дальних стран, сохраняли традиционные ценности своего народа. Исключительно важные результаты дали этносоциологические исследовательские проекты, в задачу которых входил анализ соотношения этнической и региональной идентичности. Проголосовав почти всенародно на референдуме 16.03.2014 г. крымчане перешли в состав другого государства. Представители трех равновеликих по численности национальностей Приднестровья – молдаване, русские и украинцы – проголосовали на референдуме 19.11.2006 г. за вхождение в состав России (*Губогло, Старченко 2015*).

На референдуме 02.02.2014 г. население Гагаузии, сплоченное этнически и регионально под брендом Буджака, сопротивляясь идее вхождения Республики Молдова в состав Румынии, что привело бы к потере молдавской государственности, и продемонстрировало решительный настрой на вхождение в Таможенный Союз и за сохранение традиционной ориентации на русскоязычие и русскокультури с целью дальнейшего развития функциональной нагрузки гагаузского языка и профессиональной гагаузской культуры. Прочный симбиоз этнической и региональной иден-

тичности послужил гагаузам залогом их веры в молдавское отечество и их позитивного отношения к гражданской идентичности. Об этом можно судить по тому, с каким пристрастием они отметили 650-летие молдавской государственности, в отличие от прохладного отношения к этой знаменательной дате определенной части молдавской кишиневской элиты.

Симбиоз этнической и региональной идентичности в менталитете крымчан, гагаузов и приднестровцев особенно наглядно проявляется по сравнению с неустойчивой устойчивостью этих двух идентичностей среди русского населения Республики Молдова и болгарского на юге Молдовы и Одесской области Украины. Быть блюстителем этнической и одновременно региональной идентичности русскому населению Молдовы затруднительно, во-первых, из-за его дисперсного расселения в городах республики, во-вторых, из-за наличия огромного российского «этнического материка», благодаря которому частично нивелируются страхи и риски этнической ассимиляции, связанной с утратой русскости. Аналогичная ситуация имеет место среди болгар Одесской области. В поэтических произведениях болгарских поэтов Одесской области воспевается любовь к Народной Республике Болгарии, которая по справедливости воспринимается как Мать-Родина всех болгар, проживающих за пределами Болгарии, как «своей» страны (Губогло 2015).

Этнические идентичности гагаузов и болгар в немалой мере связаны с исторической травмой. В устном народном поэтическом творчестве есть немало примеров отражения трагедий во времена османского ига из-за религиозных преследований. Однако связь этнической, религиозной и региональной идентичности сегодня среди гагаузов более заметна, чем среди болгар, что проявляется в идее жертвенности.

Отличительная особенность активной идентичности проявляется в том, что творческое воображение не ограничивается истиной тех или иных артефактов и ментифактов внешней среды. Она формирует свою «правду» по поводу каждой из них. Для одних «исследователей» Бухарестский мир 1812 года оказывается началом оккупации Бессарабии Императорской Россией, для других – освобождением молдаван от Османского ига, для третьих препятствием для создания Великой Румынии, для четвертых обретением родины для задунайских переселенцев из северо-восточной части Балканского полуострова. Чем более общественно значимой оказывается историческая дата или состоявшееся событие, тем с большей смысловой плотностью появляются множество «правд» у толкователей истории, как истины.

Принципиальная разница в формировании и презентации между пассивной и активной формами этнической идентичности состоит в том, что процесс развития идей от созерцания и веры в принадлежность к своему народу, к сопереживанию и сотворчеству своего народа. В последнем случае инфантилизм советского человека, т. е. выбор этнической идентичности в зависимости от идеологически легитимизированного группового происхождения народа преодолевается душевно-психологической работой и наполнением идентичности смысловой плотностью.

В литературе о меняющихся идентичностях встречается осторожное высказывание о возможном увеличении численности множественной этнической идентичности, особенно в этнически смешанных семьях. (Тишков, Шабаетов 2011).

Расширение репертуара идентичностей, как оказалось, находится в зависимости от хода и интенсивности трансформаций и изменений. Эта двухмерная связь не оказалась незамеченной пытливыми исследователями. Возникло понимание того,

что для выявления, «измерения», учета и описания многомерности идентичностей, в том числе этнической идентичности, «необходимы адекватные теоретические конструкции человека (типов социального действия). Последние позволяют фиксировать не просто многообразие его ценностных ориентаций, нормативных предписаний, оценки ситуации, вытекающих из разновременных и институционально несогласованных источников, но и их ситуативный синтез в актуальном поведении, обеспечивающий «баланс субъективной gratification, морального самочувствия, адаптации или протестной мотивации» (Гудков 2007: 18).

Переплетение этнической идентичности с религиозной, региональной, гендерной, имущественной и другими (Губогло 2003), загружает этничность дополнительным системным смыслом, создавая условия для расщепления и возникновения двойной идентичности. Под влиянием СМИ и пропагандистских усилий активистов этнической мобилизации возникает стремление к появлению такой совокупной общегражданской идентичности, в которую «вмонтированы» в иерархическом или бессистемном порядке другие, более частные идентичности.

Этническая идентичность и отношение к богатству

В отличие от связки в паре «этническая-региональная идентичность», выступающих средством внутриэтнической и межэтнической консолидации (Губогло 2015), связи между другими парами могут иметь не только позитивную, но и негативную коннотацию. Накануне и в ходе гайдаровско-ельцинских реформ на головы бывших советских граждан обрушилась мощная пропаганда гедонизма, как смысла перехода от социализма к капитализму и как призыв к обществу благоденствия. При этом мало кто из adeptов обогащения внимал предупреждению А. Шопенгауэра о том, что «Люди в тысячу раз больше хлопочут о наживании себе богатства, нежели об образовании своего ума и сердца; хотя для нашего счастья то, что есть в человеке, несомненно важнее того, что есть у человека» (Цит. по: <http://citaty.sokratify.net/artur-shopengauer/16068>).

По данным этносоциологического опроса, проведенного в 2002 году, был обнаружен значительный разрыв между признанием свободы личности и частной собственности, как «самым главным в демократии»: в том числе 24,8%, 4,4% среди башкир, 21,6% и 3,6% среди марийцев, 24,8% и 4,7% среди татар, 19,5% и 4,4% среди удмуртов. Тем не менее, почти каждые двое из троих представителей тех же четырех титульных национальностей, считали «очень значимым» или «значимым» быть богатым. Соотношение пары декларируемых идентичностей «этническая-имущественная» складывалось в начале 2002 года таким образом, что дифференциация взрослого населения по итогам первого постсоветского десятилетия шла по линии их предуготованности к собственнической идентичности гораздо глубже, чем по этнической или по республиканской (Губогло 2003: 358).

Истина и правда этнической идентичности как ответы вызовам российской нации

Итоги исследований этнической идентичности, как и многих других, в вышеупомянутой концептуальной рамке «субъективная равнодействующая объективных

признаков», в конечном счете, как и в первом случае, носят «пассивный» характер по той причине, что они «приходят», «привносятся» человеку извне. На современном, третьем периоде 2000–2010 гг. изучении этничности и этнической идентичности внимание обращено не столько на внешнюю «среду», и даже не на социально-экономические и этнополитические условия и факторы, сколько на внутренний мир человека, на его интеллектуальный и мировоззренческий потенциал на понимание им главного тренда этнополитической ситуации в стране, состоящего в укреплении единства российской нации. Это означает, что человек не получает в сфабрикованном виде идентичность извне, а в немалой мере конструирует ее сам, генерируя новые смыслы, исходя при этом из своих моральных и нравственных убеждений, из понимания соотношения добра и зла, истинности и добродетельности, справедливости и несправедливости.

Активная идентичность, корнящаяся в глубине душевной интенции человека, подпитываясь истинно имевшими место событиями, действующими лицами, сложившимися легендами и образами, добавляет к каждому из них творческую фантазию. Соответственно с готовностью отвечает на вызовы времени, социального и географического пространств.

И уцепясь за край скользящий, острый,
И, слушая всегда жужжащий звон,
Не сходим ли с ума, мы в смене пестрой
Причин, пространств, времен?
(А. Блок)

В имплицитной форме вопрос о соотношении истины и правды сводился к выяснению того, как особенности национальной культуры, осознаваемые как истина, отражаются в сознании опрашиваемых в качестве правды. Надо было свести концы с концами в парадоксальной ситуации, когда исследователи, приняв глоток свободы (в пору хрущевской оттепели) обратились к западным идеям и концепциям, в то время как люди разных национальностей черпали смысл жизни из родного источника. Истиной служил этот источник, правдой – рефлексии людей, обратившихся к этому источнику. Радикализм этносоциологических проектов проистекал из открытой в опросах «своей» правды, исповедуемой разными слоями и социальными группами. На самом деле «своя» правда была известна еще в середине XIX века в оппозиции «публики и народа» в терминологии славянофильства, если под публикой понимать воззрения западников, под народом – патриотов России. Впечатляет «своя» правда К.С. Аксакова: «У публики свое обращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всенощной, когда публика танцует, народ молится... Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики парижские моды, у народа – свои русские обычаи» (Холмогоров 2017: 6). Если этнология черпает из художественного произведения информацию об этничности, то ей предстоит предварительно уточнить свою задачу и разграничить правильное и верное. Что есть правильно и что есть верно? Правильным, скорее всего, будет тот взгляд, согласно которому адекватно отражен смысл артефакта или ментифакта, верным – передача их особенностей, передающих дух, форму и декларативность. Художественное воплощение и восприятие демонстрирует непосредственное отношение к жизни и поэтому оно признается верным. Когда называют этническую при-

надлежность человека, например, русского, полагают, что он соответствует русскости. Однако сходство не ограничивается внешней стороной. Верность этнонима или экзонима определяется образом или стереотипом, синтезирующим внешний облик русского с его внутренним содержанием.

Непреходящая ценность художественного произведения, как этнологического источника, вытекает из того, что верное изображение этничности в нем раскрывает правду жизни, в то время, как правильное – позволяет узнать оригинал, или ориентироваться в пространстве и во времени. Один единственный вопрос, заданный в этносоциологическом опросе может быть правильным, но вряд ли он всегда может оказаться безупречно верным. Фотопортрет стремится к правильности, художественный образ – к верности.

В пору социальной зрелости идентичности, в ее формировании, исповедании и осмыслении присутствует интенция, идущая изнутри, из накопленного опыта и богатого внутреннего пространства человека. Этот фактор, в частности, ясно осознал Гарсия Лорка, убежденный в том, что «поэтическое воображение странствует и перевоплощает вещи, придает им самый их чистый смысл и определяет взаимосвязи, дотоле неведомые» (ЛГ 2017. № 11).

Приведенную мысль знаменитого испанского драматурга и поэта Гарсия Лорки, широко использовавшего в своем творчестве «продукты» и «краски» этничности, можно было бы счесть эпиграфом к той стадии этнической идентичности, когда она многими нитями связывается и коррелируется с гражданской, региональной, имущественной, религиозной и другими идентичностями.

Без этой глубинной, идущей из обширного внутреннего пространства человека рефлексии, без синтетического осмысления прошлого, настоящего и будущего социокультурное, творческое развитие этничности и идентичности невозможно. Следовательно, синтез идентичностей служит самым действенным рецептом оптимального развития этничности, гарантом ее роли в сохранении самобытности и сопричастности к российской нации.

Новая форма этнической идентичности трактуется как взаимодействие взаимозависимых идентичностей и их сознательное сочетание, сочленение, коренящихся в разных ресурсах тех или иных социальных групп или институтов. Конечный смысл множественности идентичностей лежит в русле учета различных точек зрения и норм поведения с участием представителей разных этнических, религиозных и региональных групп населения.

Вместо заключения

Рациональное понимание и исследование этничности и этнической идентичности основано в рамках соотношения различных форм ментифактов и артефактов в зависимости от личностных и внеличностных факторов, а также от обострения крутого общественного интереса к современным этническим процессам. В 1970-е годы большинство проектов были направлены на исследования некоторых форм функционирования и элементов этнической идентификации в обществе. Однако, выделившись вместе с этносоциологией, и, отчасти, благодаря ей, в отдельную зону в предметной области этнографии (этнологии), проблематика этничности не самоопределилась в самостоятельную дисциплину, ориентированную на выявление ее

взаимосвязей с политикой, религией, искусством, этикой и литературоведением.

Важным достижением этносоциологического исследования этничности стало решение двух задач по выявлению социокультурной обусловленности этнической компетенции, этнического поведения и этнической ангажированности на личностном и на групповом уровне.

К сожалению оказалась маловостребованной выдвинутая мной еще в 1960-х годах и поддержанная Ю.В. Арутюняном идея о соотношении в природе этничности, современных этнических и этноязыковых процессов, а также в элементах этнической идентичности интра-, интер- и экстраэтнических факторов (Арутюнян 1968: 3–13).

В трудах Ю.В. Бромлея, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В.И. Козлова, М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, С.В. Чешко основательно освещены социальная сущность этничности, реализованы исследовательские проекты, нацеленные на выявление реальных тенденций, развитие этнически окрашенных явлений, на «измерение» и «взвешенное» соотношение внеэтнических факторов, определяющих ход и динамику этнических процессов. Однако динамический аспект исследования этничности в многоэтничном сообществе не всегда соотносится с развитием самого сообщества в целом.

Экстенсивное, по преимуществу, развитие этносоциологии, как видно из уже дважды изданного учебного пособия, а также из нескольких учебников и двух фундаментальных сборников, посвященных юбилейным датам, не позволило ей в полной мере вписаться в систему общего социологического и этнологического знания. Представ в виде отраслевой научной дисциплины среднего уровня, основанной, главным образом, на эмпирических исследованиях прикладного характера, этносоциология оказалась мало связанной с общесоциологической теорией. Разработанная Ю.В. Бромлеем и его коллегами теория этноса и теория современных этнических процессов, не заполнила брешь между высшим уровнем социологии, в предметной области которой центральное место занимает структура и отношение в обществе в целом и анализом конкретных социально-этнических проблем и процессов (Бромлей 1973, 1983; Козлов 1969).

Попав в разряд «отраслевых» исследований среднего уровня, этносоциология не сумела четко обосновать теоретическое видение этничности и «прописать» себя в систему научных дисциплин гуманитарного профиля. В этом можно убедиться, если принять во внимание множество дефиниций, предложенных целым отрядом ученых, обратившихся к изучению этничности.

Предметом их анализа могут быть отдельные сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения, в которых проявляется, позиционируется этничность. В самой этносоциологии едва ли ни с самых первых проектов выделились «отраслевые» этнодемографические, этносоциальные, этноязыковые, этнопсихологические дочерние «ветви» этносоциологии. В каждой из них интерес представляют отдельные элементы, структура, состав, функции, с помощью которых, или в недрах которых, отражена этническая особенность.

Мне представляется, что в самом общем виде теория этноса раскрывает сущность состава населения этнической общности, в то время, как теория этничности – особенности. В свою очередь, в каждом из структурных подразделений этноса и этнических процессов выделяются три уровня. На философском, наиболее высоком уровне, выявляются закономерности развития этноса и этничности в связи с дина-

микой социума в целом, на самом низком исследуются операционально измеряемые количественные и качественные параметры конкретных составных частей и особенностей этноса как сообщества людей и этничности как особенности людей этого сообщества. На среднем уровне прослеживается взаимосвязь структурных подразделений этноса и специфических особенностей этничности с различными социальными и социально-экономическими факторами данного социума.

Литература

- Аксаков 1889 – Аксаков К.С. О русской истории. Полн. собр. соч. К.С. Аксакова. М., 1889. Т. 1.
- Арутюнов 2012 – Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА, 2012.
- Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека, М., Языки русской культуры. 1999.
- Арутюнян 1968 – Арутюнян Ю.В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР // Советская этнография, 1968. № 4. С. 3–13.
- Арутюнян 1969 – Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопросы философии, 1969. № 12. С. 129–130.
- Бромлей 1973 – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Гагаузы в мире 2012 – Гагаузы в мире и мир гагаузов. Комрат; Кишинев 2012. Т. 1–2; Т. 1. Гагаузы в мире / автор идеи, сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. Комрат; Кишинев: Tipografia central, 2012; 756 с. Т. 2. Мир гагаузов / автор идеи, сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. Комрат-Кишинев: Tipografia Centrala 2012.
- Губогло 1971 – Губогло М.Н. Элементы этнической идентификации в оценках экспертов / Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований, 1970. Тбилиси, 1971.
- Губогло 1973 – Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации. Доклад на IX Международном конгрессе археологических и этнографических наук (МКАЭН) в Чикаго. М., 1973.
- Губогло 1999 – Губогло М.Н. О глобализации этнологии на рубеже тысячелетий / III Конгресс этнографов и антропологов России, 8–11 июня 1999 г. Москва, 1999. С. 7–12
- Губогло 2003 – Губогло М.Н. Идентификация этничности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
- Губогло 2013 – Губогло М.Н. Антропология повседневности, М. Языки славянской культуры. 2013.
- Губогло 2015 – Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности / Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 2015. № 241.
- Губогло 2016а – Губогло М.Н. Антропология доверия. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- Губогло 2016б – Губогло М.Н. Этносоциология / Предмет и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов // сост. Е.Б. Барина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 37–84.
- Губогло, Старченко 2015 – Губогло М.Н., Старченко Р.А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 года (опыт этносоциологического исследования). М.: ИЭА РАН, 2015.
- Гудков 2007 – Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность, 2007. № 6. С. 16–30.
- Коваль 2016 – Коваль Т.Б. Современная Испания в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 57–77.
- Кожановский 2016 – Кожановский А.Н. Культурно-нормативные преобразования в царстве вековой патриархально-католической традиции // Вестник антропологии, 2016. № 4 (36). С. 107–116.
- Козлов 1969 – Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969.
- Комарова 2016 – Комарова Г.А. Отечественные традиции этнологического изучения мира

- детства // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова, М. ИЭА РАН, 2016. С. 338–358.
- Лейтин 1999 – Лейтин Д. Теория политической идентичности / Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 65–102.
- Луман 2016 – Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016.
- Малькова, Тишков 2009 – Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство: образы российских республик в интернете. М.: ИЭА РАН, 2009. 149 с.
- Междисциплинарные 2005 – Междисциплинарные исследования в социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / отв. ред. М.Н. Губогло, М.: Наука, 2005.
- Опыт этносоциологического 1980 – Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР) / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1980.
- Пименов 1997 – Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Ленинград: Наука, 1977.
- Развивающийся электорат 1996 – Развивающийся электорат России. Истоки. М.: ИЭА РАН, 1996. Т. 1; Выборы-93. М.: ИЭА РАН, 1996. Т. 2; Выборы-95. М.: ИЭА РАН, 1996. Т. 3. Вып. 1–2.
- Социальное и национальное 1973 – Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1973.
- Социально-культурный облик 1986 – Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования) / отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
- Степун 1991 – Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир, 1991. № 6
- Тишков 1999 – Тишков В.А. Антропология российских трансформаций / III Конгресс этнографов и антропологов России, 8-11 июня, 1999 г. М., 1999. С. 12–28.
- Тишков 2012 – Тишков В.А. Три карты: теория и общие подходы к проблеме «культуры и пространства» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.
- Тишков 2013 – Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков 2016 – Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение, 2016. № 15. С. 5–22.
- Тишков, Шабаетов 2011 – Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
- Токарев 1958 – Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958.
- Токарев 1965 – Токарев С.А. Религия в истории народов мира. Изд. второе, исправ. и допол. М.: Политиздат, 1965.
- Токарев 1966 – Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1966.
- Холлер 2016 – Холлер Е.В. Идентичность и трансформация: тренды, сложности и прогнозы // Вестник антропологии, 2016. № 4 (36). С. 116–122.
- Холмогоров 2017 – Холмогоров Е. Могучий мечтатель // Культура, 2017. № 12. С. 6
- Чешко 2000 – Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. Изд. 2-е. М. ИЭА РАН.
- Чешко 2016 – Чешко С.В. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь... // Вестник антропологии, 2016. № 4 (36). С. 132–135.

References

- Aksakov K.S. O russkoi istorii. Poln. sobr. soch. K.S. Aksakova. Moscow, 1889. Vol. 1.
- Arutiunian Iu.V. Konkretno-sotsiologicheskoe issledovanie natsional'nykh otnoshenii. Voprosy fi-

- losofii, 1969. No. 12. Pp. 129–130.
- Arutiunian Iu.V.* Opyt sotsial'no-etnicheskogo issledovaniia (po materialam Tatarskoi ASSR. Sovetskaiia etnografiia, 1968. No. 4. Pp. 3–13.
- Arutiunov S.A.* Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone. Moscow: INFRA, 2012.
- Arutiunova N.D.* Iazyk i mir cheloveka. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. 1999.
- Bromlei Iu.V.* Etnos i etnografiia. Moscow: Nauka, 1973.
- Bromlei Iu.V.* Ocherki teorii etnosa. Moscow: Nauka, 1983.
- Cheshko S.V.* Chem bol'she znaesh', tem men'she ponimaesh'... Vestnik antropologii, 2016. No. 4 (36). Pp. 132–135.
- Cheshko S.V.* Raspad Sovetskogo Soiuz. Etnopoliticheskii analiz. Izd.2-e. Moscow: IEA RAN, 2000.
- Gagauzy v mire i mir gagauzov. Komrat; Kishinev 2012. Vol. 1–2; Vol. 1. Gagauzy v mire. M.N. Guboglo (ed.). Komrat; Kishinev: Tipografia central: 2012; Vol. 2. Mir gagauzov. M.N. Guboglo (ed.). Komrat; Kishinev: Tipografia Centrala, 2012.
- Guboglo M.N.* Antropologiya doveriia. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2016.
- Guboglo M.N.* Antropologiya povsednevnosti. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013.
- Guboglo M.N.* Elementy etnicheskoi identifikatsii v otsenkakh ekspertov. Vsesoiuznaia nauchnaia sessiia, posviashchennaia itogam polevykh arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy, 1970. Tbilisi, 1971.
- Guboglo M.N.* Etnosotsiologiya / Predmet i problemy etnologii i antropologii. Lektsii dlia aspirantov. E.B. Barinova (ed.). Moscow: IEA RAN, 2016. Pp. 37–84.
- Guboglo M.N.* Iazykovye kontakty i elementy etnicheskoi identifikatsii. Doklad na IX Mezhdunarodnom kongresse arkhologicheskikh i etnograficheskikh nauk (MKAEN) v Chikago. MOSCOW, 1973.
- Guboglo M.N.* Identifikatsiia identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki. MOSCOW: Nauka, 2003.
- Guboglo M.N.* O globalizatsii etnologii na rubezhe tysiacheletii / III Kongress etnografov i antropologov Rossii, 8-11 iyunia 1999 g. Moscow, 1999. Pp. 7–12
- Guboglo M.N.* Simbioz etnicheskoi i regional'noi identichnosti. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii, 2015. No. 241.
- Guboglo M.N., Starchenko R.A.* Referendum v Krymu 16 marta 2014 goda (opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia). Moscow: IEA RAN, 2015.
- Gudkov L.D.* «Sovetskii chelovek» v sotsiologii Iurii Levady. Obshchestvennye natsii i sovremennost', 2007. No. 6. Pp. 16–30.
- Kholler E.V.* Identichnost' i transformatsiia: trendy, slozhnosti i prognozy. Vestnik antropologii, 2016. No. 4 (36). Pp. 116–122.
- Kholmogorov E.* Moguchii mechtatel'. Kul'tura, 2017. No. 12. Pp. 6
- Komarova G.A.* Otechestvennye traditsii etnologicheskogo izucheniia mira detstva. Fenomen mezhdistsiplinarosti v otechestvennoi etnologii. Otv. red i sostv. g.A.Komarova. Moscow: IEA RAN, 2016. Pp. 338–358
- Koval T.B.* Sovremennaiia Ispaniia v labirinte identichnostei. Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (ed.). MOSCOW: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. Pp. 57–77.
- Kozhanovskii A.N.* Kul'turno-normativnye preobrazovaniia v tsarstve vekovoi patriarkhal'no-katolicheskoi traditsii. Vestnik antropologii, 2016. No. 4 (36). Pp. 107–116.
- Kozlov V.I.* Dinamika chislennosti narodov. Metodologiya issledovaniia i osnovnye faktory. Moscow: Nauka, 1969.
- Leitin D.* Teoriia politicheskoi identichnosti. Etnicheskaiia mobilizatsiia i mezhetnicheskaiia integratsiia / sost. i otv. red. M.N. Guboglo. Moscow: IEA RAN, 1999. Pp. 65–102.
- Luman N. Istina, znanie, nauka kak sistema. Moscow: Logos, 2016.
- Malkova V.K., Tishkov V.A.* Kul'tura i prostranstvo: obrazy rossiiskikh respublik v internete. Mos-

- cow: IEA RAN, 2009.
- Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v sotsial'no-kul'turnoi antropologii: Sbornik v chest' Iurika Vartanovicha Arutiuniana. M.N. Guboglo (ed.). Moscow: Nauka, 2005.
- Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia obraza zhizni (po materialam Moldavskoi SSR). Iu.V. Arutiunian (ed.). Moscow: Nauka, 1980.
- Pimenov V.V. Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa. Leningrad: Nauka, 1977.
- Razvivaiushchiisia elektorat 1996 – Razvivaiushchiisia elektorat Rossii. Istoki. Moscow: IEA RAN, 1996. Vol. 1; Vybory-93. Moscow: IEA RAN, 1996. Vol. 2; Vybory-95. Moscow: IEA RAN, 1996. Vol. 3. No. 1–2.
- Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR(ed.) Iu.V. Arutiunian. Moscow: Nauka, 1973.
- Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniia) (ed.) Iu.V. Arutiunian, Iu.V. Bromlei. Moscow: Nauka.
- Stepun F.A. Mysli o Rossii. Novyi mir, 1991. No. 6
- Tishkov V.A. Antropologiya rossiiskikh transformatsii. III Kongress etnografov i antropologov Rossii, 8-11 iyunia, 1999 g. Moscow, 1999. Pp. 12–28.
- Tishkov V.A. Ot etnosa k etnichnosti i posle. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 15. Pp. 5–22.
- Tishkov V.A. Rossiiskii narod. Istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia. Moscow: Nauka, 2013.
- Tishkov V.A. Tri karty: teoriia i obshchie podkhody k probleme «kul'tury i prostranstva». Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest. Rostov-na-Donu: Izd-vo IuNTs RAN, 2012.
- Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011.
- Tokarev S.A. Etnografiia narodov USSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1958.
- Tokarev S.A. Istoriia russkoi etnografii. Dooktiabr'skii period. Moscow: Nauka, 1966.
- Tokarev S.A. Religiiia v istorii narodov mira. Izd. vtoroe, isprav. i dopol. Moscow: Politizdat, 1965.

M.N. Guboglo. «Three Sources and three Components» of Ethnic Identity.

The source of the formation of ethnic identity in its infantile (“naive”) form at the time of growing public interest in the origin (ethnogenesis) of its people was the attribution (experience) of cultural heritage (elements of ethnic identification). At the second stage of rational choice (“deinfantilization”) and spontaneous systematization of several newly acquired non-ethnic identities, ethnic identity is filled with practical significance and functional purposefulness, mastering the role of the catalyst for ethnic mobilization. Finally, at the third stage, as indoctrination goes into the public consciousness and in the humanitarian knowledge of the concept of the Russian nation by its main ideologist, academician V. Tishkov and his supporters, sources of ethnic identity retain their intentions, however, they are inferior to the energy of the Russian nation. Three components of the ideological arsenal of primordialism (ethnos theory), constructivism (ethnicity theory) and the concept (theory) of the Russian nation correspond to the three sources of ethnic identification at the turn of the 20th and 21st centuries.

Key words: elements of ethnic identification, infantile rational choice, intra-ethnic, interethnic, and extra-ethnic resources of ethnic identity, the indoctrination of the Russian nation concept.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+ 655.552

© Ю.Д. Анчабадзе

**РЕЦ. НА: АНТРОПОЛОГИЯ
МЕДИА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА /**
под. ред. В.К. Мальковой,
В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016. –
302 с.

Необходимость изучения столь мощного атрибута современной культуры, как средства массовой информации никогда не вызывала сомнений, поэтому СМИ уже давно находятся в зоне активного внимания специалистов. Усилиями последних тема к настоящему времени обеспечена весьма обширным историографическим ресурсом, перспективы увеличения которого практически безграничны: соответствующее исследовательское поле постоянно расширяет-

ся, так как следуя за динамикой объекта, оно вынуждено включать в себя его новые характеристики, сущности и смыслы. Наиболее показательный пример – появление электронных СМИ, в кратчайшее время качественно изменивших привычные формы коммуникации и механизмы распространения информационного продукта, вычленившие новые зоны взаимодействия социума и медиа и, соответственно, воздействие последних на групповые сообщества и индивидуальных адресатов. Все это нуждается в осмыслении, в том числе методами социальной антропологии – исследовательские усилия в этом направлении представлены в рассматриваемом сборнике.

В вводной статье В.А. Тишков обрисовал основные этапы предметного, методологического и интеллектуального становления субдисциплинарного статуса медиаантропологии. Между тем, работы сборника, как отмечает один из редакторов В.К. Малькова, выполнены в рамках тематики, связанной с «отражением этнических процессов и явлений в средствах массовой информации и во всем информационном пространстве» (с. 5). В статье «СМИ и современное полиэтничное общество» В.К. Малькова перечислила наиболее актуальные направления соответствующих тематических исследований, определила «основные узлы соприкосновения СМИ и этничности» (с. 41), обозначила концептуальные термины и дефиниции, связанные с проблематикой сборника.

Между тем, очевидно, что соответствующее исследовательское поле не имеет достаточно четких границ. В.К. Малькова пытается обозначить некие ориентиры, говоря

об *этническом пространстве СМИ* (с. 49). Однако это пространство остается весьма расплывчатым. Так, в статье «Этническая тема в тувинских СМИ» В.С. Кан рассматривает публикации местных медиа, посвященные этнической и языковой ситуации в республике, народным праздникам, проблемам сохранения национальной культуры и др., но в то же время автор анализирует материалы об экономической жизни, причем в поле зрения находятся как публикации, в которых «затронута болезненная для местного населения тема освоения Тоджинского района», так и репортажи «об успехах экологически чистой тувинской продукции». В статье О.Г. Сидорова «Медиа полиэтнического региона: межэтнический и общественный диалог в якутской прессе» объектом исследования стал журнал «Илин» в диапазоне его публикаций от извлеченных из архивов значимых для якутского исторического сознания текстов до справок о работающих в Саха-Якутии национально-культурных объединениях. С.Л. Распопова также демонстрирует весьма широкую трактовку границ этнического в медиа, – в ее статье «СМИ Приднестровья: опыт этнокультурного взаимодействия» в предмет анализа попали даже «спортивные» и «развлекательные» материалы.

Впрочем, это понятно. В.К. Малькова указывает, что «этническое пространство, вслед за реалиями жизни, разрастается и в СМИ» (с. 49), а потому «этническая окраска может содержаться в любых публикациях» (с. 51). Между тем, научный анализ не может быть приложен к объекту, не имеющему хотя бы конвенциональных границ, поэтому весьма продуктивным представляется другой определенный В.К. Мальковой концепт, призывающей исследователей обращаться прежде всего к *контенту*, к собственно *этнической информации* (с. 43), а также к способам ее репрезентации.

Некоторые теоретические аспекты проблемы затронуты также в статье И.Н. Блохина «Коммуникативная совместимость в интеграции медиапространства», однако в данном случае выводы автора не столь однозначны и, по крайней мере у меня, вызывают некоторые возражения. Наделяя журналистику важными социальными функциями, И.Н. Блохин выделяет ее интегративные возможности, в рамках которых журналистика «неизбежно обращается к темам взаимодействия различных культур и сопутствующей ей проблеме толерантности» (с. 23). При этом интеграция возможна лишь в условиях коммуникативной совместимости, которая «складывается из совокупности согласований политических, международных, экономических, социальных, культурных, исторических, религиозных...» – список продолжается с упоминанием даже *расово-антропологических* согласований. Именно в рамках коммуникативной совместимости складывается иерархия сообществ, представленная «своими», «другими», «чужими» (с. 25), при этом И.Н. Блохин выделяет позитивную роль *конформизма*, который трактует как «согласие с культурными и социальными нормами сообщества большинства». В противовес разрушительную роль может сыграть толерантность, которая «приводит к социальной дезориентации, деформации норм и легитимизации девиаций». Автора явно возмущает, что «толерантного к себе отношения требуют группы меньшинств, независимо от доминирующего (а потому – и интегрирующего общество) блока ценностей, традиций и смыслов социального большинства» (с. 23). Трудно сказать, какие меньшинства имел в виду автор, но этнические сообщества зачастую выступают именно в качестве меньшинств, поэтому по существу призывы журналистам ограничить в данной ситуации зону действия принципов толерантности для меня неприемлемы.

Понятно, что наиболее выпукло этнические аспекты медиа проявляются в условиях социально-политической напряженности в сфере межнациональных или ме-

жгосударственных отношений. В этом контексте весьма показательна деятельность российских СМИ в освещение «украинского кризиса» – не случайно этой теме в сборнике посвящены три очень интересные работы.

В.К. Малькова в статье «Российская пресса о возвращении Крыма» рассмотрела отражение данного события в публикациях отечественных газетных изданий. Источниковый контекст интересен: автор проанализировал соответствующий контент за март 2014 г., т.е. период наиболее концентрированной динамики событий, связанных с присоединением Крыма к РФ. Исследовательская цель предельно ясна. Автор посчитал важным «увидеть деятельность сегодняшней российской прессы, направленную на защиту российских интересов, на использование этого события для сплочения и единения российского народа, на формирование и поддержание общероссийской идентичности и патриотизма» (с. 147). Для реализации этой цели автор обратился к трем изданиям – «Комсомольская правда», «Аргументы недели» и «Советская Россия», считая, что они «разные по своей общественно-политической направленности» (с. 175). Мне трудно согласиться с последним утверждением – на мой взгляд, да и приводимый автором материал убеждает, что больших различий между этими изданиями нет (между ними – *коммуникативное согласие*, если воспользоваться терминологией И.Н. Блохина), поэтому гораздо интереснее было включить в исследовательский анализ публикации изданий, которые, действительно пытались представить читателю несколько иной взгляд на события, например, «Новой газеты» – это обеспечило бы работе более широкое источниковое пространство для анализа и выводов.

Тем не менее, В.К. Малькова провела скрупулезную работу, проследив за характером «крымских» публикаций, помещенных в названных изданиях. *Коммуникативное согласие* обусловило практически идентичные формы репрезентации основных транслируемых идей, которые автор умело вычленяет, представив на стр. 173–174 очень информативную таблицу, в которую сведены основные идеологемы (и мифологемы, добавлю от себя), «распространявшиеся российскими газетами в период возвращения Крыма». В целом анализ В.К. Мальковой полностью подтвердил ею же высказанные в статье «СМИ и современное полиэтническое общество» положения об информационной стратегии медиа в условиях развивающегося конфликта.

Одним из направлений этой стратегии – «создание и распространение этнических образов и стереотипов», в частности «друзей и партнеров или противников и врагов» (с. 50). В этой связи В.К. Малькова считает, что «надо отдать должное нашим СМИ, которые не смешивали власть и народ Украины и на протяжении долгого времени внушали нашим народам идею, что население Украины – это наш братский народ... Об украинском народе газеты писали почти всегда уважительно <...> практически не позволяя себе негативных высказываний» (с. 167).

Однако приводимые примеры не подтверждают выдвинутого тезиса. Как расценить такие пассажи, как: «он (народ Украины. – Ю.А.) невменяем сейчас <...> наших братьев сводят с ума. Забывается даже кровное родство» (с. 165); кстати, в цитации опущено продолжение этой фразы в публикации автора Е. Холмогорова: «апеллировать к здравому смыслу и братскому чувству между народами бессмысленно»; «Украина сегодня – это огромное архаическое гуляй-поле» (с. 166); «Комсомольская правда», по словам В.К. Мальковой, «показала жителей Украины как людей, не понимающих ситуацию, но, тем не менее, получающих деньги от России» (с. 164). Автор не обратила на это внимания, но не могу не отметить, что общим местом в российской

прессе (и в данном случае в трех анализируемых изданиях) стало употребление по отношению к Украине и украинцам таких бессодержательных, но крайне провокационных определений, как *бандеровцы*, *бандерофашисты*, *нацисты*, *национал-фашисты*, *укрогеббельс* и т.п.; считалось, видимо, остроумным журналистским приемом обыгрывание в уничижительно-пренебрежительном тоне украинских слов *мова*, *незалежная*, *жовто-блакитный*, *свидомый*, *громодяне*, *ненька-Украина* и др.; сам за себя говорит заголовок одной из публикаций в «Комсомольской правде»: «У Украины нет национальной истории, вот она ее и ищет». Примеры, к сожалению, можно множить.

Это свидетельствует, на мой взгляд, что роль российской прессы в нынешнем трагическом российско-украинском противостоянии не столь благодатная. Российские медиа и ее представители несут свою долю корпоративной и персональной ответственности за формирование образа врага, который господствует ныне в массовом сознании россиян и украинцев, за тот язык вражды и ненависти, который во многом стал обыденным средством межгрупповой коммуникации. Он неизменно присутствует, например, в сетевом пространстве, в котором весьма активно осуждаются перипетии русско-украинского конфликта.

Д.В. Громов в статье «Украинский кризис и бои в Интернете» показал, что именно на март 2014 г. пришелся «всплеск взаимной ненависти» (с. 185), назвав происходящее «информационными войнами». Этот же концепт использовала И.А. Снежкова в названии своей статьи «Кризис на Украине и информационные войны».

Между тем авторы сборника уверены, что у медиа огромные возможности для позитивной работы в сфере оптимизации национальных отношений. А.Д. Назаров в статье «Современные тенденции в информационном обеспечении реализации государственной национальной политики Российской Федерации» проанализировал эти возможности на примере поддержки, которые отечественные СМИ оказали этому важнейшему социальному проекту в печатных, радиальных и телевизионных каналах. В целом приведены весьма впечатляющие факты, хотя некоторые вызывают вопросы. Так, вряд ли удачным вкладом в *информационное обеспечение* можно считать некоторые статейные заголовки, которые умудрилась дать, например, «Российская газета» – «Язык проглотишь. Не прочтешь Толстого и Пушкина – не получишь российский паспорт», «Запад долго формировал русофобию среди крымских татар», «Богословы призвали дагестанских мусульман уйти от фанатизма» (с. 78) и др. подобные перлы.

В этих случаях чрезвычайно важную роль играет профессиональная ответственность журналиста, его личная культура и общественное самосознание. Это подчеркнула О.Н. Савинова, обобщая в статье «СМИ как фактор межкультурного диалога в обществе риска и подготовка журналистских кадров» опыт соответствующей педагогической работы в Нижегородском университете. Одновременно О.Н. Савинова вновь обратилась к трагедии с журналом «Шарли эбдо», остро поставив вопрос о сочетании журналистской ответственности и свободы слова. В этой связи О.Н. Савинова приводит данные ВЦИОМ, согласно которым «между свободой слова без границ и устранением риска терроризма россияне выбирают второе» (с. 270). Однако не свобода слова порождает современный терроризм – он зародился в обществах, где СМИ всегда находилась под железной пятой власти; и цель террористов, показательно убивавших французских журналистов, как раз в том и состояла, чтобы надеть намордник на свободную прессу.

Лимит рецензии исчерпан, однако публикации в рассматриваемом сборнике дают немалую пищу и для дальнейших размышлений, обсуждений и дискуссий.

УДК 39+ 655.552

© С.В. Чешко

**РЕЦ. НА: КУЛЬТУРНАЯ
СЛОЖНОСТЬ
СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ /
отв. ред. В.А. Тишков,
Е.И. Филиппова; Институт
этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
РАН. – М.: Политическая
энциклопедия, 2016. – 384 с. : ил.**

Чем дольше я живу в науке, тем больше убеждаюсь, что рецензия – это один из самых сложных жанров научного исследования. Не оговорился, употребив оборот «научное исследование». Работы

по истории науки, в том числе и диссертационные исследования, не вызывают вопросов. А вот к журнальным рецензиям на свежие публикации обычно относятся несколько прагматически и потребительски. Для авторов – это, зачастую, способ пополнить список своих публикаций. А для читателей – возможность хоть как-то, вкратце ознакомиться с выходящими научными работами, которые им недоступны или которые недосуг прочитать: невозможность впитать все обилие информации даже по своей, даже не очень широкой теме, является одной из главных проблем современной науки. Между тем, рецензия вполне может быть чем-то большим, нежели реферат, – полноценным исследованием с помощью авторов рецензируемых публикаций.

Это вступление к анализу рецензируемой книги понадобилось мне, чтобы, во-первых, обратить внимание коллег на важность жанра рецензии (а их дефицит испытывают издатели многих научных журналов), и, во-вторых, чтобы предупредить читателей о своих ограниченных задачах и, в то же время, о некоторых моих принципиальных посылах, которые, однако, – в результате прочтения данной работы – могут получить стимул для доосмысления.

Рецензируемый сборник, на мой взгляд, является заметным достижением или, по крайней мере, «явлением» в современной отечественной этнологии/антропологии последних лет, наряду с еще несколькими изданиями, касающимися проблем этнологической методологии в контексте этнополитических процессов (см, например: Российская нация 2011; Тишков 2013; Этнический и религиозный факторы 2012).

Сборник «Культурная сложность современных наций» непросто рецензировать, поскольку он посвящен чрезвычайно сложным проблемам современности – с массой существенных нюансов – и обильно снабжен большим страноведческим материалом. Поэтому я ограничусь только краткой характеристикой содержания работы и сосредоточусь на близких для меня темах, освещенных, главным образом, в первой части издания.

Книга состоит из четырех тематических частей с Введением (В.А. Тишков) и Заключением (В.А. Тишков, Е.И. Филиппова). **Часть 1 «Общие проблемы – разные подходы»** включает статьи В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой и С.В. Соколовского, посвященных методологии исследования этнокультурной тематики. В **Части 2 «Старые нации в новом мире»** собраны статьи, в которых анализируются особенности современного развития Испании, Великобритании, Франции, Германии, Гваделупы и Австралии. **Часть 3 «Новые нации на обломках старого мира»** объединила статьи о постсоветских государствах, Балканах, Алжире, Мали и ряде других бывших колоний Европы, ЮАР. Наконец, в **Части 4 «Восточные варианты культурной сложности»** объединены статьи о КНР, Японии и Саудовской Аравии.

Разумеется подборка стран определяется, главным образом, специализацией авторов, а не какой-то строгой «классификацией» вариантов национального развития в современном мире. Кстати, в статье С.В. Соколовского («Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации») как раз и рассматриваются сложные и все усложняющиеся проблемы принципов типологизации человеческих сообществ и, в частности, наций. Но, в отличие от многих других сборников, объединенных, скорее, названием, а не соответствующей этому названию проблематикой (а это, пожалуй, норма для изданий этого жанра), данный сборник выгодно отличается именно тем, что включенные в него статьи в той или иной мере действительно заострены на одной идее – идее о культурной сложности современных наций, – вполне в соответствии с его названием.

В.А. Тишков указывает еще на одно общее, объединяющее, по его мнению авторов издания. Оно заключается «в старом ренановском подходе соединения этатистского (гражданско-политического) и этнического (культурного) начал в категоризации национального» – но, добавляет, с некоторыми важными уточнениями (статья «Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить», с. 8). Не уверен, правда, что это явствует из содержания многих статей. Да и заявленный методологический монизм выглядит сегодня уже несколько необычно.

К некоторым примечательным мыслям В.А. Тишкова я еще вернусь. Но, кажется – если я правильно понял, – его генеральная идея состоит в том, что современный мир настолько многообразен по культуре, типам социальных общностей, вариантов проявления этнического и национального, что главная проблема заключается в том, чтобы разобраться в этой вариативности, которая ставит под сомнения традиционные представления о нации и этничности и их соотношении. Авторы Заключения даже применяют к современным государствам-нациям термин С. Вертова «сверхмногообразие» (с. 377), хотя, честно говоря, я не нахожу в этом термине ничего, кроме образности.

Так вот чтобы разобраться с этим многообразием/сверхмногообразием, В.А. Тишков так же, как и С.В. Соколовский, обращается к проблемам классификации. Но если последний сосредоточил свой анализ по линии возможности/невозможности что-то понять и дать позитивный ответ на возникающие вопросы – С.В. Соколовского с полным правом можно считать главным, наиболее интеллектуальным и утонченным «рефлексологом» в отечественной, а, возможно, и в мировой антропологии, – то В.А. Тишков задается конкретными вопросами: «Что изменилось в последние два-три десятилетия? По каким линиям происходило усложнение как самого человеческого материала, так и категорий его классификации и осмысления применительно к населению современных государств?» (с. 4).

«Первая линия усложнения – это внутренняя мобильность населения, повсеместная урбанизация и, как результат, перемешивание и размывание границ некогда более определенных ареалов культурно отличительных сообществ» (с. 4).

«Вторая линия – это радикально изменившаяся трансграничная миграционная активность современных людей... В отличие от миграций предыдущих эпох, которые порою были не менее масштабными и даже составили основу формирования так называемых переселенческих наций, нынешние миграции имеют многовекторный характер, несводимый к линии “бедный Юг – богатый Север”».

«Третья линия – это рост партикулярных (этнических, региональных) форм самосознания (идентичностей) среди аборигенного или старожильского населения, которое казалось интегрированным в состав наций, за исключением радикальных элементов, исповедующих крайние формы коллективного самоопределения» (с. 5).

«Четвертая линия заключается в формировании новых трансграничных, космополитичных форм идентичности среди людей, особенно занятых в международных корпорациях и организациях или проживающих и осуществляющих свою деятельность не только в одной стране. Про “разделенные народы” было известно давно, и это о тех этнических группах, ареалы расселения которых разрезаны государственно-административными границами. Но дело в том, что сегодня фактически нет не разделенных народов...» (с. 6).

Одним из следствий этих изменений, как отмечает В.А. Тишков, является рост тенденции к двойной идентичности, когда человек может причислять себя не только к какой-то одной нации (с. 6). Разумеется, для этнологов и социологов феномен множественности идентичности, обусловленный тем, что человек в сложных обществах одновременно принадлежит к нескольким социальным, культурным и территориальным группировкам, тривиален. Но допущение двойной национальной идентичности – это, безусловно, нечто новое, во всяком случае, для отечественной науки, и допущение довольно щепетильное, если иметь в виду подчас довольно истеричные дискуссии, разразившиеся вокруг понятия «российская нация» – в основном за пределами профессионального сообщества.

«В поиске этих самых объективных показателей “наличия или отсутствия” нации – пишет В.А. Тишков, – до сих пор пребывают многие нынешние российские и зарубежные авторы, но не с целью предложить некую универсальную формулу, а скорее с целью подвергнуть сомнению возможность гражданской нации в той же России, кроме тех этнонаций, к которым уже многие отечественные и зарубежные интерпретаторы привыкли... Этот академический анахронизм продиктован не столько научными, сколько политическими аргументами...» (с. 8). *«В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого»* (с. 17).

Е.И. Филиппова в статье «Нации, государства, культуры» тоже пишет о таком оппортунизме: «Одной из причин ложного противопоставления “гражданской” и “культурной” наций является неразличение культуры и этничности. Такая аналитическая перспектива ведет к недооценке культурного многообразия населения и роли культуры как системообразующего элемента в “классических” западных демократиях, прежде всего – США и Франции, и их переоценке применительно к другим

странам. Она также формирует представление о культуре как о чем-то фольклорном, архаично-традиционном или, напротив, экзотическом (если речь идет о культуре иммигрантов), воплощенном в материальных объектах, в звуках и образах, вкусе и запахах...» (с. 22). Я бы еще добавил, что не только этнические общности, но и нации вырабатывают собственную культуру путем соединения и переработки культурных традиций входящих в них этнических групп, а также восприятия общемировых традиций. И эта общенациональная культура – вовсе не какой-то аппендикс, а полноценная и многообразная, вполне *традиционная* культура.

К приведенным выше и верным, на мой взгляд, рассуждениям В.А. Тишкова можно привести как минимум два уточнения. Во-первых, двойная национальная идентичность, например, в случаях двойного гражданства возникает не автоматически и даже не обязательно во втором-третьем поколениях; думаю, это требует специальных исследований. Учитывая, что феномен человека «на стыке наций» все больше становится нормой, а не исключением (и понятие «диаспора» все больше теряет свой привычный смысл), изучение его заслуживает быть включенным в приоритетные направления этнологического антропологических исследований. А во-вторых, как раз в данном случае уместны сомнения относительно возможности выявления каких-то жестких и универсальных признаков нации, о чем пишут и сам В.А. Тишков и С.В. Соколовский (не привожу страниц, поскольку пришлось бы дать практически всю нумерацию статей обоих авторов).

Не будучи сторонником радикального релятивизма, свойственного тому же С.В. Соколовскому, здесь я должен признать, что в принципе и при желании нацией можно назвать (почти?) все человеческие сообщества, члены которого обладают четким групповым самосознанием. Кстати, С.В. Соколовский прав, когда пишет: «В этом отношении дефиниция Андерсона оказывается слишком широкой, поскольку называемые им специфические признаки национального сообщества не отличают его от сообществ локальных, конфессиональных и политических, границы которых не зависят (или могут в сущности совершенно не зависеть) от культурно-языковой специфики охватываемых этими понятиями человеческих совокупностей» (с. 44).

Но если все же попытаться учредить какой-то критерий для отличия нации от других общностей людей (а критерий должен быть один, определяющий *функциональное качество* нации – а не совокупность каких-то *признаков*, отражающих разные аспекты *качества*), то это, возможно, должна быть идентичность наиболее высокого уровня в вертикальной иерархии самоопределения человека? Впрочем, в таком случае может возникнуть угроза виртуального распада самой нации, поскольку эта иерархия у разных людей может выстраиваться по-разному.

Затронутые проблемы обусловлены совокупностью явлений, именуемой глобализацией, которая проявляется не только в экономике и резко усилившихся миграционных потоках, но и в эрозии концепта национального государства. Глобализация породила и противоположную тенденцию. По этому поводу В.А. Тишков и Е.И. Филиппова пишут: «Граждане, уставшие от неопределенности и недовольные снижением уровня и качества жизни, сами нередко требуют “возвращения государства”, понимая под этим социальное государство, чья задача – перераспределение ресурсов и обеспечение определенных стандартов (в частности, в сфере образования и здравоохранения) для всего населения» (с. 378).

Данная, обратная тенденция хорошо просматривается в кризисе Евросоюза, который и долженствовал заменить собой национальные государства или, по крайней

мере, существенно ограничить их суверенитет. По сути, мы имеем перед собой неудачную попытку создать конфедерацию – по моему разумению, этот тип политического устройства вообще бесперспективен, во всяком случае, история пока не дала положительных примеров. Думается, главные причины этого кризиса – очень существенная неравномерность экономического развития стран-членов Союза и диктат транснационального капитала посредством евробюрократов – на фоне бездарно реализуемой в общем-то нормальной идеи мультикультурализма. Невольно, кстати, приходит на память критика В.И. Лениным идеи Соединенных штатов Европы в условиях империализма (*Ленин ПСС*: 351–355). Даже его два главных аргумента при их адаптации к современным реалиям выглядят не столь уж архаично: 1) СШЕ как средство дальнейшего передела мира и угнетения слабых; 2) СШЕ как средство давления на США в условиях их растущей мощи. Может быть, только уточнить – как средство экономического противостояния США и как средство давления на современную Россию.

Авторы Заключения, споря с теми, кто все же считает бесперспективность государства-нации бесперспективными, твердо заявляют: «... Государства, при наличии склонности к соперничествам, экспансии или изоляционизму, тем не менее, обеспечивают безопасность граждан от внутренних и внешних угроз, включая противодействие международным террористическим сообществам. Даже в сфере экономики, где, казалось бы, правит бал “невидимая рука” рынка, налицо данные, опровергающие предположения об отмирании государства и размывании суверенитета». И еще сильнее: «Выполненное российскими учеными исследование на тему “Россия в полицентричном мире” также пришло к выводу, что “в обозримой перспективе значение института государства в международных отношениях будет увеличиваться, функции государства будут множиться, а их внутривостановочная и трансграничная направленность – теснее переплетаться между собой”» (с. 380). Воистину, практика – если и не абсолютный критерий истины (по причине имеющихся у меня сомнений о возможности выявления истины в политических вопросах), то очень полезна для корректировки теоретических взглядов. Помнится, в начале 1990-х годов в некоторых публикациях звучала эйфория по поводу отмирания государства и его замены некими транснациональными структурами (Евросоюз официально оформился как раз в 1992 г.).

Разумеется, авторы сборника, обсуждая теоретические и практически-политические проблемы, связанные с нацией, не могли не обратиться к общим проблемам методологии. Эта тема звучит, главным образом, в текстах В.А. Тишкова и С.В. Соколовского. И у них я обнаружил нечто неожиданное для себя и весьма знаменательное для эволюции современной отечественной этнологической мысли.

Оба автора известны как основные проводники идей конструктивизма в отечественной этнологии. А благодаря авторитету академика Тишкова выросло, кажется, уже целое поколение исследователей, для которых конструктивизм стал непререкаемой истиной, даже если не все из них толком понимают, что это такое и как это применять в конкретных исследованиях. Впрочем, то же самое можно сказать, наверное, о любой теории – и чем выше уровень обобщения, тем больше.

«Современная гуманитарная наука, – пишет В.А. Тишков – относит к категории социально конструируемых и такие понятия, как “нация”, “народ”, “общество”, ибо без направленных человеческих усилий и без привития на индивидуальном и коллективном уровнях чувства сопричастности той или иной общности, т. е. без идентификации себя со страной, народом, нацией нет и самих этих, казалось бы, извечных

реальностей. В социальном конструировании реальности важное место занимают и даже составляют его условие не только деятельность “производителей субъективных представлений” (информационно-образовательная среда, элита, институты), но и система хозяйствования, природные условия, тип расселения, язык коммуникации, накопленные веками культурный капитал и историческая память, поведенческие паттерны и мировидение – все это, как правило, передается от поколения к поколению и составляет так называемый образ жизни и облик нации. Именно этот “наличный” материал и повседневные инновации составляют основу социального конструирования, суть которого в осмыслении и переосмыслении того, что есть “Мы”. Таким образом, “изобретенные традиции” и нации как “воображаемые общности” – это не сочиненные с чистого листа (хотя и такое может иметь место) и не “выдуманные” общности. Это результат усилий по созданию образа/идентичности на основе доступного культурно-исторического и политико-идеологического материала. Но этот результат не есть извечная данность. Он имеет свою динамику, меняется во времени, его, казалось бы, неизменное содержание переосмысливается. Поэтому могут меняться и границы-маркеры, по которым выстраивается та или иная общность» (с. 3).

По сути, к тому же ведет и С.В. Соколовский, хотя и гораздо осторожней, как бы не желая высказаться более определенно: «Отечественная теоретическая мысль в области исследований национального стагнирует, удовлетворившись формулами нации как воображаемого сообщества и сообщества членства, как если бы они уже исчерпывающе объясняли суть многообразных национальных феноменов...» (с. 38). А коль скоро зашла речь о «воображаемости», то без Б. Андерсона обойтись невозможно. «Какой вид, тип или аспект воображения имеется в виду, когда говорят о “воображаемых сообществах”?» – задается вопросом С.В. Соколовский (с. 38). И замечает: «Я, например, вовсе не убежден, что базовая метафора Андерсона о воображаемом сообществе подтверждается приводимыми им рассуждениями. По первому впечатлению, в контексте его рассуждений, кажется, точнее было бы говорить о *представлении* нации или национального сообщества...» (с. 41).

Не буду останавливаться на анализе автором теорий воображения, хотя это очень интересно и эстетично для любителей интеллектуальных изысков. Мне тут важно подчеркнуть «реабилитацию» Андерсона, которого у нас чаще всего воспринимают как конструктивистского экстремиста, не понимая сути его концепции. Кстати, сомнения в такой трактовке идей Андерсона где-то уже проскальзывали – то ли в публикациях, то ли в устных дискуссиях, когда задавался вопрос, как правильно перевести на русский язык название его знаменитой книги «Imagined Communities» – «Воображаемые общества» или «Воображенные общества». Конечно, дословно правильней «воображенные», а контекстуально правильней «воображаемые», поскольку Андерсон вовсе не отрицал реальности нации и других типов социальных общностей, а лишь указывал, что такие общности («больше сельской общины, а, возможно, даже она») невозможно «пощупать», о своей принадлежности к ним человек узнает из тех или источников информации. И С.В. Соколовский нашел, кажется, наиболее адекватный термин – «представления».

Хотелось бы надеяться, что во всем этом проглядывает если еще и не тенденция, то, по крайней мере, позыв к повороту от некритичной апологетики радикального конструктивизма и оголтелой критики якобы советского варианта «примордиализма» (см., напр., об этом: Чешико 2016: 16–19) к поиску взаимопонимания между сто-

ронниками, казалось бы антагонистических, методологических парадигм: призыв к этому уже звучал на страницах научных публикаций (см., например: *Заринов* 2000: 16). Вкратце можно сказать так: глупо отрицать реальность того, что существует, но реальность всегда осмысливается человеком, эмоционально переживается, концептуализируется, мифологизируется, обожествляется или проклиняется.

Приношу свои извинения авторам страноведческих статей сборника за то, что я не смог уделить им внимание – объем рецензии позволил бы только упомянуть их в «телеграфном стиле». Но очень рекомендую читателям ознакомиться с ними – там есть много чего интересного.

Литература

- Заринов* 2000 – *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // *Этнографическое обозрение*, 2000. № 2. С. 3–18.
- Ленин – Ленин В.И.* О лозунге Соединенных штатов Европы / Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 26. С. 351–355.
- Российская нация 2011 – Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011.
- Россия 2011 – Россия в полицентричном мире / под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.
- Тишков* 2013 – *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Чешко* 2016 – *Чешко С.В.* О творческом наследии Ю.В. Бромлея // *Вестник антропологии*, 2016. № 2(34). С. 6–24.
- Этнический и религиозный 2012 – Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012.
- Anderson* 1991 – *Anderson B.* Imagined Communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.; N.Y., 1991.

References

- Anderson B.* Imagined Communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London; New York, 1991.
- Zarinov I.Iu.* Vremia iskat' obshchii iazyk (problemy integratsii razlichnykh etnicheskikh teorii i kontseptsii). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000. No. 2. Pp. 3–18.
- Lenin V.I.* O lozunge Soedinennykh shtatov Evropy. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5-th ed. Vol. 26. Pp. 351–355.
- Rossiiskaia natsiia: Stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie. V.A. Tishkov(ed.). Moscow: Nauka, 2011.
- Rossiiia v politsentrichnom mire. A.A. Dynkina, N.I. Ivanova (eds.). M.: "Ves' Mir", 2011.
- Tishkov V.A.* Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia. Moscow: Nauka, 2013.
- Cheshko S.V.* O tvorchestvom nasledii Iu.V. Bromleia. *Vestnik antropologii*. 2016, No. 2(34). Pp. 6–24.
- Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva. T.Iu. Krasovitskaia, V.A. Tishkov (eds.). Moscow: Novyi khronograf, 2012.

CONTENTS

Ethnogenetic Researches

<i>Abramova A.N.</i> Osteometric characteristic of the Kuban Meotians of VI century BC – III AD	5
<i>Kufterin V.V., Dubova N.A.</i> Craniometry on “Hephthalites” sample from Shakhidon burial ground (Southern Tajikistan)	20
<i>Yusupov Y.M., Balanovskaia E.V., Sabitov Z.M., Balanovskii O.P.</i> The complex studies of ethnogenesis: collaboration of gene geography and ethnography	28

The modern transformation processes and Ethnological Science

<i>Ignatiev R.N., Nikitin M.A.</i> Experimental Anthropology	36
<i>Khazanov A.M.</i> After Socialism: The Fates of Pastoralism in Central Asia, Mongolia, and Russia	45

Applied Researches

<i>Veselkova D.V., Goncharova N.N., Abramov A.S.</i> A morphological typology of a face and its applicability for identification	86
--	----

Field Materials

<i>Golovachev V.Ts.</i> A Trip by Pavel Ibis to Taiwan in 1875: subjects, techniques, and research tools of the ethnological studies	98
--	----

Science of Science

<i>Guboglo M.N.</i> «Three Sources and three Components» of Ethnic Identity	113
---	-----

Reviews

<i>Anchabadze Yu.D.</i> Review to: Антропология Медиа: теория и практика / под. ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016. – 302 с.	136
<i>Cheshko S.V.</i> Review to: Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил. 140	140

Our Authors	148
Rules for Authors	150

OUR AUTHORS

Alexandra Abramova – Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: abramovasacha0902@gmail.com

Alexey Abramov – Investigation Committee of Russia. Moscow, Russia.

E-mail: idenfacs@gmail.com

Yury Anchabadze – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: anchabadze@list.ru

Elena Balanovskaia – Medico-Genetic Scientific Centre, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: balanovska@mail.ru

Oleg Balanovskii – The Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: balanovsky@inbox.ru

Sergey Cheshko – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: ieamoscow@mail.ru.

Nadezhda Dubova – Institute of Ethnology and anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: dubova_n@mail.ru

Valentin Golovachev – Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: valliu@complat.ru.

Natalia Goncharova – Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: 1455008@gmail.com

Mikhail Guboglo – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: guboglo@yandex.ru.

Roman Ignatiev – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: roman.ignatiev@gmail.com.

Anatoly Khazanov – University of Wisconsin (USA), a foreign member of the British Academy.

E-mail: khazanov@wisc.edu.

Vladimir Kufterin – Bashkir State Pedagogical University. Ufa, Russia.

E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

Maxim Nikitin – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: proisel@gmail.com.

Zhaksylyk Sabitov – Eurasian National University. Astana, Kazakhstan.

E-mail: babasan@yandex.ru

Daria Veselkova – Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: daria.veselkova@yandex.ru

Yuldash Yusupov – Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan. Ufa, Russia.

E-mail: ufa1980@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ (АВТОРАМ)

Авторы представляют файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: *Иванов* 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (*Наши будни* 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987a: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.; и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги, 2004. № 32 (www.itogi.ru).

Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib).

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988. No. 2. Pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, I.O. Sostavitel (ed.). Gorod: Izdatel'stvo, 1988. Pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать код универсальной десятичной классификации (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (- → – [Ctrl “–” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – Филатов С.Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiia v postsovetsskoi Rossii // Religiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

новая серия

2017. № 2 (38)

Выпускающий редактор по этнологии – Н.А. Белова

Выпускающий редактор по физической антропологии – О.М. Григорьева

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 15.05.2017

Формат 70 х 108/16. Уч.-изд. л. 9,3

Тираж 500 экз. Заказ № 150

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – В.М. Маршанов

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А